

ДЖЕЙД ДЭВЛИН

НЕ СКУЧАЙТЕ,
ВАШЕ ВЕЛИЧЕСТВО!

Annotation

Если у тебя есть характер и талант, можно добиться многого, даже иметь свой ресторан и звезду Мишлена в неполные сорок.

Но это не спасет тебя от попадания в другой мир, где все придется начинать заново. А самый ужас в том, что ты капризная принцесса, у тебя два жениха и никаких приятных перспектив.

Ха! Была принцесса, стал поваренок, а дальше разберемся!

-
- [Джейд Дэвлин](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
 - [Глава 19](#)
 - [Глава 20](#)
 - [Глава 21](#)
 - [Глава 22](#)
 - [Глава 23](#)
 - [Глава 24](#)

- [Глава 25](#)
- [Глава 26](#)
- [Глава 27](#)
- [Глава 28](#)
- [Глава 29](#)
- [Глава 30](#)
- [Глава 31](#)
- [Глава 32](#)
- [Глава 33](#)
- [Глава 34](#)
- [Глава 35](#)
- [Глава 36](#)
- [Глава 37](#)
- [Глава 38](#)
- [Глава 39](#)
- [Глава 40](#)
- [Глава 41](#)
- [Глава 42](#)
- [Глава 43](#)
- [Глава 44](#)
- [Глава 45](#)
- [Глава 46](#)
- [Глава 47](#)
- [Глава 48](#)
- [Глава 49](#)
- [Глава 50](#)
- [Глава 51](#)
- [Глава 52](#)
- [Глава 53](#)
- [Глава 54](#)
- [Глава 55](#)
- [Глава 56](#)
- [Глава 57](#)
- [Глава 58](#)
- [Глава 59](#)
- [Глава 60](#)
- [Глава 61](#)

- [Глава 63](#)
 - [Глава 64](#)
 - [Глава 65](#)
 - [Глава 66](#)
 - [Глава 67](#)
 - [Глава 68](#)
 - [Глава 69](#)
 - [Глава 70](#)
 - [Глава 71](#)
-

Джейд Дэвлин
Не скучайте, ваше величество!

Глава 1

* * *

— А фамилия у тебя есть, Крон? — поинтересовалась я, отряхивая тунику от налипшей травы и веточек. Мы выбрались на дорогу, ведущую из столицы на юг, и теперь я видела в просвете между деревьями зубчатый край городской стены, украшенный белыми флагами.

С той стороны доносился неясный гул, и, несмотря на раннее утро, довольно много народа пешком, верхом и на телегах двигалась к городским воротам — видимо, на рынок.

А мы постояли немного, приглядываясь, и двинулись против течения. В столице мне делать точно нечего. Мгновенное и неожиданно острое желание проверить, как там мальчишки, я задавила на корню усилием воли.

— Крон Броун меня зовут, госпожа, — басовито доложил до синеватого блеска выбритый громила, поудобнее пристраивая на плече узел с нашими немудреными пожитками.

— Броун... нормально. Значит, отныне я твоя младшая сестра, Крон Броун, и зовут меня... — Я на секунду задумалась и бодро выкроила из родного имени подходящее звуко сочетание: — Лия Броун.

Крон как-то неопределенно-вопросительно угукнул, глядя на меня глазами контуженного теленка. М-да. Братец-то у меня местами слабоумный. То ли сразу такой был, то ли магия клятвы окончательно сварила ему мозги.

— Обращаться ко мне надо «сестра», а не «госпожа», это понятно?

— Куда мы пойдём, го... сестра? — послушно перестроился Крон, с некоторой опаской поглядывая по сторонам. Странно, но, кажется, его смущала толпа.

Я пару минут молчала, топая по обочине и с интересом приглядываясь к прохожим. Кажется, в государстве все спокойно — люди выглядели по-разному, кто-то был весел, кто-то сердит или утомлен, кого-то явно разбудили слишком рано после вчерашнего. Но в целом они выглядели обычными людьми, а не загнанными зверьками или голодными оборвышами, как было бы, случись в стране гражданская война. Значит, и с этим все получилось.

И у меня есть выбор. Прошло три года для всего остального мира, а для меня все случилось как будто вчера. И память услужливо выудила из своих закромов кучу сведений, которыми я успела разжиться перед побегом. О городах, о нравах их обитателей, из тех, что попроще и победнее, о дорогах на юг, восток и запад, о трудностях и некоторых хитрых уловках для бродяг.

— Пойдем... в Картахелию. Там тепло, там море, и совсем нет тех, кто может нас узнать. — Я подняла лицо и улыбнулась солнцу. — А еще там можно попробовать заработать на жизнь.

— Хорошо, гос... сестра, — согласился Крон, и я впервые увидела, как этот человек улыбается. — Только... если вы теперь моя сестра... вы не можете ходить в мужской одежде.

— Дойдем до места, там и переоденусь, — решила я после некоторого размышления. — По дорогам в платье не набегаешься. Нам ведь идти больше недели. У тебя есть какие-нибудь деньги?

— Нет, го... сестра, — пригорюнился «старший братец». — Простите, я не догадался забрать те, что остались от жалования, да там и было немного совсем, все... потратил.

— Ладно, я так и думала. — Рука сама потянулась почесать в затылке, наткнулась на отросшие ниже лопаток лохмы и отдернулась — непривычно. И стричь нельзя, магия же. Мало ли когда пригодится.

Вообще, ничего страшного, но и ничего хорошего. Десять серебряных монет по-прежнему защиты в моем поясе, этого хватит на дорогу до южного города Картахелия и на первое, самое скромное обзаведение. Но!

Когда я прежде делала подсчеты и планировала траты, я принимала во внимание собственные силы и потребности, и в моем уравнении не было неизвестного фактора под названием «взрослый здоровенный мужик и его аппетит».

То есть надо как-то особенно извернуться, чтобы не потратить все деньги до того, как заработаем новые.

Морить Крона голодом мне и в голову не пришло. Мы теперь идем вместе, и этот здоровенный мужик — не просто стукнутый магией по голове слуга, но и тот, за кого я отвечаю. Перед самой собой отвечаю, но мне ли не знать, что это как раз самое строгое суждение.

Кроме того, сытый мужчина — сильный мужчина. А у меня теперь другого защитника нет и в ближайшее время не предвидится. Стало быть, не только высокие материи в ход идут, но и чистая практичность.

Я хмыкнула про себя, поймав эту мысль, и окончательно успокоилась, устремив все ресурсы соображалки в более правильном направлении: как нам по дороге обеспечить себя провиантом, не трогая серебра.

— Я сильный, го... сестра Лия. — Кажется, Крон прочел мои мысли, кто бы мог ожидать от него такой проницательности? — Если пойдем не по главному тракту, а в стороне, по сельской дороге, весной по деревням для меня будет много работы. На ночлег и на еду хватит. Так-то я и пахать умею, и много еще чего из крестьянского. Батка мой в деревне жил... да я ушел по глупости, решил легкой жизни поискать.

— Мхм, — отозвалась я, с некоторым удивлением слушая небывало длинную и связную речь парня. Интересно... он всегда был умнее, чем казался, это ему магия в одном месте мозги отбила, а в другом выправила или все дело в бороде? Как сбрил — так сразу и поумнел.

— Ладно. — Перспективы оказались не такими уж и ужасными, и я повеселела. — У меня тоже руки тем концом приставлены, вдвоем как-нибудь справимся. Где, говоришь, эта твоя боковая дорога, которая через деревни?

— Через три столба перекресток будет, там и свернем, — дисциплинированно доложил Крон. — Как раз спросим, в какой стороне нынче посевная ранняя, на западе или на востоке, оно каждый год по-разному бывает, от ветра зависит.

Я машинально кивнула на его объяснения, с интересом глаза по сторонам. Так уж вышло, что я впервые, можно сказать, познаю мир. С этой завесой, кроме замка, ничего не видела, а во время побега не до того было.

— Поберегись! — заорали вдруг едва ли не над головой, и Крон проворно дернул меня за локоть, утаскивая на обочину. Другие прохожие и проезжие тоже разбегались с середины дороги ближе к краям.

— Что такое? — Я спросила тихо, но притиснутая к нам толпой бабуся в зеленом платке с вышитыми тюльпанами охотно ответила:

— Дык господа едут! Два героя Юнрена, сталбыть, собственной персоной. Господа консорты им поручения теперь дают, вот наши солнца-то и скачут как угорелые из конца в конец королевства-то. Не зря их ко двору взяли с границы.

Я тихо хмыкнула. Бабка сказала «консорты», это значит, наши герцоги кое-как договорились и глотки друг другу не перегрызли. А что, это ж хорошо.

А два героя Юнрена, интересно, кто такие? Впервые слышу.

— Скачут, скачут! — заорали в толпе.

И действительно, кавалькада из нескольких всадников пронеслась по дороге с грохотом подков, обдавая ликующий народ пылью и запахом конского пота. Прежде чем они скрылись вдалеке, я заметила во главе кавалькады двух длинноволосых блондинов и еще подумала, что, видимо, вот этот золотисто-платиновый оттенок у здешней знати распространен, если даже бастардам когда-то перепал.

А потом мы с Кроном выбрались с обочины и пошли своей дорогой.

Глава 2

— Дык, милаи, я б вас пустила переночевать, коли б вы мне дров нарубили, — вздохнула опрятная старушка, стоя на крыльце. Маленькие обветренные лапки, похожие на птичьи, она чинно сложила под передником, белоснежный накрахмаленный чепец топорщился по сторонам морщинистого лица, как морская пена вокруг обкатанной волнами гальки. — Да только колун у меня спортился, чтоб его болотники поели, этого соседа, рукоять-то сломал. У вас свой струмент, может, есть?

— Нету, бабушка, — вздохнул Крон и уже намеревался развернуться, чтобы выйти за калитку.

Я поморщилась. Дом старухи был последним с этого краю деревни, дальше темнели поля, где всю бесчинствовал не слишком ласковый западный ветер, свивая струи холодного дождя в неопрятные мокрые косички. Уходить туда, чтобы найти ночлег под кустом, ну очень не хотелось. А в остальных домах селения нас уже послали... на хутор бабочек ловить.

— А раз только топорщице сломано, сам-то обух цел у вас, бабушка? — высунувшись из-за широкой спины «брата», спросила я.

— А что ему сделается, железному, — закивала старуха. — Да толку. Рукоять теперь плотник не раньше чем через три дня выстругает, как проспится, поганец. Ярмарка у нас была давеча, вот все мужики и того.

— А можно посмотреть? — В голове всплыл очередной ютубовский ролик, для разнообразия рекламный. Там такую штуку продавали — вроде лезвия на подставке, на него сверху ставили полено и лупили молотом, а не топором, дерево расщеплялось снизу вверх, а не сверху вниз, отчего такая колка дров объявлялась более безопасной и быстрой.

Ну а вдогон ролику другие кадры замелькали: про поездку в деревню в раннем детстве — там какой-то соседский мужик так поленья и колот — заклинив железную часть топора в пне острым краем вверх и долбя по нему дровами.

Крон оживился. Кажется, он тоже вспомнил этот способ — было бы странно, если бы выросший в деревне парень его не знал. Скорее всего, просто забыл.

— И верно, бабушка, голова топорная есть — дрова будут. Давай, где у тебя поленница?

Бабка с некоторым неудовольствием пожевала бледными губами, а потом махнула рукой куда-то влево:

— Вон там, под навесом найдешь. Я думала, забулдыги какие городские по дороге шляются после ярмарки, а вы, видать, приличные еще, из своих. Коли с деревенскими-то хитrostями знакомы. Чего ж дома-то не сиделось?

— К родне идем, на юг, — привычно доложила я, направляясь вслед за Кроном. — Ферму вторая жена отца унаследовала, мы там лишние рты, вот и пошли к своим поближе, авось работу на хорошие руки всегда найдем.

Эту легенду мы с Кроном разработали совместно и вызубрили так, что ночью разбуди — от зубов отскочит. И в какой местности была ферма, и сколько заливных лугов при ней, и какая корова пеструха, а какая рыжуха... чтобы на мелочах не палиться. Деревенские — народ любопытный, часто спрашивали. Новостей у них мало, каждый новый человек интересен.

Вот и бабульку сказка с подробностями вполне удовлетворила. Хозяйка, после того как мы с Кроном (я была на подхвате, таскала занозистые пеньки, придерживала их, чтобы не падали с обуха, пока «братец» молотит сверху подходящим камнем, и потом складывала в поленницу) управились с дровами, не только позволила переночевать на сеновале, но еще и выдала по вчерашней лепешке и сыворотки молочной в горшок налила. Нормальный ужин, а привередничать мы за три недели пути отвыкли.

Одно хорошо: чем дальше на юг мы продвигались, тем теплее становились ночи. Днем и так было нормально, хотя и не жарко, а вот стучать зубами ночью, зарываясь в остатки прошлогоднего сена, мне не понравилось.

За это путешествие я узнала о средневековом сельском хозяйстве больше, чем когда-либо хотела. И раз и навсегда потеряла остатки пиетета перед «чистыми экологическими продуктами без всякой химии».

Угу, только обычно никто не упоминает, что там, где кончается химия, начинается биология. В частности, когда крестьяне удобряют морковь свиным пометом вместо какого-нибудь порошка с химкомбината, то, если не вымыть этот корнеплод как следует кипятком с мылом, можно подцепить весьма неприятных пассажиров, которых в этом веке, кроме как настойкой полыни, выселять нечем.

Или, например, в натуральном хозяйстве без никаких ветеринарных контролей никого не волнует кашляющая корова. Ее мало того, что будут доить до победного, щедро снабжая всех, кто не кипятит молоко, палочками Коха. Так еще и зарежут, когда поймут, что животное на последнем издыхании, но еще не отбросила копыта самостоятельно.

И продадут это зараженное мясо, пусть не в своей деревне, так на соседской ярмарке.

И это только то, что бросается в глаза сразу. А так — у крестьян полно своих заморочек и хитростей. Их понять можно: натуральное хозяйство в нынешние времена — дело уж больно ненадежное. Под стать лотерее. Будет в этом году теплая влажная весна без внезапных заморозков, а лето без засухи или, наоборот, без месяца неостановимых ливней, смывающих посева, — будет урожай, еда зимой и немного денег. А если хоть что-то в небесной канцелярии разладилось — пиши пропало, вплоть до голода.

Поэтому крестьяне всегда и при любых обстоятельствах норовят сыграть в хомячка и запасти жирку на случай непредвиденных напастей. А это значит, будут жульничать с «богатыньками» горожанами или просто чужаками без всяких угрызений совести. Мел в молоке и дешевый подкисший свиной жир в сливочном масле — это цветочки, я вот подглядела, как они своих свиней тухлой рыбой с опарышами откармливают — мол, не пропадать же добру, — и отказалась есть пироги в доме этой хозяйки. Хотя мы честно заработали ужин на этом подворье. И не в опарышах дело как в таких, свинья все переварит. Но мало ли от какой заразы передохла рыба в том пруду, откуда рачительные хозяева вычерпали этот «комбикорм»?

Такая вот экология, мать ее. Разом приучишься мыть руки перед едой и кипятить любую воду, прежде чем в рот тащить. Еще и Крона

пришлось шпынять, ибо это дитя природы такими глупостями не заморачивалось и норовило сожрать чего немытое прямо с куста.

Угу, мы уже один раз куковали на опушке жидкого лесочка, дожидаясь, пока мой охранник сможет отойти от кустиков дальше, чем на десять шагов. А нечего было жрать какой-то местный «утиный лук», сорванный на обочине дороги. Мало того, что там шляется кто попало, так еще и скотину водят, собаки бегают, и крысы путешествуют. Вот и подхватил «весеннюю радость». Причем еще уверял меня, что это, дескать, нормально, весной в деревьях все так «радуются» свежей зелени, и никто еще не помер.

Пришлось надавать по шеям, в красках рассказать о глистах и бациллах, пользуясь тем, что стукнутый магией товарищ верит на слово, и впредь бдить, чтобы это большое дитя больше не тащило в рот чего попало...

О-хо-хо, один детский сад в замке оставила, другой взамен получила.

Ладно. До моря осталась пара дней пути. А там... разберемся.

Глава 3

— Сестра, пойдем через главные ворота? — спросил Крон, скидывая с плеча узел и пристраивая его возле пыльного дерева. Оно росло у обочины шагах в трехстах от того места, где толпился народ, выстраиваясь в довольно приличную очередь.

— А есть выбор? — Я уселась на узел и зажала в зубах длинную соломинку, покусывая ее и всматриваясь в клубящийся возле высоких кованых ворот народец. — Все туда двигают, я смотрю.

— Потому что отсюда сразу направо — рынок, а налево площадь, — доложил Крон. — Мне мужик с той телеги рассказал, на которой мы последнюю ночь ехали. Вы... ты спала. А он выпил лишку и язык с привязи отпустил. Чтобы просто так ерунду не молот мне в ухо, я его про город расспрашивал.

— Ну и?.. — подбодрила я добытчика, на этот раз — сведений.

— Все чистые постоянные дворы в этой части города. Как вошел в ворота — можно найти комнату и привести себя в порядок и не шататься по городу потным деревенским увальнем, здесь таких не любят. Да и отдых многим быстро надобен... потому и очередь. А в боковые ворота — это нам больше часа обходным путем топать, да по жаре. Зато, говорят, там к морю ближе и входная пошлина поменьше на пару монет.

— Ну так чего сидим? — Я поморщилась и встала с тюка. Идти было жарко, пить хотелось зверски, сапоги за время дороги начали разваливаться на части и отрастили внутри себя шипы, клыки или еще какую дрянь, которая натирала безбожно, несмотря на самодельные портянки. Но в любом случае надо было идти. Во-первых, нам все равно в порт. Во-вторых, денег лишних нет. Я как тот скопидом — все десять серебрушек сберегла, и не зря: из того, что удалось выяснить по дороге, следовало, что жить в портовом городе недешево, а если хочешь свое дело начать, так и вовсе придется кошельком потрясти.

— Платье вам надобно обязательно купить, — бухтел по дороге Крон. Он до сих пор периодически сбивался с «вы» на «ты», но хоть госпожой больше не величал, и то хлеб. — И обувку другую... Я с

утра в порт схожу, говорят, там грузчики нужны всегда. Много не заработаю, но за неделю...

— Погоди, это оставим на крайний случай, — задумчиво отмахнулась я. — Сначала надо узнать, с какого корабля можно купить мешок заморских бобов.

— Заморских бобов? Зачем?! — изумился Крон. — Они же горькие... в лекарство кладут по одной-две штучки. Вы хотите открыть аптекарскую лавку?

— Нет, Крон, — засмеялась я, глядя, как вдалеке в солнечном мареве тонет синяя полоса морского берега, а бело-желтая городская стена, сложенная явно из местного ракушечника, плавно закругляется, открывая вид на те самые боковые ворота. Толпа возле них и правда была в разы меньше, зато шум оттуда долетал даже до нас. — К аптеке это не имеет никакого отношения. У меня на эти бобы совсем другие планы.

Пока мы стояли в очереди к боковым воротам, платили пошину и толкались локтями в узких улочках у самой стены, чтобы пробраться ближе к порту, я все время думала, думала и думала. Ну, точнее, вспоминала и складывала в голове пазл из ранее услышанных историй и того, что удалось узнать в дороге.

Старая Берта еще жива и по-прежнему заправляет одной из «семей» на пирсах. По рассказам, это суровая тетка, которую и смерть боится, если за столько лет не прибрала. И эта местная мафиози все еще любит сладости.

А еще в этом мире существуют какао-бобы, но нет и намека на привычный мне шоколад. Привезенные из-за моря горькие зернышки используют как тонизирующее средство, даже напиток никто не догадался заварить. И не сказать, чтобы это «лекарство» за пределами дорого стоило. Не копейки, но и не золотом по весу.

Так что, если мне перепадет капелька удачи... будет чем поклониться самой старой и суровой «мамке» в порту. Шоколадные конфеты — это такое чудо, от которого ни один сладкоежка не откажется. А я умею их делать, было бы из чего. Не зря же в свое время оплатила безумно дорогой мастер-класс у самого знаменитого французского шоколатье.

Ну, дальше у меня уже несколько ходов намечено. Чем и как торговать, я найду, даже не сильно буду конкурировать с уже

привычным местным фастфудом, чтобы другие «мамкины дочери» не ополчились на сильно умную выскочку.

— Сестра, дальше сейчас идти не стоит, — вдруг забеспокоился Крон. — Там... плохой квартал. А время к вечеру. Не надо вам... тебе на непотребства глядеть, да и обидеть могут, на меня не посмотрят. К веселым девицам частенько даже господа захаживают, против них я не защита, только хуже будет, если начну...

— Я же в мужской одежде пока, ты что? — Мое удивление было вполне объяснимо: какому господину придет в голову цеплять уличного мальчишку в пропыленных лохмотьях, дырявых сапогах и с соломенным гнездом на голове? Волосы я обрезать теперь не рискнула, хотя все равно не могла пользоваться магией — не умела, а зеркало все еще не очнулось от спячки, и подсказок можно было не ждать. Приходилось эту копну кое-как скручивать в дулю на затылке, используя палочки вместо шпилек. Естественно, после дня пути по жаре и пыли этим гнездом и приличная ворона побрезговала бы.

— Сестра... — Крон неожиданно жарко покраснел, это было особенно заметно, поскольку только сегодня утром я заставила его в очередной раз побриться и щетина не скрывала разгоревшихся щек. — Молодые господа, они... иногда бывает... смазливый мальчишка, явно бедняк и не горожанин, у которого здесь нет еще покровителя... еще хуже может получиться.

— Тьфу! — искренне возмутилась я. — Дожили. Ладно. Куда тогда пойдем?

— Я сейчас осмотрюсь, вы... ты тут постой. Только никуда не уходи! Вот здесь... — Он ткнул пальцем в узенький проулок между двумя домами. — В тенечке. И чтобы на виду не торчать. А то плохой квартал в двух шагах.

— Ладно. — Я махнула рукой и оттащила наши пожитки поглубже в проулок. — Долго не шатайся и не влипни, ради всех богов, ни в какую историю.

— Я только спрошу... Тот мужик на телеге говорил, что на первом перекрестье перед плохим кварталом одна вдова комнаты сдает!

— Иди уже... бегом.

Крон скрылся в вечерней жаре, а я задумчиво стала смотреть вдоль улицы в сторону моря. Хм, а с виду «плохой» квартал ничем от хорошего не отличается. На улицу красных фонарей вообще не

похоже. Вот только... на крыльцо одного из домов вышли два блондина в слишком богатых одеждах и принялись оглядываться.

Глава 4

— Прекрати. — Голос был усталый и злой. На секунду мне показалось, что знакомый, но нет, этого мужчину я никогда раньше не слышала.

— Это ты прекрати! — Второй был похож на первый почти во всем, кроме каких-то трудноуловимых нюансов, но именно они делали первого усталым и каменно-спокойным, а второго — суетливо-огненным и искрящимся от какого-то старого неудовольствия. — Сколько можно, брат?! Давно пора забыть и... Пять лет прошло. Пять! Я уже не знаю, что думать, притащил тебя в лучший бордель Ракушек, а ты?!

— А я думал, что тебе скучно и хочется развлечься после тяжелой дороги, — спокойно парировал первый. — Только поэтому согласился составить тебе компанию.

— Да сколько можно уже?! — зло повторил второй. — Ну не хочешь девок, в этом доме Ракушек можно было найти и ма...

— Заткнись, — резко и на этот раз зло рыкнул первый. — Идем в гостиницу. Больше я на твои уловки не поведусь.

Разговор стих, как и шаги. Я вылезла из своей щели и не удержалась, бросила взгляд в спину уходящим господам. Здоровенные парни, выше Крона, который казался мне бугаем. А я так рядом с ними и вовсе дюймовочка. Одеты вызывающе богато, но при этом без вычурности или аляповатости. Плечи широченные, а походка такая, что не перепутаешь: с войной эти два господина знакомы не понаслышке.

М-да. А плохой квартал называется «Ракушки», точно, я же слышала об этом когда-то от своих пацанов. И один из этих блондинов явно не прочь купить себе любовь на ночь, а второй играет в благородство. Ну или в брезгливость, не знаю. Хотя разговор о мальчиках мне не понравился. Ну их на фиг... Где вообще мой собственный «братец»? Десять вдов можно было опросить на предмет комнаты за это время.

— Сестра! — Запыхавшийся и мокрый Крон выскочил из-за угла и чуть не врезался в меня. — Сестра!

— Что случилось? — Я недоуменно осмотрела его с головы до ног. — За тобой гонятся?

— Нет. — Крон отступил на полшага и уперся ладонями в колени, явно пытаясь отдышаться. — Уф... нет. Просто я боялся, что вы... ты...

— Да куда ж я от тебя денусь, несчастье? — риторический вопрос повис в воздухе. — Комнату нашел или просто так побегал по жаре?

— Нашел, — улыбнулся чудик. — Только... комната так себе. Малюсенькая и темная, а еще там ничего нет, даже лежанки. А денег просят как за хороший дом в деревне.

— Ну что поделать, нам пока и такая сойдет. В городе все дороже, — пожалала я плечами. — Пойдем тогда, я уже устала до смерти.

Пока мы шли, я все вспоминала рассказ Бори и пыталась представить хотя бы умозрительно, как и чем можно будет заняться на пирсе, если получится наладить контакт с одной из «мамок». Завтра прямо с утра... сразу на рассвете надо успеть в порт. И присмотреться-принюхаться к атмосфере. Поглядеть, что продают с лодок рыбаки. Наверняка что-то продают, во всех мирах и странах портовые города устроены одинаково. Есть надежда набрести на что-то, что не пользуется популярностью у местных, а потому стоит дешево. И если повезет — придумать, как бы приготовить это дело по-новому. Так, чтобы народ на запах шел и покупал.

Комната и впрямь оказалась той еще дырой — плесени в ней было больше, чем мебели. Зато прохладно — пока мы шли на юг, солнце наострилось припекать по-настоящему, и в каменном городе на берегу моря даже после заката было душно. А здесь, в маленьком доме недалеко от каменистого неудобного берега, где ни кораблю причалить, ни рыбаку поудить, было сыро, но свежо.

Угрюмая рослая бабка, чем-то похожая на старого пирата — наверное, из-за обветренного лица, широких костлявых плеч и вечно прищуренного левого глаза, — скупно выдала нам порцию правил: не шуметь, не пить, девок не таскать, если чего порушим — стражу вызовет как «здрасьте», у нее зять перекресточным служит. Вода в

колодце, уголь сами покупайте, в конце улицы по утрам угольщик из предместья торгует, проспали — сами и мерзните.

В целом ожидаемо. Спорить мы и не подумали, потому что, во-первых, бесполезно, во-вторых, устали как не знаю кто. Я даже не успела на сон грядущий подумать о завтрашних делах: едва Крон устроил мне постель из еще замковых одеял и охапки сена — упала и отрубилась.

Утро началось с петушиного крика и сырого одеяла. Понятно, откуда в комнате плесень: предрассветный туман вползал во все щели седой неопрятной ватой и оседал на всех поверхностях тяжелым холодом.

Ну, с другой стороны — не проспали, даже будильник не понадобился.

— Идем на пирсы, первым делом нужно оглядеться, — скомандовала я Крону, когда он закончил поливать мне на руки из щербатого кувшина для умывания и подал полотенце. — Ты разменял вчера серебрушку?

— Да, сестра. Вот. — «Братец» порылся в недрах своей туники и протянул мне холщовый кошель, позвякивающий и довольно увесистый. Заглянув в него, я обнаружила кучу медных монет, довольно потертых и неровно отчеканенных. — Тут все...

— Пусть у тебя будет, — распорядилась я. — Главное, прячь туда, куда я научила, чтобы не срезали. Будешь платить в лавках, люди меньше станут вопросов задавать. Когда брат платит за сестру — это привычно и неинтересно, вот если наоборот...

— Да, сестра, — послушно кивнул Крон. — Значит, после пирсов пойдем в лавку с платьями для вас?

— Далась тебе эти платья. Пойдем, пойдем, куда деваться, — вздохнула я. — Нам сегодня непременно должно повезти!

Вот знала бы я, какое сегодня будет везенье, — лучше бы весь день дома просидела...

А начиналось все хорошо. По туманному холодку мы добрались до крайнего пирса, и я с удовольствием вгляделась в длинные ряды маленьких лодок, что приткнулись носами к каменной дорожке, уходящей в море. На каждой лодке суетились люди — в основном старики и мальчишки, как я заметила. Все они на разные голоса выкрикивали название своей добычи, привлекая покупателей.

Народ охотно толпился, заглядывал с каменного пирса в лодки, приценивался, торговался и при этом увлеченно вопил.

Шум стоял такой, что даже морской прибой в нем потерялся, растворился, как слишком маленький кусок сахара в полном стакане чая.

Пахло остатками утренней сырости, водорослями — теми самыми, что, высыхая, дают любимый всеми «аромат моря», — мокрой кожей, рыбой и потом.

Корзины рыбаков быстро пустели, я приглядывалась к товару и хмурилась — пока ничего интересного. Либо мало, либо дороговато для фастфуда, либо уже занято — чтоб мне кухни не видать, если вон те оптовые покупательницы не торговки из «семей».

Неужели зря пришли?

Глава 5

— Па-а-аберегись! — заорали вдруг прямо у меня над головой, и Крон едва успел за руку выдернуть меня из слитно двинувшейся куда-то толпы.

— Па-а-аберегись! — продолжал орать неизвестный голос. — Разойтись, сброд! А ну, живо! Живо!

— Вот бесы морские градоправителя принесли, — пробухтел где-то возле моего левого локтя мальчишеский голос. — Делать ему нечего, трутню, всю торговлю попортит, а у нас и так...

Да уж, кем бы ни был тот градоправитель, дело он затеял неумное. Ну какой тут «разойтись», когда каменная дорожка, уходящая в море, всего шагов десять шириной, а народу на ней тьма-тьмушая? Куда ему расходиться — в воду попрыгать? Или градоправителей такие мелочи не волнуют?

Судя по всему, моя последняя догадка верна, потому что народ толкается и мечется по пирсу, как стая селедки в сетях траулера, а оттуда, откуда слышатся повелительные крики, только напирают.

— Сюда! — дернул меня за руку Крон, и я увидела, что он тянет меня вниз, аккуратно туда, где только что скрылась лохматая пацанская шевелюра. Тот персонаж, что обругал градоправителя трутнем, оказался поумнее многих: он ловко вцепился в свернутые бубликами старые веревки, которыми был обшит по периметру пирс, и по ним как обезьянка сполз к самой воде, но не плюхнулся в нее, а ловко устроился на каком-то выступе между причаленных лодок.

Мы с Кроном переглянулись и полезли следом. Потому что рыбаки зевая в лодки пускать не собирались, и правильно делали — утлые суденышки не выдержали бы такого наплыва и пошли бы ко дну, а прыгать в воду или падать под ноги толпе не хотелось.

— Вот идиот, — ругнулся между тем откуда-то снизу наш путеводный лохматик.

Я была с ним согласна — какого рожна градоправителя понесло на пирс в такую давку, не мог подождать, пока народ немного не рассосется? Что ему вообще тут надо?

— Отставить! — рывкнули вдруг откуда-то сверху, и мне показалось, что это было выкрикнуто на два голоса. — Всем вернуться!

— А, так он два Юнренских солнца привел выгуливать, придурок, — прокомментировал снизу мальчишка. Как оказалось, он сполз к самой воде и перебрался в какой-то... нет, лодкой назвать это сооружение у меня язык не повернулся — больше всего плавсредство напоминало долбленое корыто, в котором кое-как мог разместиться тощий подросток с веслом и несколько корзин непонятного на первый взгляд месива. — Ну что ж так не везет... даже на хлеб теперь не наторгую! Скорпену ему в глотку, трутню жирному!

Про жирного трутня я была солидарна, хотя градоправителя в глаза не видела и оценить его фигуру мне случай не представился. Но досадовала не меньше — прощай, мой план углядеть сегодня что-то подходящее для будущего средневекового фастфуда.

— Господин герцог, прошу прощения, я... — проблеял вдруг откуда-то сверху довольно противный тенорок, и когда я машинально подняла голову, то первое, что увидела, — знакомый силуэт на фоне светлеющего неба и рукоять фамильного меча семьи Браганта у него на поясе.

— ...! — само вырвалось, когда я разжала руки и камушком, почти без всплеска, ушла в воду с головой.

Это было даже не страшно, потому что море оказалось приятно теплым, а в прозрачной высоте у кромки мерно колыхались тонкие водоросли, словно успокаивая и обещая, что вынырнуть можно в любой момент.

Я задержала дыхание и проплыла под корытом, в котором сидел пацан. Осторожно схватившись за край посуды, высунула голову: точно там Раймон, мне не почудилось? Он еще стоит?

Это был Раймон. Но слава всем богам, герцог вовсе не смотрел вниз и не обратил никакого внимания на всплеск, он уже отвернулся, о чем-то вполголоса разговаривая с низеньким и толстым господином в дурацкой шляпе, похожей на подушку с пером.

— Какого... его сюда принесло? — отплевываясь, пробормотала я.

— Два солнца ж притащил, — ответил вдруг на этот риторический вопрос владелец корыта. Он вообще оказался на

редкость словоохотливым. — Юнренские герои теперь будут отвечать за порядок в Картабелии, не слышал, что ли? Вот его светлость их и привез на место службы. Напутствовать, небось, чтоб не заворовались, или еще что... Хотя эти вроде как северные пограничники, они не вороватые. Зато нрав тяжелый, будут теперь всем ремни-то затягивать. Тут же ж все на мази давно, кому надо сунуть, кого надо пугнуть — и гуляй, вольница. А когда новое начальство — так то все одно новое шило в заднице, порядки свои наведут. Эх... Отпусти лодку, я поплыл. Не будет сегодня торговли.

— Сестра! — вдруг напомнил о себе Крон. До этого он висел на канатах, крепко зажмурившись от страха, — увы, мой здоровый лось не умел плавать и боялся воды. Так боялся, что даже не заметил, как я свалилась вниз. А теперь он глаза все же открыл и, судя по всему, перепугался еще больше. — Сестра!

— Тихо! — шикнула я, перебирая руками по борту корыта, чтобы снова приблизиться к пирсу. — Не ори, здесь я. Все в порядке. Держись крепче, скоро все уйдут, и мы вылезем.

— Так ты девчонка, что ли? — очень удивился корытовладелец, разглядывая меня большими глазами. — Ну точно... Красотка, где ты научилась так хорошо плавать?

— Кто тебе здесь красотка, мелкий? — фыркнула я. — Тоже мне... Скажи лучше, как долго...

Я хотела спросить, как долго, по его мнению, придурок с подушкой на голове будет прогуливать по пирсу всякие герцогские морды. Все же у парня в таких делах опыта было больше, мог и подсказать чего полезного.

Но закончить вопрос я не успела, потому что неудачно перехватилась за борт его корыта и оно резко качнулось. Одна из корзин, среди которых и сидел мальчишка, от этого толчка опрокинулась на бок, и мне на голову посыпались мелкие и не очень осьминоги. Или что-то необычайно на них похожее.

— Осторожно! — завопил пацан, спасая свою добычу от низвержения в море. — Рехнулась, что ли? Отцепись давай, дура!

— А куда же делась «красотка»? — чуть насмешливо поинтересовалась я, перестав раскачивать его утлое суденышко, но не убирая руку с бортика.

Часть еще вполне живых руконогих, из тех, кому повезло вывалиться, шустро шевелила щупальцами, расплываясь в разные стороны, а мне пришла одна интересная мысль. Неужели все же повезло?

— А что у тебя в других корзинах? — спросила я, дождавшись, когда мальчишка перестанет ругаться и шипеть, как котенок, которому намочили хвост. — И почему ты продаешь такую ерунду?

— Сама ты ерунда! — взвился пацан. — У меня добыча высший класс!

— Ага, вижу. Мелочь. Мелочь. Ракушки. Еще мелочь. — Я бесцеремонно и деловито подволокла его корытце к причалу, ухватила одной рукой за веревочную обивку, а другой начала сдергивать крышки с других корзинок. Хм-хм-хм...

А это, кажется, уже интересно!

Глава 6

— Так, ракушки себе оставь, слишком мелкие, много возни и протухнут еще до обеда, — деловито выговаривала я, перебирая мелких морских тварей в корзине и перекладывая часть в наше с Кроном лукошко. — А вот осьминогов тащи сколько поймаешь, все пригодятся.

Мы уже ушли с пирса, поскольку нелегкая наконец унесла и подушкового градоправителя, и его опасное начальство. Люди начали расходиться, солнышко припекало все крепче, набережная опустела.

Пацана, который пытался пристроить на рыбном рынке свою всякоразную мелочь, звали Янь. Он был сиротой с двумя сестренками, сыном утонувшего этой осенью рыбака. Отцовскую лодку у него отобрала артель за какие-то там долги папаши, но зато остался дом, в котором жила семья. Хибара на самой окраине, но все крыша над головой. Жаль только, с голоду можно и под своей крышей умереть.

Ходить на настоящий рыбацкий промысел мальчишка еще не мог — мал. Настоящей лодки у него не было. Да и сестриц, одной из которых было семь, а второй три, он надолго боялся оставлять, хотя девчонки, по его словам, были на диво самостоятельные и серьезные.

Вот и выворачивался как мог — на своей самодельной долбленке обходил перед рассветом цепочку мелких островков в полукилometре от берега, выуживая из щелей и промоин все, что можно съесть.

Благодаря этому и не голодали. Беда только, что помимо даров моря обычным людям нужны и другие вещи. Хотелось хлеба, хотелось дров для печки, девчонки и сам парень росли, и нужно было как-то одеваться. Про обуваться они и не мечтали — летом и босиком нормально.

На все требовались деньги. А продать невразумительную добычу на рынке, где полно отборной свежей рыбы с ночного промысла, удавалось редко и за гроши. Кое-что пристраивали по соседям, но тоже очень дешево.

Я во всей этой истории увидела свет собственного везения. Когда мне на голову посыпались мелкие склизкие и с присосками, память как по волшебству прояснилась, подкинув мне четкую картинку из земного прошлого: набережная в Неаполе, море, чайки, певучая итальянская речь — и вдруг запах. Такой интенсивности и красоты, что меня повлекло на него как на привязи.

И притащило к лотку веселого темнокожего марокканца, на развес торгующего жареными тут же осьминогами. Это было... невероятно. В жизни я не ела более вкусного морепродукта.

Мой тогдашний кавалер, с которым мы познакомились на большом ресторанным форуме и уже наметили было сначала прогулку, а потом и более интенсивное общение в номере отеля, ушел ни с чем, поскольку оттащить меня от марокканца и его осьминогов не смог бы даже бульдозер.

Я тусила там неделю — приходила рано утром, уходила с последними гуляками на набережной, кое-как спала в своем отеле и со всех ног мчалась обратно.

С Рашидисом мы в конце концов подружились, когда ему надоело гнать от лотка чокнутую бабу, смотревшую влюбленными глазами на его коробочку со специями. Взяв с меня слово, что я никогда в жизни не буду жарить осьминогов в Неаполе, пожилой жилистый дядька, прокопченный с головы до ног вкусным дымом, научил меня готовить панировку, правильно выбирать масло, добавлять нужное количество специй, соображать на ходу, чем заменить недостающие, если вдруг что, и главное — правильно чистить самую скользкую щупальцевую мелочь и правильно жарить ее, нанизав на рисовые соломинки.

И вот теперь я имею отличный шанс поправить свои дела благодаря случайному знакомству. Точнее, двум случайным знакомствам: на Земле в прошлом и под Картагельским пирсом в настоящем.

— И что ты собираешься с ними делать? — скептически выгнул бровь мальчишка, подкинув на ладони несколько медяков. — Самим вам столько не надо, не успеете сожрать, протухнут. А продавать... где ты такое продашь?

— Тебя это волновать не должно. — Я наконец отсортировала морепродукты и передала корзинку слегка оглушенному всем произошедшим Крону.

— Еще как должно, — возразил мальчишка, хватая меня за руку. — Сама сказала, что будешь покупать у меня постоянно и много. Я сейчас губу отсюда и аж до Белой Гавани размотаю, предвкушая барыши, а ты прорыбишь все свои денежки и сгинешь, и я останусь, как дурак, с осьминогами и без запасов девкам на зиму! Так что рассказывай!

Его выгоревшие на солнце почти до белизны лохмы смешно встопорчились, мальчишка, сам черный от раннего загара, был до смешного похож на сердитый старинный негатив.

Я хмыкнула и потянулась, разминая затекшую спину.

— Расскажу, но позже. Сам лучше подсказку дай, где недорого купить приличное платье и прочие женские... вещи. Старьевщики на нашей окраине есть? Такие, чтобы не совсем тряпье продавали?

— Угораздило меня связаться с чокнутой, — пробухтел мой первый поставщик, но потом задумался на пару минут и выдал несколько адресов, звучащих вполне в духе времени: через Ракушки до овсяного рынка и потом на закат, третий дом с красной крышей, или вдоль порта до Синей Гавани, потом свернуть у зеленых ворот и в гору, пока не упруешься в лавку старой Хульги... но там будет дороже.

— Хватит пока. — Я поняла, что больше трех таких адресов без навигатора все равно не найду, и притормозила источник сведений. — Значит, завтра с утра жду тебя здесь же, пока одной корзины хватит. Пока!

И мы ушли. Честно говоря, платье волновало меня сейчас меньше всего, важнее было решить несколько других вопросов. Понятно, самых первых своих купленных осьминогов я продавать не буду, они пойдут на эксперименты и заодно обеспечат нас пропитанием, на которое не придется тратиться отдельно.

Но чтобы их приготовить, мало самих морепродуктов. Надо еще раздобыть правильные специи, правильную панировку и самое главное: правильную жаровню!

И вот тут начинаются сложности.

Потому что мало сообразить, как выстроить печку во дворе арендованного дома, мало подобрать дрова, чтобы пламя было ровным и нужной жаркости. Надо потом еще как-то эту самую печь приволочь на пирс! Потому что торговать можно только горячими, секунду назад

зажаренными осьминогами, завлекая прохожих волшебными запахами, которые работают лучше любой рекламной кампании.

И у меня есть пара мыслишек, как это все провернуть.

Интересно, сколько стоит в Картахелии работа плотника? Мне нужна крепкая тачка на двух колесах и с подпорками.

Глава 7

— Развели тут грязюку! Это что такое?! — возмущалась хозяйка дома, которую нелегкая ни с того ни с сего опять принесла проверить, как проживают ее квартиранты. Дело в том, что сдаваемые ею комнаты выходили дверьми не на «чистый двор», где обитало семейство арендодательницы, а в переулок, и каждой клетушке был нарезан малюсенький участок пыльного пустыря, вроде как мини-дворик, где я и расположилась с экспериментами.

И надо ж было такому случиться, чтобы старая карга, влетевшая в калитку, с ходу вляпалась обеими ногами в шмат глины, которую Крон уронил на дорожке, когда уделанными по плечи лапищами тащил этот хорошо вымешанный с навозом и соломой ком к моему рабочему месту.

— Не беспокойтесь, госпожа, мы все приберем, — откликнулась я, вытирая потный лоб предплечьем — руки тоже были в глине. Я творила печку, это был уже четвертый вариант за три дня, и, если честно, больше всего сейчас мне хотелось не разводить вежливость, а запустить комом грязи в крикливую старуху. Она за эти дни успела достать меня до печенок и даже глубже.

Самое обидное, что совершенно не было времени и возможности сменить жилье. Крон, дурак такой, отдал старухе арендную плату за месяц вперед, потому что в противном случае карга обещала настучать на нас своему родственнику-перекресточному.

На что именно она собиралась доносить, неизвестно, но мой бритый бармалей испугался, причем непонятно, за кого больше — за себя или за меня. Его-то, по сути, никто не искал, сочли мертвым уже три года назад, а вот я продолжала щеголять в мальчишеском наряде, потому что в юбке с глиной и тачкой не набегашься. Чем это мне грозило? А брюква его знает. Крон представил, что нас разоблачат, и отчего-то спекся прямо до состояния вкрутую. Объяснить мне сути дела он не смог, только бормотал, что лучше потерпим, а через месяц съедем.

Я поскрипела зубами и четко усвоила: отныне все денежные дела и переговоры с другими людьми придется вести самой. Ну... тоже урок. За который приходится платить ежедневной нервотрепкой при общении с бабкой.

— Что за бордель в грязи вы тут развели? — К удивлению, бабка сбавила тон, в ее голосе был скорее брезгливый интерес, чем настоящий гнев, после которого нам грозило оказаться на улице без тех денег, что мы ей уже заплатили. — Это что?

Она прошла ближе и с легким любопытством потыкала носком потертого сапога в деревянную платформу, на которой я ваяла четвертый, надеюсь, окончательный вариант помеси жаровни и тандыра.

— Печка это будет, передвижная, — особого смысла разводить секретность я не видела.

— На телеге, что ли? — быстро сообразила бабка. Собственно, у нее было имя — госпожа Магнолия. Но из этой старой копченой селедки была такая же магнолия, как из меня принцесса. — И зачем тебе такая дурость? Печка передвижная, ты посмотри. Ума-то нету, так они грязь на колесах громоздят, вишь ты... чокнутые. А как совсем осьминог из уха-то вылезет да подожжете мне дом, блаженные, а? Кто мне за это заплатит, я вас спрашиваю?

— Когда у вас Бурый Гонт халупу снимал да по пьяни калитку снес, вы с кого плату требовали? — подал вдруг голос Крон, подтаскивая за спиной бабки мне новый ком глины. — Небось, так кривая и стоит, того и гляди пришибет какого посетителя. И будете сами виру выплачивать за увечье.

— Ах ты, поганец! — буквально взвилась бабка, проворно оборачиваясь к моему названому братцу, которому я за ее спиной показала измазанный в глине кулак и скорчила страшную рожу, означающую: ты что несешь, придурок?! Хочешь, чтобы карга нас прямо сейчас на улицу выгнала?!

Крон в ответ сделал сложное движение глазами, которое я не поняла. Но налетевшая на него бабуся-пиратка с цветочным именем была остановлена буквально в трех сантиметрах от жертвы одной фразой:

— Так я о чем... калитку-то вам починить или как? Пусть на одной гнилой петле болтается?

Госпожа Магнолия с минуту сурово сопела, спуская уже накопленный пар, а потом коротко хмыкнула:

— Скидки за постой не будет.

— Да это понятно, — кивнул Крон. — Вы вон досок хороших скажите внуку принести да петлю у кузнеца новую закажите. А остальное сделаю.

— Все есть, все есть, — засуетилась вдруг бабка. — Давно уж припасено. Только жадные все стали, за час работы хотят чуть не королевским золотом! А ну, пошли, милоч... чай, тут в грязи-то и без тебя справятся.

Я снова вытерла лоб локтем, озадаченно глядя вслед удалившимся товарищам. И как это понимать? Только что вот я вспоминала, что этого увальня лучше одного с деньгами на переговоры не отпускать, и тут же — тут же! — он развел отличную дипломатию с бабушкой, отвлек ее от меня и моей работы, и ему даже не особенно дорого оно встало. Крон еще вчера сказал, что, будь у него материалы и инструменты, калитку бабке починил бы в момент.

Но предлагать этого домохозяйке тогда не стал, а вот сейчас использовал как козырь. Это как, у него мозги работают в мерцающем режиме? Тут варю теорему Пифагора, а тут примус починая?

Подумав немного, я вернулась к ваянию печи, решив, что нашла более-менее правдоподобное объяснение странностям. Дело в том, что Крон вел себя как типичный здешний деревенский житель: деньгами он не очень умел распоряжаться. И до дрожи в коленках боялся властей, тем более городских. А особенно — мелких чиновников вроде бабкиного перекресточного. Инстинктивный какой-то страх, на уровне рептилоидного мозга, не иначе. Слишком мало он на самом деле прожил на кухне при замке, я спрашивала — появился там буквально на месяц раньше меня. Не успел перестроиться.

Столкнувшись с двумя проблемами сразу — платить за постой не работой, а наличкой, и получив полный ковшик неясных угроз, — его мозг временно выключился.

А теперь вот очухался немного, тем более что его вернули в привычную плоскость: починить калитку руками — это не живые деньги отдать. Это ему проще и легче.

Ну и ладно, буду просто держать в голове эту его особенность. А пока другие дела на носу. Моя строительная деятельность потихоньку

продвигается. Я ведь сдуру замахнулась сразу на то, что посложнее, — любимую печь вьетнамских уличных торговцев. Конечно, они ее все же на земле строили и не из... кхм... палок, а из бетона, но при должном старании и у меня получится. Зато сколько преимуществ! Компактность, экономичность и три — сразу три! — «конфорки» вместо одной. Правда, опять пришлось потратиться у кузнеца, потому что без некоторых металлических запчастей все равно было не обойтись.

Хорошо, что удалось сформировать правильные «кирпичи», теперь осталось их соединить в нужном порядке, как лего.

Дорогу осилит идущий, а печку — лепящий. К вечеру этого же дня я оставила в покое свое новое архитектурное сооружение и взялась за другие дела, потому что теперь моей поделке надо было как следует высохнуть.

А мне настала пора все же идти за платьем и вплотную решать вопрос какао-бобов. Вот ведь незадача: оказывается, сейчас на них не сезон. В порту ни одного торговца с нужным грузом. И где теперь искать пропуск «под юбку мамки», еще предстояло выяснить.

Глава 8

— Го... сестра, ты такая красивая! — благоговейно выдал Крон, глядя на меня глазами контуженной совы.

Я даже забеспокоилась, мало ли, даже несмотря на вскипяченные после отката мозга, он оставался здоровенным половозрелым мужиком, с которым я сплю в одной комнате. Но нет, волновалась я напрасно, потому что в глазах названного брата светился чисто детский восторг и ничего больше. Ни единой искры мужского интереса или похоти. И даже наоборот, восторг довольно быстро сменился озабоченностью.

Которую Крон тут же и объяснил:

— Сестра, теперь тебе ни за что нельзя ходить по улицам одной, тем более в сторону Ракушек. И в порт. И в лавку... и вообще никуда!

Я вздохнула, даже не пытаюсь спорить. Большое бронзовое зеркало, прибитое к стене самой шикарной лавки старьевщика на рынке, отражало если не мисс мира, то вполне симпатичную худощавую девицу с идеальной осанкой, заметными, хотя и не выдающимися выпуклостями и правильной кукольной мордашкой в обрамлении золотистых локонов.

Как есть принцесса. В портовом южном городе, где так жарко, что женщины не привыкли заматывать себя в десять слоев ткани и открытым декольте никого не удивишь. Где юбки выше щиколоток, где волосы если и прикрыты, то лишь легкой вуалью или кокетливой соломенной шляпкой — от солнца. Где темперамент кипит и выплескивается как из парней, так и из девчонок веселым пенным фонтаном. И где светловолосые красотки — редкость среди смуглых бойких брюнеток.

Это проблема.

— Крон, ты никогда не слышал, чем женщины в королевстве красят волосы? — спросила я, впрочем не слишком рассчитывая на ответ. Откуда крестьянскому парню, попавшему на кухне сразу к вертелу, знать такие подробности дамского туалета?

— Нет, сестра, — предсказуемо понурился чисто выбритый громила. — Но можно спросить у госпожи Магнолии! Она после калитки подобрела и будет доброй еще дня три, не меньше. А потом я еще что-нибудь почищу.

— У нашей хозяйки полная голова седых волос, и при том, что она до сих пор усиленно молодится и подмигивает симпатичным господам, когда они идут мимо ее калитки, если бы Магнолия знала верное средство, она бы им воспользовалась, — отмахнулась я. — Ладно. Спросим у аптекаря. Наверняка если кто-то что-то такое продает, то это там. Нам все равно нужно найти заморские бобы.

Эх, если бы все было так просто, как я думала в этот момент.

— Три серебряка, и не меньше. — Аптекарь презрительно выпятил губу. — Или иди отсюда, поищи, где дешевле найдешь.

Я мысленно сказала очень много разных слов, но цензурных среди них не было.

Три серебряшки, три! За мешок весом примерно в полкило. Он рехнулся, что ли, старый козел?!

Нет, к брюкве. Пусть подавится. Я лучше придумаю другой способ сделать эксклюзивную сладость, чем дам сквалыге мерзкому так на себе наживаться. Отдать ему почти треть моих запасов — да он облезет!

— И средства для шлюх тут не продают! — добил меня пожилой выжига, посмотрев сверху вниз как на таракана.

Я удивленно моргнула и сообразила, что это он о краске для волос. Понятно... вот не зря этот конкретный козел сразу показался мне похожим на толстую жабу. Выпяченная губа и бородавка под глазом только усиливали сходство.

Ладно, господин земноводное. Вы не единственный аптекарь в Картахелии. Правда, один из самых дешевых... но это я зря, как тот поп, погналась за дешевизной. По всему выходит, что все свои снадобья вы делаете из чего попало, и только потому они у вас стоят меньше, чем в приличных местах. Вон почуял выгоду и мигом цену задрал, выжига...

С этими мыслями я развернулась и вышла из лавки, от души хлопнув дверью о косяк, с такой силой, что медный колокольчик над ней затрясся как припадочный.

— Ах ты, тварь поганая! — заорал вслед аптекарь, но мне уже было наплевать. Дверь я не сломала, значит, никаких претензий ко мне быть не может. Сейчас дойду до перекрестка, где Крон пытается выторговать у какой-то тетки мешочек серой морской соли, нужной мне для дальнейших экспериментов с морским фастфудом, и...

Увы, этим планам было не суждено сбыться. Прямо на рыночной площади среди бела дня я услышала за спиной быстрые тяжелые шаги и не успела развернуться, как на плечо мне упала тяжелая рука.

— А ну, стой, девка!

Высокий и тощий мужик с недобрый прищуром решительно рванул меня за ворот легкой полотняной блузы, которую только вчера Крон собственноручно отстирывал и отбеливал щелоком. Мы купили ее очень дешево, потому что она была вся уделана травяным соком, и мой названный брат заверил, что знает, как избавиться от пятен.

Почему-то именно жалость к его стертым рукам сейчас заставила меня вспыхнуть от гнева и резко сбросить с плеча чужую руку.

— Что вам нужно, господин? — Я отступила на шаг и очень холодно посмотрела на агрессора.

— Что ж ты, красавица, так далеко от дома забрела? — осклабился мужик, липким взглядом ныряя в мое декольте. — Пойдем, провожу...

Он шагнул ближе и зашипел вполголоса, как змея:

— Только вякни, шлюха белобрысая, заору, что ты у меня деньги украла, тут все перекресточные со мной в доле, дура деревенская. Быстро пошла за мной! Отработаешь должок, тогда и о себе позаботишься. Твое дело ноги раздвигать, коров больше пасти не придется. Поняла?!

У меня в голове стало холодно и кристально чисто, как морозным зимним утром на балконе. Мозги заработали с утроенной скоростью. Крон что-то такое рассказывал, про девчонок, которые попадают в Ракушки не совсем своей волей, про наивных деревенщин и вот таких «рекрутеров», у которых действительно свои среди перекресточных и мелких лавочников. Неужели жаб навел? Так быстро? И что теперь делать?

Так, спокойно, спокойно. Наезд рассчитан на ту самую наивную деревенскую девочку с психологией как у Крона: на ту, что будет бояться всего, а особенно обвинения в воровстве и того, что сейчас

позовут местного представителя власти. Она не будет сопротивляться, она поверит и, заливаясь слезами, пойдет за подонком сама.

Угу.

— Кто вы такой, господин? — еще холоднее и громче переспросила я, смерив гада таким взглядом, словно мне под ноги внезапно вывалился целый ком протухших слизняков. Может, я и не настоящая принцесса, но изобразить уверенность и дворянское достоинство еще как сумею.

И в первое мгновение уличный сутенер действительно слегка отшатнулся. Но потом его глаза загорелись злостью, и я почувствовала, что сейчас будет что-то совсем нехорошее. Драчунья из меня та еще, но я все равно подобралась. Самое противное — бежать было нельзя: вот тогда подонки точно заорет «держи воровку», а потом пойдешь докажи рыночной толпе, что ты не верблюд.

— Что здесь происходит? — холодно спросили вдруг у меня за спиной. Мужской голос, молодой, уверенный. И чем-то неуловимо знакомый... — Госпожа, вам нужна помощь?

Глава 9

Я обернулась медленно-медленно, как в плохом ужастике, когда героиня боится глянуть через плечо, предчувствуя, что ничего хорошего там не увидит.

Хм. Хм.

Парень. Еще совсем молодой — лет двадцать с небольшим или даже меньше. Высокий, симпатичный. Рыжий, как солнце, щедро усыпанный веселыми конопушками. Выправка явно дворянская, лицо строгое, а в карих глазах все равно смешинки.

Заметив мой взгляд, спаситель шагнул вперед и так посмотрел на уличного вербовщика, что я тихо ахнула про себя: солнечные искры веселья мгновенно превратились в обжигающее яростное пламя, от которого подонок скукожился и пожух, как старый лист, упавший в костер.

— Пошел вон, — спокойно и негромко произнес рыжий спаситель. И даже больше ничего не добавил. Этого оказалось достаточно, чтобы сутенерская плесень со сдавленным всхлипом втянулась, кажется, прямо в стену дома. Нет, конечно, подонок просто нырнул в узкую щель проулка, но смотрелось все равно очень эффектно!

Его проводили долгим внимательным взглядом, а потом спаситель снова повернулся ко мне.

— Госпожа? — Его улыбке мог бы позавидовать солнечный зайчик. — С вами все хорошо?

— Да, спасибо. — Я отступила еще на полшага и внимательно рассмотрела спасителя. Что-то неуловимо знакомое было в его облике, что-то... но я точно не могла нигде видеть этого парня. Тем более он дворянин, а у меня таких знакомств — раз, два и обчелся. Да, собственно, только двое герцогов и было, и ни на одного из них этот молодой веселый мужчина с ловкими движениями хорошего воина в неброской, но явно дорогой и хорошо подобранной одежде не похож.

— Может, вас все же проводить, прекрасная госпожа? — между тем предложил рыжий, шагая ко мне как раз на те самые полшага. —

Простите, я не представился. Антис Ай'Юнрен, к вашим услугам. Не окажете ли мне честь и не позволите ли узнать ваше имя?

— Сестра! — полный паники возглас сбил всю солнечную атмосферу, а ведь я уже почти улыбнулась рыжему в ответ. Но прилетел Крон, и он явно был в таком ужасе, что можно было думать не о симпатичном юном дворянине, а только о перепуганном названом брате. — Сестра, я... прости! Я же говорил тебе, что нельзя ходить одной! Я...

— Все в порядке. — Я поймала Крона за руку и сжала ее, другой ладонью погладив по плечу. А потом обернулась к спасителю и подарила ему извиняющуюся улыбку:

— Простите, господин Ай'Юнрен, я вынуждена вас оставить. Большое вам спасибо, ваше своевременное вмешательство позволило избежать множества проблем. Примите мою глубокую благодарность. А теперь нам пора.

— Скажите хоть ваше имя, прекрасная госпожа! — окликнул нас в спину рыжий, когда я уже потянула своего бритого громилу сквозь рыночную толпу.

— Меня зовут Лия Броун, господин. — Я снова мимолетно ему улыбнулась напоследок и прибавила шагу. — Идем, несчастье мое. А где покупки? Ты же должен был соль сторговать, бросил где-то, что ли?

* * *

— Ты опять нашел себе приключений на ровном месте? — Насмешливый чуть хриловатый голос прозвучал у самого плеча, и Антиса тут же чувствительно ущипнули за бок. — Или просто очередная девица в беде? Вот ты неугомонный, рыжий, сколько можно?!

— Я... хм... — Антис оглянулся на друга. — Опять шею тянешь куда не надо, любопытная птица? Да еще и щиплешься. Напомнить тебе детское прозвище?

— Только попробуй. — Русый парень с неприметным лицом и такой же ладно скроенной фигурой хорошо тренированного бойца

шутливо ткнул друга локтем в бок. — Так что за красотка тут только что с тобой кокетничала?

— Ладно-ладно. Она не кокетничала. К девушке пристал местный поганец, из тех, что наши солнца намерены вычистить из города. Девушка явно не местная, вот и...

— Ну да, хорошенькая блондинка, словно тоже откуда-то из окрестностей Юнрена. Интересно, каким ветром ее сюда занесло? Ты не спросил?

— Не успел. И вообще, странно. Знаешь, мне показалось, что я где-то видел ее раньше. Такое смутное чувство...

— Конечно, видел! Когда мы сбегали от воспитателей на сельскую ярмарку, там все девицы так выглядели! М-м-м, были времена.

— Угу, особенно когда мы с ярмарки возвращались и старший изверг приказывал отсыпать нам горячих с солью, — поежился Антис. — А потом закатывал двойную тренировку!

— Нашел что вспомнить. Какие были девчонки, какие у них были сись... формы! М-м-м! Вот это надо в памяти хранить, а не горячие от двух зеркальных извергов. Пошли, а то опоздаем и нам прямо сегодня достанется, на долгую память.

* * *

— Как там на юге? — Тень в кресле потянулась и устало откинула голову на подлокотник. Ухоженная рука вынырнула из тьмы и провела кончиками пальцев по резной ножке серебряного кубка. — Налить?

— Налить, — согласился Раймон, падая в свое кресло и глядя на угли в камине. — Устал как собака.

— Устроил наши солнышки с комфортом? — поддел Джейнс, выныривая из тени и глядя на друга с легкой усталой насмешкой.

— Не напоминай... Каждый раз, как я вижу этого мальчишку, мне хочется его немного придушить. Чисто для профилактики, чтобы не смел сверлить мне спину такими взглядами.

— Он так и не простил? — Голос Джейнса растерял радостные нотки и стал серьезно-печальным.

— Нет. Я сам себя не... Ладно. Пусть смотрит. Главное — подчиняется и не делает глупостей, — отмахнулся Раймон.

— Все твои враги рано или поздно приходят ко мне. Этот ни разу не приходил. — Джейнс налил вина в другой бокал и протянул герцогу Браганта.

— Да знаю... слишком умный, гаденыш. — Раймон благодарно кивнул и тоже откинулся на спинку кресла, глядя в камин и потягивая пряную красную кровь южных виноградников.

— Не верит в нашу вражду? — По голосу было слышно, что Джейнс скорее подначивает, чем говорит всерьез.

— М-м-м? Не знаю. Вряд ли догадался, что это игра. Просто не хочет выступать против меня. Пока не хочет. Может, никогда и не выступит.

— Или он придерживается традиционных взглядов, — хмыкнул Джейнс. — У нас с тобой отличное разделение труда: ты собираешь вокруг себя замшелых любителей старины и тех, для кого заветы предков превыше всего, я маяк для оппозиции и всего нового, для каждого молодого дурня, который думает, что лучше взрослых знает, как управлять этой страной. Очень удобно оказалось. Впору подумать, что принцесса...

— Никаких новых фактов о происшествии в храме предков? — перебил его Раймон. — Два года прошло с тех пор, как исчезло тело.

— Пока никаких. Я работаю, брат.

— Я знаю. Просто спросил. Ладно... а насчет гаденыша — глаз с него не спущу. И с его выкормышей.

— Теоретически они все твои выкормыши. — Джейнс подлил в бокалы еще вина. — Кто бы мог подумать, что мальчишка упрется и откажется уезжать в новую жизнь без своих кухонных приятелей? С другой стороны, мы только выиграли. Все первые вассалы у нас под контролем и обучены нужным техникам. Парни хороши. Пойди еще найди таких способных засранцев!

Глава 10

— Вот поэтому мальчишеские вещи тоже не будем выкидывать, — втолковывала я Крону, усердно растирая семена петрушки в деревянной ступке, которую по моей просьбе выдолбил сам братец. Вообще, Крон оказался на редкость полезным приобретением, особенно если опустить его «вредные» качества, такие как некоторая несвоевременная заторможенность и непонятно откуда взявшаяся привычка кудахтать надо мной как несушка над свежим яйцом. — В некоторые места лучше ходить под видом мальчика. Фигура у меня за время «сна» поменялась, но не настолько, чтобы мешковатые штаны и рубаха не могли это скрыть, а волосы прекрасно можно спрятать под шляпой, как раз такой, какую носят мальчишки. Так что не бухти мне больше про приличия, будь добр... Ну что ты делаешь?! Я же сказала, снизу подцепляй! Снизу!

М-да, топор и молоток в руках моего невольного помощника явно лучше лежали, чем скользкие щупальца нашего будущего бизнеса. Чистить осьминогов ему еще учиться и учиться. Зато отбивал он их — любо-дорого посмотреть.

Да, один из секретов правильно приготовленного осьминога — это долгая и вдумчивая подготовка. Потому что эту сволочь со щупальцами для начала надо было долго варить, потом колошматить деревянным молотком, вкладывая в это занятие всю душу, потом правильно нарезать, обвалить в специях и в муке, потом правильно сложить в горшок, чтобы отнести вместе с жаровней в нужное место, и только после этого можно приниматься за кулинарную порнографию.

Ага, на это действие все соседи начали стекаться в последнее время. И наша старая пиратка обязательно подгробала — на запах. Не зря я сделала ставку именно на такую рекламу — еще на Земле видела и читала очень много разных исследований по этой теме, вплоть до того, как искусственно ароматизируются столики в разных зонах ресторана, как в супермаркетах начали работать с запахами в определенных отделах и как обычные уличные торговцы испокон

веков не зря стараются жарить свои вкусности сразу на месте, собирая капающую слюнями толпу.

Кстати, я в прошедшую неделю не только искала неуловимые какао-бобы по аптекам и купцам Картахелии, но и успешно экспериментировала с местными специями, маслом, разными сортами муки. В результате самая хрустящая и ароматная корочка получилась из смеси конопляной муки, овсяных отрубей, буквально ложечки льняного семени (для липкости) и перетертых с морской солью сушеных травок, которые здесь можно было нарвать у любого забора.

Правда, перетирала и смешивала все эти чудеса я за закрытой дверью. Да-да, я прекрасно понимала, что осьминоги недолго останутся эксклюзивным фастфудом на пирсах и наверняка здесь и без меня есть хозяйки, которые знают, что в отличие от кальмаров эту тварюшку надо полтора часа топить в кипятке и потом колошматить. Но! Но.

Вот именно в панировке и кроется девяносто процентов успеха. И брюквы лысой, не зная точного рецепта и не имея моего опыта, кто-то в ближайшие годы сможет ее повторить. А без нее не будет нужного аромата и хруста, не будет едва уловимого приятного жжения на кончике языка и желания запить следующий кусочек чем-то холодным, горьковатым и пенистым.

Так вот. Помимо всего этого, я еще усиленно болтала со всеми подряд и беззастенчиво подслушивала чужие разговоры. Благодаря чему, например, выяснила, что да, без «мамкиной юбки» мне никто не позволит торговать едой в порту, а в городе с этим еще строже и все места давно поделены. Но! Никто не запрещал мне «делиться» результатами экспериментов с соседями. И даже брать за это скромную плату не возбранялось. Главное — не деньгами.

Натуральный обмен, мы такое, помню, в школе проходили. А потом в девяностые выучили еще раз вместе с красивым иностранным словом «бартер».

Так что я не просто теряла время и переводила зря выловленных моим белобрысым поставщиком руконогих, не тратила деньги впустую, а обзавелась вполне приличным количеством нужных вещей.

Даже удачно, что у меня теперь не только Крон, но и одиннадцатилетний поставщик со своими мелкими сестренками. Потому что дрова, мука и пиво — то, что чаще всего приносят на

обмен соседи, — это, конечно, хорошо, но мало. В смысле, для нормальной торговли мало: чтобы делать хороший оборот, надо иметь более широкий ассортимент. Просить у соседей новую юбку для себя — это слишком. Вещи здесь, в эпоху ручного труда, стоят дорого, особенно когда на них ушло много материала и работы, потому что они пошиты на взрослого человека. А вот на ребенка...

Ну да, ну да. С Янем я тоже вполне наладила натуральный обмен, правда, пришлось поторговаться и немного поскандалить, мальчишка сначала не соглашался. Пока я на пальцах не разложила мелкому простую арифметику. Полотняное платье соседской дочери, из которого она выросла, если его сдадут в лавку старьевщика и он придет его купить туда, подорожает минимум на медяк: лавочник накинет сверху свою долю. А если он возьмет его в обмен на руконогих, то оно обойдется дешевле на два медяка, потому что жареные морепродукты в розницу стоят дороже, чем сырые и оптом. Платье-то нам принесли именно в расчете на ценность готового продукта. Хорошее, из плотного льна, с крепкими ровными швами, а пятна... Крон отстирает, он обещал.

И я свою долю, так и быть, не буду накручивать.

Слава брюкве, уяснил. Так что дело пошло на лад: мы азартно менялись с ним на те самые дрова, на лепешки, которые я пекла из бартерной муки, на куриные яйца, которыми разок расщедрилась наша квартирная хозяйка. Да и мало ли еще мелочей?

Честно говоря, уже на третий день я начала втихаря переплачивать. Да, моя практичность никуда не делась, но... но это дети. Даже не подростки-поварята в замке, они совсем маленькие, несмотря на показную боевитость и настоящую самостоятельность. И жилось им после смерти отца ой как несладко.

Я потихоньку-полегоньку выведала у самого мальчишки и у местных сплетниц довольно банальную и грустную историю. Отец мелких был не местный, приехал лет пять назад откуда-то с севера, привез молоденькую жену, две корзины немудреного скарба и двух детей. Третью уже здесь сделали.

Деньги у них были, хватило на маленький дом, лодку и вступительный взнос в артель рыбаков. Да вот только не слишком оказался приспособлен северный организм к здешним условиям. Зимы хоть и без морозов, а сырые, с промозглым стылмым ветром. Про

нормальную теплоизоляцию тут знают смутно, отапливаются жаровнями. Это когда костер горит во дворе, а угли из него потом насыпают в эту самую железную фигню, которая стоит в комнате. Так себе метод, хотя позволяет обходиться без дымоходов и почти без копоти на потолке.

Короче говоря, худенькая северянка сдалась первая: после третьих родов подхватила простуду и сгорела, не дожив до весны. Мужик едва с ума не сошел, но все же пытался детей вытянуть, пока не сгинул в бурю.

Ну и... ну и все. Дети остались никому не нужны, родни у них тут не было, да и с виду они чужие, непривычные. Белобрысые, белокожие. Подозрительные. А для кого и привлекательные...

Не по годам сообразительный Янь не зря и сам стерегся, и сестер сторожил, не разрешая никуда выходить из дому. Ракушки близко. Как ни гадко об этом думать, а тамошним воротилам найдется куда пристроить трех симпатичных светловолосых детей.

— Слышь, поставщик, — я сунула сидящему на полене мальчишке еще одну лепешку с завернутыми в нее кольцами кальмара, — вопрос у меня к тебе. Точнее, два вопроса.

— М-м? — Дите лопало как не в себя, и — мне ли не знать, как моя еда действует на неподготовленного клиента? — пацан был сейчас предельно расслаблен, готов к сотрудничеству. — Фафие фва?

— Ты не знаешь, где в городе можно купить горькие бобы? Так, чисто случайно. А второй поважнее. В твоей халупе сколько комнат?

Глава 11

До конца первого месяца в городе оставалось меньше десяти дней. С одной стороны, это радовало: подготовка к переезду в маленький домик на самой окраине шла полным ходом и не так жалко будет впустую потраченных медяков, если съедем раньше срока. Понятно же, что госпожа Магнолия лучше съест сырого осьминога из моих ежедневных закупок, чем вернет деньги.

А с другой стороны, деньги таяли с пугающей скоростью, не слишком при этом приближая заветную цель: эксклюзивную шоколадную конфету для мамки Берты.

Про горькие бобы Янь предсказуемо ни брюквы не знал, ему хватило шокирующей новости о том, что половину его халупки можно сдать за живые деньги или за ежедневное меню.

Когда я это предложила, пацан сначала категорически отказался и сбежал. Следующим утром он уже был не просто насуплен, но и прилично задумчив.

Я не давила, все, что нужно, сказала в первый раз: мы запросто можем сообщить соседям, что к детям приехали дальние родственники с севера, все поверят. У троицы появится стабильный и безопасный доход. Небольшой, конечно, доброта добротой, но платить за угол в халупке на краю мира столько же, сколько за комнату с отдельным двориком в приличном квартале, глупо и подозрительно. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, Янь это знает лучше меня и, если бы я предложила такие условия, отказался бы точно.

А так — вон, думает. Лоб морщит под выгоревшими волосами, давно, кстати, не мытыми. Торчат сосульками в разные стороны, слиплись от морской соли.

— Ты тут ляпнула, — пробухтел он, передавая мне по счету очередную партию головоногих, — что как раз будет кому за девками присмотреть, когда я до рассвета на острова уплываю. А откуда мне знать, — и зырк на меня из-под сосулек отчаянно злыми глазами, — что вы не затем подбираетесь?! Вернись, а вас с девчонками след простыл, ищи свиста в Ракушках!

Он шмыгнул носом и яростно засопел, упихивая очередного морского гада в мою корзинку так, чтобы можно было крышку закрыть.

— Янь, ты ж не дурак, — спокойно вздохнула я, задавив в себе желание погладить мальчишку по голове. Его сейчас погладь, ага. Как раз о сосульки-колючки и уколешься, так воинственно они встопорщены. — Зачем для этого у тебя угол снимать? Хотели бы украсть девчонок и нажиться — пришли бы в любой день на рассвете. Тебя дома нет — я точно знаю, в какое время. Девчонки со мной знакомы уже, дверь откроют. Вернешься ты с осьминогами, и что?

Маленькая дочерна загорелая рука на крышке корзинки сжалась так, что тростниковое плетение затрещало, а костяшки пальцев побелели. Кажется, я озвучила его главный страх.

— Вот так вот. Мне просто у бабки дорого снимать и неудобно, — еще спокойнее пожала плечами я. — К тому же девчонки у тебя сообразительные. Смогут помочь с чисткой или за котлом присмотреть, где эти гады варятся. Ну и вообще — на подхвате. Тебе что, медяки лишние? Нет? Вот и мне. Я на вас прилично сэкономлю, понятно?

— Да... — Пацан шмыгнул носом и отпустил слегка покореженную несчастную плетенку. — Ладно... вроде не врешь. А когда? Переберетесь-то? Барахла ж у вас еще... куда складывать? Места маловато.

— У тебя там позади дома пустырь, — выразительно фыркнула я. — Места — завались.

— И в первую же ночь все стацат благодарные соседи, — ехидно парировал маленький засранец. Он заметно успокоился и приободрился. — Полтора медяка с тебя за сегодняшней улов. Гони деньгами, мне кой-чего для рыбалки купить надо, и вообще.

— Держи. — Я быстро отсчитала ему три самые мелкие медные чешуйки, каждая достоинством в полмедяка. — Забор поставим. Крон прямо сегодня придет и займется. Дел на один день.

— Из чего? — снова съехидничал мальчишка, деловито осматривая свое плавательное корытце и ковыряя пальцем наметившуюся в дереве длинную трещину.

Похмурился и полез в мешочек у пояса за смесью смолы и рыбьего клея, он ее все время с собой таскал на рыбалку, видимо, как

раз для таких целей. Как и обрывки старых конопляных веревок, размочаленных в паклю.

И продолжил мысль:

— Разве что из козьих орешков — там как раз чуть подальше выпас, местные тетки своих гадин рогатых гоняют. А досок и гвоздей не водится, ты рехнулась деньги на такое тратить?

— Не твоя забота, — отмахнулась я. — Там в овраге за пустырем и пастбищем тростник, ивовые заросли, да чего только нет. Для плетня самое то.

— Это я буду, как деревенщина какая, за плетеным забором сидеть?! Чтоб все соседи видели?! — взвился Янь, словно его со дня долбленки недобитый рак за мягкое место приголубил.

— А что, — я не выдержала и щелкнула по облупленному носу, — твой городской гонор от такого деревенского способа пострадает? А по заднице? Смотри, нашелся ценитель урбанистической архитектуры!

— Чего?! — оторопел Янь, аж свою смолено-клеевую паклю бросил, недозамазав щель. — Ты мне только при девках не вздумай такими словами ругаться. Плетень ей... Ладно, топляк с тобой. Так когда переберетесь?

— Старуха денег не вернет, так что ближе к концу оплаченного срока, — пожала я плечами. — А вот вещи можно начинать потихоньку переносить. Но лучше так, чтобы госпожа Магнолия подольше не заметила: привыкла, старая карга, моей стряпней лакомиться забесплатно почти. И к дармовой рабочей силе Крона тоже неровно дышит. Угрожать своим перекресточным зятем перестала, ходит улыбается. Но это пока не поймет, что выгодные постояльцы намерены смотать удочки от такого гостеприимства. Аренду она нам ни на четверть медяка не снизила за то, что мы из «проходимцев» превратились в «милого мальчика» и «умницу-девочку».

— Понятно. — Янь задумчиво почесал нос. — У тебя твоя гробина на колесах одна полдвора занимает, если ее вывезти, сразу заметно станет. Значит, ее последнюю... а остальное тащи.

— Это ты будешь тащить, — обрадовала я. — Будешь во двор опять своих многоногих гадов приносить, а обратно в корзине из-под них — по мелочи. Чует мое сердце, для чего-то нужна нам такая секретность.

— Дожили... — сумрачно засопел поставщик, но спорить не стал.

Как запланировали, так и сделали.

Даже Крон не возражал, наоборот, что-то промямлил одобрителное и послушно пошел строить забор вокруг пустыря за халупкой.

Кто ж знал, что его архитектурные работы приведут к такому непредсказуемому и весьма... неоднозначному результату?

Нет, ну я знала, что мой стукнутый заклятьем в голову названный братец — натура насквозь практичная в самом деревенском смысле этого слова. Но чтоб настолько?!

Глава 12

— Так и что? — Я недоуменно уставилась на плетень.

На первый взгляд все было нормально, Крон справился, построил именно то, что надо.

Много места отгораживать нам не требовалось, но участок пустыря позади дома сорок на сорок шагов — показалось в самый раз. Мой названный братец потрудился на славу: не только возвел довольно высокий и прочный забор, но и разровнял площадку внутри него, повыдирали бурьян, собрал камни, сложил их аккуратной горкой в углу двора, притащил с недалекого пляжа несколько сотен корзин мелкой гальки и устроил антигрязевое покрытие... Неделю пахал как каторжный.

И совершенно непонятно, чем так недоволен теперь Янь, если от него в буквальном смысле можно печку поджигать? Такое впечатление, что сейчас искры посыплются с острых концов слипшихся белобрысых сосулук.

— Козел! — яростно рявкнул он и ткнул пальцем прямо в плетень.

— В смысле?! — не поняла я. — Какой козел?

— Вонючий! — Янь буквально полыхал возмущением. — Ты что, слепая?!

Я пожалала плечами. И обратила внимание на то, что в том месте, куда так яростно тычет пальцем наш осьминожий поставщик и будущий домохозяин, плетень как-то странно изгибается. Словно бы образуя там, с внешней стороны забора, небольшую нишу. Кстати, вон поперх кольев еще какое-то плетение... словно крыша над этим изгибом.

А еще в плетне именно в этом месте оставлено небольшое отверстие, в которое сейчас оказался воткнут скрученный жгутом пучок чуть подсушенной травы.

— Нет, ты это видела?! Видела?! — захлебывался негодованием Янь, тыча пальцем как раз в это сено. — Да эту тварь вся улица боится как огня, третьего дня пьяному гончару чуть мужские шарик свои

рогами не продырявил, еще раньше бабку Гронт ночью напугал так, что она самогонку, которую морякам из-под полы ночами продает, всю побила, девок моих сколько раз гонял, падла рогатая! Да вообще всех! А он его прикормил прямо под забором и чуть ли не будку ему тут устроил!

Я осторожно подошла и выглянула в оставленное отверстие. Пару раз моргнула, поймав встречный взгляд злых желтых глаз с узким поперечным зрачком. Оценила боевые рога в сколах и неровностях — каждый с мой локоть, кончик левого живописно обломан. Полюбовалась клочкастой пегой бородой и гроздьями репьев на серой от грязи шерсти...

С той стороны забора прямо в специально устроенной для него уютной нише с большим удобством расположился самый натуральный здоровенный и весьма недружелюбный козел.

Янь не соврал.

Козел меланхолично жевал ту траву, которую для него воткнули в забор, и наблюдал за мной с холодным презрением опытного пирата, к которому в иллюминатор неосмотрительно заглянула какая-то селедка.

— Кхм, — только и сказала я. — Интересно как... Крон! Поди сюда, радость моя!

Наш неутомимый братец в это время как раз что-то там делал на крыше халупки. То ли солому перестилал, то ли стропила менял, я не разобралась. Только удивилась про себя такому трудолюбию и рукастости, а еще подумала, что мне попался не мужик, а золото. Что, спрашивается, он забыл на кухне у вертела?!

Или все дело было в сваренных мозгах? И не сейчас сваренных, а тогда, до клятвы. Насколько я поняла из невнятных смущенных рассказов, очень уж один конкретный бородатый индивид любил приложиться к кувшину с вином. Так любил, что никакая мастеровитость не спасала: во хмелю был буен и злобен, а с бодуна еще хуже. Поскольку он все то время так и пребывал между этими двумя состояниями...

М-да.

А теперь не мужик — золото. Кстати, некоторые соседки в квартале госпожи Магнолии уже начали присматриваться. Я бы, может, когда-то и сама присмотрелась. Но не сейчас.

Крон, пока я размышляла, довольно ловко соскользнул с крыши, отряхнул с рук и одежды соломенную труху и послушно подошел.

— Да, сестра? Мелкий, завтра пойдем в овраг тростник резать. Крыша прогнила, никуда не годится. Пойдут дожди — смоеет нас.

— Пф-ф-ф! — яростно засопел Янь. И ни слова больше не сказал. Уставился с независимым видом в заборную дыру.

— Крон, ты нарочно эту зверюгу приманил? — спросила я, хотя последней устрице было понятно, что да, нарочно. — Зачем?

— Так это... — Братец поскреб ногтями коротко стриженный затылок. — Полезная ж животиночка. Я тут, пока забор мастерил, посмотрел, поспрашивал. У всех почти козы есть, молочные. И приплод регулярный. Ну и козел же для этого надобен.

— Это понятно. — Я тихо хихикнула. — Но нам-то он зачем? У нас козы нет. Или ты ради общественной пользы стараешься?

— Дык какая там общественная, — махнул рукой названный брат. — Козел и есть общинный. То есть ничей. Так всегда бывает. Бегаёт промеж двор, рогатых красоток кроет, а остальное время как хочет, так и живет. Нрав у него дурной и злобный, как козлу и положено. Эта окраина, сталбыть, владения его, вот он порядок и держит, чужаков гоняет, ну и всех, кто ему не нравится.

— Да ему никто не нравится, кроме коз! — не выдержал Янь. — Теперь к забору не подлезешь!

— А зачем добрым людям к нашему забору с той стороны подлазить? Только если злыдням. Мы сами через дом ходим, гости, коли будут, тоже с улицы придут, — вполне резонно и спокойно заметил Крон. — Для того ж я ему вон удобный ночлег соорудил, сено, опять же, присолил и подвялил как надо, на пустыре он такого не нащиплет. Будет приходить сюда. Привыкнет со временем. И ни одного чужака близко не подпустит. А то плетень плетнем, но долго ли умеючи через забор махнуть и спереть вещь какую нужную? Или еще какое окаянство учинить.

Крон рассказывал это все так обстоятельно и как-то веско, уютно, что губы сами поневоле расползались в улыбке. А деревенский братец, не прекращая объяснять, пошел к маленькому стожку чуть в стороне, вытянул из него свежий клок сена и ловко свернул в жгут. Выглянул в оконце, покивал козлу как старому знакомому.

— Красавец! Днем, бывает, по делам отлучится, владения свои обойти, с козой этого самого. А на ночь здесь устраивается. Ни одна псина так нам двор хорошо не охранит, как эта животина полезная. Видели, какие у него рога? Враз нанижет любого злодея, кто к его забору близко сунется! И ни одна, сталбыть, падла из этих, что до девчонок чужих охочи, тоже не подойдет.

Янь открыл рот и пару минут оторопело пялился на «сторожевого козла», осмысливая перспективы. Посмотрел на меня, на Крона.

— Пошли сейчас за тростником сходим, чего время зря терять, — хрипло и нарочно грубо буркнул он, быстро отводя взгляд.

Резко развернулся и сбежал в дом.

Кажется, у кого-то глаза на мокром месте...

— Можно и сейчас, — все так же спокойно и обстоятельно кивнул Крон. — Намаялся малец, без папаши-то, без мамки. Трудно было, небось. А теперь попустило маленько, вот и расхлюпился. Ничего, он крепкий, раз выжил. Успокоится, — добавил он, когда мальчишка уже убежал. — Сестра, это... насчет козы — ты подумай. Место теперь есть, загон я враз смастерю, а молочная коза в доме с детьми — животина полезная.

Глава 13

Съезжать с квартиры пришлось за три дня до окончания оплаченного срока. Собственно, ничего страшного, я примерно так и рассчитывала. Единственное, о чем я не подумала, так это что уматывать придется еще поспешнее, чем даже в мыслях было, да еще и под покровом ночной тьмы.

Но тут деваться было некуда. Во-первых, сама госпожа Магнолия все настойчивее и настойчивее намекала, что лучшего жилья нам с братом не найти, да никто и не сдаст (последний намек был совсем прозрачный и «ненавязчивый», вроде как скверная тетка запугала соседей своим зятем и собственной склочностью, поэтому никто не захочет связываться).

Так вот, лучшего жилья нам не светит, а значит, пора платить за следующий месяц, но она, так и быть, из большого к нам расположения пойдет навстречу хорошей девочке и милому мальчику: возьмет аж на два медяка меньше, если...

И дальше следовал целый список пунктов на двадцать, куда входил бесплатный труд моего «славного братца» по хозяйству и мой вечерний экспериментальный фастфуд, который ушлая тетенька предложила поставить на более широкие рельсы, но под собственным руководством. То есть я работаю за долю малую, она получает барыши, зато все «законно».

Ага, законно. Старая хитрая сволочь рассчитывала повязать меня тем, что я продам свою стряпню за деньги и уже никуда не денусь, потому что ее драгоценный перекресточный зять все втихую зафиксирует. Сделает вид, что выдал разрешение, а сам напишет протокол, или как оно тут называется. Положит до поры до времени в стол, а как только я попытаюсь рыпнуться... ну понятно.

Прощай, душа-свобода, буду пахать, как раб на галерах, под постоянной угрозой сесть в тюрьму.

С настоящей деревенской девчонкой прокатило бы почти наверняка, ее бы обманули. А со мной... А мне пришлось делать глаза радужной debilки и на все соглашаться, чтобы с ходу не получить

какой-нибудь штраф за нарушение порядка, а вечером срочно паковать остатки скарба, грузить на телегу поверх печи и драпать со всех ног.

Честно говоря, меня подгонял еще один неприятный момент. Может, и зря я напряглась, но уже две соседки, выменивая вечером лепешки с осьминогами в хитром соусе на кусок самотканого полотна с «небольшой огрех вот тут и вот тут, дочка училась, но лен хороший!», проболтались о том, что в квартале видели «симпатичного мужчину», который разглядывает встречных девиц, особое внимание уделяя редким светловолосым представительницам прекрасного пола.

Брюква его знает, скорее всего, ко мне этот товарищ никакого отношения не имеет, мало ли мужиков, падких на экзотическую в их местности внешность. Вспомнить вон наших южных парней — тем только покажи натуральную блондинку, сразу глаза квадратные и слюни до колен. Но этот конкретный еще и расспрашивал о приезжих...

Ну его от греха подальше. Янь живет чуть ли не на другом конце города, больше полутора часов пешочком с тачкой. Даже если кто-то будет искать — вряд ли найдут.

Но это все ерунда и мелочи, собрались да переехали, подумаешь, ночью. Сейчас главное было — как следует устроиться на новом месте и найти уже, наконец, эти чертовы «горькие бобы». У нас уже пять серебряных из десяти улетело, не впустую, но скорость, с которой деньги таяли, меня пугала. Надо срочно зарабатывать.

Чертовы бобы!

Последний аптекарь остался из тех, у кого цены не рассчитаны на высшую аристократию, которой деньги девать некуда. Живет у брюквы на куличках — в самом дальнем от порта районе. И по слухам, довольно суровый и даже сварливый старик. Если ему не понравится моя физиономия — хоть тресни, ничего не продаст.

А следующий сезон горьких бобов здесь наступает поздней осенью, почти перед самым первым снегом. До которого больше полугода ждать. Не знаю, почему именно тогда, но, скорее всего, это не с выращиванием плодов связано, а с расписанием навигации, с течениями там всякими и прочими направлениями ветра. Именно в это время приходят корабли из той части света, где эта прелесть растет.

Столько ждать мы просто не можем. Значит, ноги в руки и пошли... строить глазки последнему аптекарю.

Или не глазки.

Или не строить.

Как пойдет.

Пошло сразу не туда. Когда я под конвоем насупленного братца добралась до аптекаря, нас встретила запертая дверь, и это несмотря на то, что торговый день был в разгаре и все лавочники вокруг всюду зазывали покупателей.

Но на единственной нужной двери висел плакат «Закррито», а за ней слышался довольно высокий мужской голос, который ругался на все корки, при этом не переходя на нецензурщину.

То есть, кажется, старик отказывал кому-то из покупателей в самых изысканно невежливых выражениях. И покупатель был не из простых, поскольку распаленный аптекарь рычал что-то вроде:

«Да хоть сам герцог, в моих делах мне никто не указ! Если сказал, что не продам, значит, не продам!»

— У-у-у... — сказала я Крону и уныло попыталась заглянуть через давно не мытое оконце внутрь аптеки. — Кажется, мы зря пришли.

— Точно, сестра, — вздохнул Крон и попытался за руку оттащить меня от лавки. — Пойдем отсюда, купим твои бобы в другой день. Как бы чего не вышло, там явно кто-то из знати, а старик так скандалит, что без неприятностей не обойдется. Как бы нам за компанию не того...

— Это да, — вынуждена была согласиться я. — Ладно, пошли.

И развернулась к лавке спиной.

Кто ж знал, что сегодняшние сюрпризы и неприятности этим не кончатся?

— Да я лучше первому встречному продам, чем такому наглому сопляку! — заорали вдруг совсем близко от двери. А после этого крика она распахнулась, и цепкая жилистая рука со старческими пигментными пятнами сцапала меня за юбку и без церемоний втащила внутрь.

— Вот! — Я проморгаться не успела от неожиданности, как меня схватили за плечи и поставили перед прилавком. — Милая девушка. Наверняка приличная! Пришла купить что-то важное. Верно? Милая девушка, что вы хотели?

Я с трудом подавила желание на пару минут прикрыть глаза рукой — не только чтобы выразить свое отношение к ситуации, но и чтобы хоть немного прийти в себя и вернуть четкость картинки. На улице был яркий солнечный день, а в лавке прохладный и пахнувший травами полумрак, в котором я сейчас почти ничего не видела, кроме смутных теней.

Но молчать было нельзя, так что пришлось усиленно щуриться и как можно вежливее отвечать:

— Добрый день, почтенный господин аптекарь. Я пришла потому, что услышала от другого почтенного господина аптекаря, что в вашей лавке еще можно купить горькие бобы.

— Вот! — ликующим фальцетом возопил старик. — Это перст судьбы! Один серебряный и четыре медяка — и весь мой оставшийся запас ваш!

— Кхм... — тот, на кого аптекарь так ругался, наконец подал голос. — Господин аптекарь, вы несправедливы. Я все же пришел первым. И я не хотел вас оскорбить. Может быть, мы договоримся?

В лавке было по-настоящему темно, мне не просто показалось после яркого света. Не знаю уж, как сам старик тут ориентировался, но я могла различить только мужской силуэт на фоне грязного окошка.

А еще голос. Который показался мне смутно знакомым.

Глава 14

— Там темень в этой вонючей лавчонке, хоть глаз выколи, демонов дед нарочно, что ли, все окна пыльными тряпками завесил! — продолжал эмоционально рассказывать Силье, упав спиной на кровать брата и дирижируя самому себе бутылкой со слабым ягодным вином. По правде говоря, пошло было так себе, очень сомнительно, что в нем имелся хоть какой-то хмель, так, одно название для девиц. Но рабочий день еще не кончился, а зануда старший брат даже вечерами не давал расслабиться нормальным вином, потому что «на новом месте слишком много ответственной работы, которой может помешать твое неуемное похмелье». — Конечно, я наступил на эту демонову кошку, чтоб ее! Я ее просто не видел! Эта тварь заорала так, что я подумал: у меня под ногами разверзлась дыра в преисподнюю, и оттуда лезет какой-то особенно зловредный дух. Ну я и пнул. От души. Так, что полосатая дрянь с воплем улетела за прилавок и там подрала когтями самого аптекаря.

— Короче. — Лиу сидел за письменным столом и быстро просматривал какие-то бумаги, сортируя их на две стопки. В одной уже лежало не менее сотни исписанных листов с разноцветными печатями, вторая была втрое тоньше и как-то унылее. Хотя именно на нее Силье косился с подозрением: знал, что, скорее всего, это ежедневная порция мучительства для него лично.

— Что «короче»? — «Вино» в бутылке кончилось, валяться на кровати надоело, и пришлось сесть. — Короче, старый кошатник разорался так, словно я лично изничтожил его блохастого любимца тремя зверскими способами, а потом еще осквернил труп самым развратным образом. И категорически отказался продавать демоновы бобы! Зачем они вообще тебе сдались, ты можешь объяснить?

— Затем, чтобы ты не засыпал на ходу, — спокойно пояснил брат, предсказуемо двигая в сторону близнеца ту стопку бумаги, что потоньше, и сопровождая сие действие веским взглядом. — Я тоже устаю и хотел бы взбодриться. А лекарь господина градоначальника рекомендовал то ли настойку, то ли отвар этих зерен как

тонизирующее средство. К сожалению, его собственные запасы иссякли и до осени пополнить их нет возможности. Поэтому я попросил тебя сделать очень простое дело: сходить в нужную лавку и купить весь запас, что там найдется.

— А слуг ты попросить, конечно, не мог?! Или кого-то из своих... как ты их называешь? Миньонов?

— Парни заняты каждый своим делом, их время мной уже распланировано, — пояснил Лиу, вдумчиво правя что-то в очередном документе и попутно заглядывая еще в три других. — Те из слуг, что приехали с нами, пока не освоились и тоже заняты. А местным я такое поручить не рискну. Ты хочешь, чтобы нас отравили в первый же месяц на новой должности? Один намек на ревизию в управлении портом уже разворошил осиное гнездо, теперь жди неприятностей. А ты все равно был с поручением в той части города.

— Чтобы я не засыпал на ходу, мне не нужны какие-то подозрительные снадобья, достаточно дать выспаться лежа, — пробухтел Силье, вздыхая, потягиваясь и с тоскливым лицом подсаживаясь к столу. — Это для меня? Так и знал... — Он забрал свою часть бумажной работы и мрачно уставился в самый верхний лист. — Особенно когда их покупка превращается в сражение с котами, аптекарями и чокнутыми бабами. Кстати, местным слугам ты не доверяешь, а аптекарю градоначальника, значит, совесть помешает накапать нам в бодрящее зелье какой-нибудь дряни?

— Я плохо пока знаком с его совестью, — Лиу поморщился и покрутил шейю, разминая затекшие мышцы, — поэтому взял у него рецепт. Надеюсь, моих навыков еще хватит, чтобы самому приготовить нужный напиток. Точнее, теперь уже не хватит, потому что заморских зерен ты не купил, верно я понял?

— Неверно, — хмыкнул Силье, покусывая перо и довольно быстро выписывая что-то на чистый лист бумаги. — Точнее, почти... Все четыре мешочка захапала себе демонова девка, заявившаяся с улицы в самый неподходящий момент. Она, представь себе, тоже хотела весь запас бобов, и противный старикашка тут же продал ей все до последнего зернышка на треть дешевле, чем запрашивал с меня!

— За языком следи, — привычно одернул брата Лиу, в то же время поощрительно приподняв бровь: рассказывай дальше, мол.

— Не занудствуй, тут никого, кроме нас, нет, так что за нарушение этикета не выпорют. — Силье задумчиво воткнул перо себе в волосы, не обращая внимания на лиловую каплю, размазавшуюся по уху. — Вот же бл... гадство. Ты это видел? — Он возмущенно потыкал пальцем в документ и протянул его брату. Тот глянул мельком и кивнул. — Повешу на хрен вору. Завтра же. Ага... так о чем я? Демонова девица перехватила весь запас у аптекаря, а потом еще и начала сюсюкать с демоновой кошкой, подхватив когтистую тварь на руки. Старик растаял и еще цену сбросил, а меня попытался выставить из лавки без всякого почтения к моему дворянскому титулу.

— Надеюсь, ты не... — мельком глянул на брата близнец.

— Вот не надо. Когда я на такие мелочи внимание обращал? И вообще, важно не это.

— А что? — Лиу опять недовольно покосился на перемазанное чернилами ухо брата и достал платок. Поймал того за плечо и, не давая отстраниться, начал оттирать лиловый след.

— Ау! Ухо оторвешь, ну! Ш-ш-ш... что ты как с мелкими своими? Дурацкая привычка. Умоюсь потом. Отстань. — Силье мотнул головой и отсел от слишком заботливого близнеца подальше. — К твоему счастью, у девицы из лавки оказались не только премиленькие ножки, светлые косички из-под шляпки, надвинутой на самый нос, и не слишком роскошные, хотя вполне симпатичные сиськи в вырезе блузки, но и немного совести. Или кокетства, я не разобрал, время поджимало. Даже в лицо не стал особо вглядываться.

Силье встал, сходил к креслу, на которое бросил свои плащ и пояс, когда вошел в комнату, порылся в вещах и извлек из них небольшой полотняный мешочек с туго стянутой горловиной. Вернулся к столу и водрузил добычу прямо на очередной очень важный документ, который продолжал читать брат.

— Когда аптекарь нас наконец выставил, милая девушка сначала попыталась удрать с добычей. Но я был проворен и настойчив, так что она без лишних разговоров согласилась переуступить мне одну меру зерен за ту цену, что просил вредный дед. Очень торопливая оказалась девица, даже не стала торговаться. И застенчивая. Поручила разговаривать со мной своему брату. За такую доброту я им сунул монету покрупнее и пошел по своим делам. Так что на, вари свое

зелье. Только пробовать будешь на себе! А лучше на господине лекаре
градоначальника как на авторе рецепта.

Глава 15

С ума сойти, это же сколько бастардов в свое время наклепала серебряная династия? Если куда ни плюнь — везде попадешь в платинового блондина с породистым лицом?

Правда, кроме породы, осанки, уверенных манер и общего впечатления смазливости, я в бобовом конкуренте ничего не рассмотрела, потому что сначала было темно, потом кошка лезла со своим мурлыканьем прямо мне в лицо, потом я торопилась и переговоры вел Крон... но все равно меня не покидало смутное беспокойство и острое желание побыстрее смыться.

Я потому и торговаться не стала, отдала часть добычи, едва мы отошли от лавки сердитого любителя кошек. Оно мне надо, чтобы настырный представитель дворянства тащился за нами по пятам и ныл? Ладно, если просто ныл! Такой субъект мог запросто доставить кучу неприятностей, если бы захотел.

Я ему даже в глаза не стала смотреть, словно дикому зверю. Спряталась за широкими полями соломенной шляпки и постаралась даже разговаривать вполголоса.

Брюква его знает, почему меня так встревожил этот молодой человек. Видимо, этим смутным сходством, характерной внешностью обладателя серебряной крови. Напомнил кое-кого... а я и так с самого начала давила в себе любые мысли и желания, запрещала даже думать о том, как бы узнать новости с королевской кухни.

Эта страница перевернута. Кухня осталась в другой жизни, в другом городе, а здесь это означает почти как в другом мире: ни телефонов, ни новостей, даже почты и той нет в привычном мне смысле.

Значит, и думать нечего. Мальчишкам сейчас... Лиу было семнадцать с хорошим хвостом, сейчас должно быть около двадцати, все равно еще пацан. Но уже наверняка старший помощник дяди.

Так.

Вот сама же сказала: не думать! И тут же начинается. Все. Вернемся к нашим баранам, в смысле — к бобам. Они наконец-то

есть!

Теперь осталось самое сложное: из сырого и неизвестно как подготовленного и отсортированного сырья добыть настоящую шоколадную конфету.

А это, скажу я вам, та еще задачка, несмотря на то что я готовилась. Мысленно представляла весь процесс, проверяла собственную память, пыталась придумать, как местные весьма примитивные средства производства приспособить под весьма технологичные процессы...

Итак. Бобы у нас, слава богу, не сырые, а вполне высушенные и ферментированные. Уже хорошо. Свежие, они не обладают своим шоколадным вкусом и запахом, да и вообще не похожи на конечный продукт. Но тут мне на руку удаленность плантаций и морские перевозки — времени у бобов было достаточно, чтобы дойти до кондиции.

Теперь надо их правильно измельчить и умудриться добыть даже не какао-порошок (он вообще побочный продукт производства), а самое главное: какао-масло!

Пойди выжми его без промышленного пресса...

— Сестра! — сбил меня с мысли отчего-то чрезвычайно радостный Крон. — Сестра! Господин-то этот... он же мне пятисеребрянник сунул и ушел, от сдачи отказался! Смотри, сестра, это мы на твои зерна не только ни медяка не потратили, так еще и на козу заработали! Молодая, но уже раздоенная, у госпожи Нортис в конце улицы, я тебе говорил! Теперь купим?

Что? Какая еще коза? А...

Я встряхнулась и переспросила:

— Сколько-сколько дал? Пятисеребрянник?!

Ого. Какой хороший, однако, молодой любитель какао нам попался. Не только не устроил скандал из-за того, что какая-то явная простолюдинка перехватила у него нужный товар, так еще и за переуступку заплатил чуть ли не втрое... Это у нас сегодня удачный день! Значит, и с шоколадом должно получиться!

— Купи, раз уж так вышло. Молоко в хозяйстве пригодится. Только не сегодня, сегодня ты мне будешь нужен.

Нет у меня механического пресса. Есть только братский. Вот его и используем.

Большую каменную ступу с пестиком я купила еще в самом начале нашей жизни в Картахелии. Крон тогда чуть с ума не сошел — никак не мог понять, зачем мне эта здоровенная штука аж за полсеребряного. А я вцепилась в выставленную на торги бандуру как клещ и переторговала какого-то заезжего купца, но получила свою прелесть. Потому что знала: растолочь какао-бобы — это вам не жука перечихать.

Как только мы добрались до дома, я, даже не обратив внимания на то, что Янь с сестренками уже сварили немудрящую похлебку из тех продуктов, что принес утром с рынка Крон, переоделась в старую мальчишечью одежду — платья следовало беречь — и рванула к своей заветной ступе. Вытащила ее во двор, тщательно вымыла, еще тщательнее вытерла и села над ней пересчитывать и сортировать заветные бобы, как Кощей над сундуком со золотом.

— Она что, опять полную башку осьминогов нахватала? — скептически спросил Янь, понаблюдав за сим действием. — Чего она там сидит с таким видом, словно эти козьи какашки, что вы притащили, стоят как отборный жемчуг? Это и есть горькие бобы, которыми она все уши нам прожужжала?

— Янь, — тихонько дернула его за рубашку старшая из сестер, милостивая семилетняя девочка с красивым именем Майю, — Янь, это ступа, в каких бродячие мясники жженую кость толкут... Говорят, что в ней дают непослушных детей...

— Глупости говорят, — не отвлекаясь от сортировки бобов, откликнулась я на этот детский страх. — Мы будем толочь в ней только вкусные вещи и никаких тощих деточек. Иди сюда, я покажу тебе, как это интересно. А потом всем дам попробовать результат, обещаю.

Мелкие поставщиковы сестренки мне нравились, несмотря на полное отсутствие чадолюбия в моем анамнезе. Они были спокойные и серьезные не по годам, не шумели без толку, не проказничали и все время старались чем-то помочь.

Правда, как раз вот это все внушало мне смутные подозрения: все казалось, что нормальные здоровые дети должны быть немного другими. Но за хлопотами пока времени как следует присмотреться и подумать не представилось.

Вряд ли детям так уж интересно было смотреть, как я толку непонятные «козьи какашки» в ступе до получения шоколадной крупки, но тут мне на руку сыграл запах. Да-да, просто бобы так не пахли, а вот когда я начала долбить по ним пестиком, то носами зашевелили все, даже Крон, уже радостно мастеривший в углу двора загон для будущей козы.

— Может, и не совсем гадость, — с сомнением резюмировал Янь, недоверчиво заглядывая в ступку и принюхиваясь. — Может, и...

— А ну, руки убери! — Я шлепнула его по вороватой ладони. — Во-первых, пока только запах вкусный, а сама крупа горькая. А во-вторых, ты рехнулся — пальцы под пестик совать? Я не собираюсь делать конфеты с детятиной. Брысь и принеси из дома ручной жернов для зерна. Бегом!

Глава 16

Когда шоколадную крупку перетираешь жерновами в кашу, получается не мука, а именно она — каша, жирная и густая, в которой, если я правильно помню, больше пятидесяти процентов жира. Того самого какао-масла. И вот это масло нам теперь нужно отжать.

Технологию я начала продумывать еще тогда, когда мы шли сельскими дорогами в Картахелию. Присматривалась к хозяйству крестьян, подмечала то жернова, то примитивные маслобойки, а один раз на свое счастье сумела рассмотреть на особо богатом подворье давилку для льняного семени. То есть это был простейший пресс с винтовым принципом сжатия.

Увы, осторожные расспросы принесли неутешительный результат: стоила такая давилка дороже, чем крыло... за неимением в этом мире самолетов — скажем, как крыло от легендарного дракона. Гораздо дороже, чем десять серебряных.

Так что, увы, пришлось ломать мозги дальше и вспоминать, как устроены простейшие рычаговые приспособления. И тут мне, к счастью, попала на глаза бондарная мастерская, в которой как раз собирали бочонки для винокурен, расположенных дальше, за нашей окраиной.

Не обошлось, конечно, без курьезов. В этом дурацком средневековье ни один уважающий себя бондарь не вступал в переговоры с молоденькими вертихвостками, если, конечно, не собирался пофлиртовать. Но флирт — это не заказ, а девица — не серьезный человек, с которым этот самый заказ стоит обсуждать.

М-да.

В результате мне пришлось на пальцах объяснять Крону, что именно я хочу. Тринадцать, ТРИНАДЦАТЬ раз объяснять и переспрашивать, пока он не запомнил каждую мелочь и не смог повторить все в правильном порядке. Зато в процессе сама окончательно поняла, чего я хочу. И только потом я выдала названному брату половину серебрушки медью и отправила на переговоры.

Уф... зато к моменту переезда в дом Яня с нами на телеге поверх печки путешествовал нужный агрегат. Низкий цилиндрический бочонок из ясеневых плашек с двойным бронзовым ободом снаружи. С высверленными у самого дна стоками для масла — по кругу. С поддоном для сбора этого самого масла. И с подогнанной до миллиметра круглой плашкой, которая и будет давить на какао-жмых, если на нее сверху сядет здоровенный мужик и возьмет в руки еще примерно килограммов сто каких-нибудь камней.

Подумав, мы уже дома на эту плашку сверху прибили доску пошире, чтобы можно было вдвоем сесть и камней побольше набрать.

Был еще один секрет: как известно, хороший шоколад тает во рту, а не в руках и все такое. Тут я не заблуждалась: руки тоже перемазать можно только в путь, если с шоколадом тискаться, но внутри пресса теплых ладоней нет, а какао-масло твердеет при двадцати пяти градусах и тает при тридцати двух. Так вот, чтобы его выжать, надо было правильно подогреть нашу какао-кашу, прежде чем закладывать ее в пресс.

Но с этим я справилась, главные сложности начались, когда пришел черед таки усаживаться живым грузом на пресс.

Не знаю, возможно, шоколадные пары с непривычки так подействовали на детей, или они просто от обилия впечатлений немного сошли с ума, но места на доске, на которую надо было сесть, мне не досталось. И даже камни не пришлось искать, потому что все три малолетние обезьяны залезли Крону едва ли не на голову и там прилипли намертво. Весу, конечно, в этих цыплятах — одно название, приличный бульжник с морского берега и то тяжелее. Но все втроем они все же дополнили хороший мускулистый центнер названного братца, и спустя какое-то время процесс пошел.

С ума сойти, я думала, придется в приказном порядке с рывками держать «груз» сидящим на одном месте, чтобы они несколько часов не слезали с доски и выжали мне мои бобы досуха. Какое там, уже стемнело, когда я чуть ли не палкой по попе разогнала этот щебечущий курятник с Кроновой головы. Ну как палкой... показала им лопатку для размешивания каши и пригрозила не дать на пробу шоколадный результат, если все сию минуту не отправятся по кроватям.

О! Надо взять на заметку. Только что картинно стонавшие о затекших руках и ногах дети испарились в мгновение ока, а не менее

картинно побряхтывающий Крон ненамного от них отстал. Тоже хочет конфет?

Хм. Да я сама уже их хочу, если честно.

Конечно, на классический шоколад уровня швейцарского я не замахивалась. Даже простейшие трюфели пока несбыточная мечта. Но где наша не пропадала? И кто мешает нам соорудить собственного мутанта?

Смесь всего на свете с тем самым трюфелем и конфетой «Белочка». Дробленые орехи; тонко смолотые специи, которые я подбирала и добавляла в смесь едва ли не по крупиночке, чутко отслеживая букет; самые жирные и свежие сливки; смолотый в пудру на том же жернове сахар. Правильно нагреть, правильно остудить — в ведре с ледяной колодезной водой.

Сформировать круглые конфеты и до брюквы нервничать — застынут правильно? Расползутся невразумительной сладкой кашей?

Посыпать результат перемолотым в пыль жмыхом, тем, что остался после того, как все масло стекло в поддон, — это и есть какао-порошок, к которому мы привыкли на Земле. Только тут, конечно, не такой тонкий, ну да что поделать: каменный простенький жернов — это вам не промышленный измельчитель. Но этот вопрос я еще додумаю...

Разложить результат на столе и порадоваться — на глазок вышло не меньше пяти килограммов конфет. Завернуть каждую в заранее приготовленную хрусткую вощеную бумагу, на которую тоже пришлось потратиться...

Полюбоваться.

Торжественно развернуть конфету и...

Ой, а что, уже утро? Я всю ночь провозилась и не заметила? И теперь мне брюквы лысой дадут насладиться шоколадом в одиночестве, потому что три бледные от недосыпа детские физиономии уже нависли над столом с конфетами, как три кровожадных вампирчика над свежей девственницей. А еще выше не менее бледная и жаждущая физиономия, которую опять надо брить, потому что черная щетина в сочетании с алчным голодным взглядом — это страшно.

— Ладно, ладно! — махнула я рукой. — Вам не дать — так меня ж сожрете, изверги... Так. Сначала умываться, некоторым, не буду

пальцем показывать, бриться, одеваться и кашу. А потом, так и быть, будет вам праздник.

Хм, половину запаса надо точно припрятать из педагогических соображений. Так быстро эти дети и этот братец еще ни разу на моей памяти не бегали!

Глава 17

— Да за такую конфету тебя не только мамка Берта под обе юбки пустит, а в королевский дворец с почестями повезут на большой телеге! — выдал вердикт потрясенный Янь, когда масляная поволока блаженства растаяла в его глазах вместе с сунутой за щеку шоколадкой. — Дай еще!

— Никаких еще, — строго отрезала я, мысленно содрогнувшись. Только королевского дворца и большой телеги мне не хватало, брюква их побери. — Хочешь, как Берта, без зубов остаться? Шоколадки детям не игрушка и не еда. Поэтому сейчас каждый займется своим делом, а я сяду и буду думать, как именно, куда и когда я пойду с этими конфетами, чтобы точно не пройти мимо нужного человека.

Да, это легко сказать было: слепи экзотическое лакомство — и мамкина юбка у тебя в кармане. Начать с того, что сама Берта давным-давно на пирсах не торгует, я за те дни, что прогуливалась там, изучая обстановку, много чего узнала, но ее ни разу так и не видела. Хотя вполне оценила другие нюансы: во владениях загадочной и грозной сладкоежки был один из центральных пирсов, тот, к началу которого стекается толпа с трех сторон — от дорогих причалов, где швартуются всякие правительственные делегации, дипломаты, богатые купцы и большие корабли; от самой оживленной и людной линии, где народ попроще, но тоже крепко стоит на ногах, в их случае, на палубе среднего тоннажа. Каботажники, купцы попроще, частные корабли дворян средней руки, путешественники и всяческие авантюристы из тех, кому везет; ну и с «левого конца» — там тоже людно, но публика совсем простая и разношерстная, от начинающих навигаторов до обычных рыбаков из артели на пять скорлупок.

Поэтому и товар у «дочек» Берты был разнообразен по цене и ассортименту, на любой вкус и кошелек. И расставлены лотки с лепешками, сладкими колечками, выпечкой и легким пенным пивом были достаточно грамотно, чтобы не мешать друг другу, но находиться в прямой видимости.

Жареную рыбу с ломтями местной картошки, тоже жареной, здесь продавали с левого края, поближе к малоденежным, но более голодным клиентам и пиву, а вот фигурную выпечку и красиво оформленные сухофрукты на палочках — рядышком с молодым, едва созревшим вином и поближе к богатым господам. И так во всем — чувствовалась опытная и уверенная рука умного управленца.

А вот самого управленца, точнее управленку, фиг поймаете. Оставалось наблюдать, думать и вычислять того, кто ее заменяет во время рабочего дня. Не может быть, чтобы хоть одна из девиц, теток и даже весьма пожилых госпожой не была у других за старшую и не имела связи с начальством на случай непредвиденных проблем.

Ну что сказать? Три дня пристального наблюдения (это значит, что в отличие от прошлых прогулок я не просто пошаталась по пирсу и ушла, а задержалась там на целый день, гуляя, строя глазки морякам попредставительнее — взяла пример с других приличных с виду девиц, чтобы не выделяться из толпы, — слушая сплетни, болтая с мамкиными дочками, с их клиентами, с кем попало...) дали совсем другой и гораздо более нужный результат, чем прежние мимолетные зарисовки.

Я больше увидела и поняла, вычислила кое-что... и меня тоже заметили и вычислили.

— Ну и что ты тут вынюхиваешь? — весьма недружелюбно спросили мне в спину, когда третий вечер медленно погасил алые от заходящего солнца воды залива и взамен им стали зажигаться маленькие шелковые фонарики на каждом из лотков.

Я обернулась. Хм, смотри-ка, угадала!

Самой шумной и властной из Бертиных дочек на первый взгляд была рослая и щедрая на женские формы брюнетка лет тридцати на вид. Она торговала пивом, изредка перешучивалась с покупателями, но при этом вид имела такой грозный и спокойно-предупреждающий, что даже хмельные матросы с королевских кораблей, те, которым обычно море по колено, с сестрицей Фридой вели себя почтительно. Хотя и пялились на формы. Но сальных шуточек не отпускали — по этим самым формам было сразу видно, что могучий пинок под зад не заржавеет. Про оплеуху можно даже и не упоминать.

Казалось бы — вот старшая над остальными дочками, больше искать не надо. Но... но не все так просто.

Иногда самое яркое и заметное — не есть самое главное. Поэтому добрая лепешечница Ума, пухленькая, уютная и похожая на всех самых ласковых бабушек в мире сразу, на первый взгляд ну никак не подходила на роль командирши. А вот...

Сейчас у меня за спиной стояла именно она, а вовсе не Фрида. И в голосе доброй бабушки не было ни одной ласковой ноты, одна сплошная холодная сталь.

— Если ты от Длинной Кошки, то зря стараешься, разговаривать нам не о чем, — холодно высказала в ответ на мой вопросительный взгляд Ума. — Так что иди отсюда, пока цела. Сами тебе волосенки драть не станем, а вот ребят попросить можем, — она чуть кивнула в сторону компании подвыпивших морячков, устроившихся на краю пирса с мисками местного «фиш энд чипс» и пивом, — нам не откажут. Живо тебе подол обдерут. Поняла? И хозяйке своей так и передай.

Я медленно вдохнула солоноватый морской воздух. Выдохнула. И улыбнулась. Постаравшись не вкладывать в эту улыбку никаких особенных смыслов и подтекстов, просто позволив ей скользнуть по губам естественно и легко.

— Хотите конфету, госпожа?

— Что? — удивилась Ума. Кажется, я ответила совсем не так, как она ожидала.

— Конфету. Это редкое лакомство, думаю, в Картахелии такого еще никто никогда не пробовал. — Я склонила голову к плечу и раскрыла поясной кошель, доставая аккуратно упакованный в вощеную цветную бумагу шоколад. — Угощайтесь, госпожа. От чистого сердца. А, да... С той госпожой, о которой вы говорили, я не знакома. Я ищу другого... человека.

— Вот как, — усмехнулась Ума, и ее взгляд стал внимательным и острым, как лезвие клинка. — Еще одна претендентка. Кто тебе сказал, красотка, что Берта ищет себе новую дочку?

— Никто. — Я пожалала плечами, терпеливо не убирая протянутую руку с конфетой. — Просто мне очень нужно. А еще я могу предложить кое-что не только вкусное, но и интересное. И не помешаю остальным сестрам работать, если они решат дать мне шанс.

Это было важно. Сразу обозначить главное: я не стану конкуренткой. Ну, то есть понятно, что тоже буду продавать еду, но не

такую, какая уже есть на пирсе. Это было одним из краугольных камней здешнего берегового сообщества торговков. Если идешь проситься к мамке под юбку, умей не только заинтересовать ее, но и предложить для продажи что-то, чего еще не было у других ее дочек.

Ума еще почти две минуты стояла и рассматривала меня, как неведомую букашку, которая вдруг выползла из середины именинного торта и нагло шевелит усами на онемевшую толпу гостей.

А потом коротко хмыкнула, кивнула и бросила через плечо:

— Лани, остаешься до закрытия. За старшую. Смотри у меня.

— Ага, мам, — промычали из-под прилавка с лепешками и булочками.

— Иди за мной, конфетница. — Мне тоже достался короткий кивок.

А я что?

Я пошла.

Глава 18

Шоколадку у меня, кстати, забрали. Но я не слышала шелеста фантика, пока Умина светлая юбка с кружевной оборкой маяком мелькала в сгущающихся сумерках, увлекая меня кривыми переулками все дальше и дальше от людского шума и мягкого перебора волн.

Впору бы испугаться — заведет тетка неизвестно в какую дыру, и что тогда? В лучшем случае — дадут по голове и ограбят, в худшем — Ракушки.

Но я все же не настолько наивна, поэтому и мелькала так открыто на пирсе. Меня видели не только Бертины дочери, но и конкурентки, наш разговор слышали люди со стороны, а насколько я поняла из вороха разговоров и сплетен, откровенной криминальщины за мамками никогда не водилось. Во всяком случае, такой, на которой бы хоть одна попалась.

А значит, какие-то гарантии у меня есть.

Шли мы, наверное, не менее получаса и давно покинули припортовые кварталы. Честно говоря, я ждала чего-то подобного. Объем торговли на пирсе был таков, что человек, всем тут заправляющий, не мог быть бедным. Если верить слухам, мамка Берта работала на этом месте уже больше тридцати лет и за это время могла сколотить капитал, который позволит содержать хорошее дворянское поместье. Ну или шикарный дом в «белом» квартале.

А если Берта еще умнее, чем о ней говорят слухи, то в белый квартал мы не пойдем. Останемся где-то среди уважаемых чистеньких улочек среднего класса, там, где живут добропорядочные горожане, скучные в своей честной зажиточности.

Так и оказалось. Аккуратный заборчик, свежая краска на воротах, бронзовый колокольчик и мансарда с плоской по южному обычаю крышей — со стороны можно было подумать, что здесь проживает какой-нибудь отставной чиновник или учитель, заработавший за долгую достойную жизнь небольшой, но приличный капитал.

А еще я заметила, что, кроме вылизанной уважаемости, в этом доме живет тщательно спрятанная от посторонних глаз

опасность. Да-да, та тень слева от крыльца — большая, но явно не брехливая собака без привязи. То есть выдрессированная нападать на врага молча. А та, что справа, — не менее тихий и выдрессированный мужчина, который нарочно прячется в тенях и тоже не кидается без команды. Ну что, безопасность хозяев на высоте. И почему-то совсем не страшно, может, из-за того, что на редкость разумно.

— За нами никто не шел, — сказала куда-то в густеющую тьму Ума, поднимаясь на крыльцо и берясь за дверную ручку. — На подсаду не похожа.

Та тьма, что справа, едва заметно кивнула и растворилась без остатка. А Ума открыла дверь и сделала приглашающий жест.

В уютной гостиной горели несколько масляных светильников, бросая теплые блики на лестницу, ведущую на мансардный этаж. Пахло теплым воском от натертых дубовых полов и какой-то выпечкой. В кресле возле аккуратного круглого столика было мягко и уютно, а еще мне подали чай — миленькая горничная в чепчике, пухленькая, почти как Ума, улыбчивая и накрахмаленная. Со здоровенным ножом под белоснежным фартучком с оборками. Я бы его не заметила, если бы не ждала, потому что уж больно движения для такой уютной пухляшечки были... текуче-хищные.

Мы мирно пили чай еще минут десять, когда, наконец, лестница чуть скрипнула и в гостиную спустилась...

Так. Хм. Интересненько.

Во-первых, то, что Берта съела свои зубы вместе с конфетами, — никакая не метафора. Во-вторых, нехватку она успешно компенсировала вставной челюстью. Судя по цвету — золотой. С одной стороны — банально и напоминает мне глубоко советские времена где-нибудь в Сочи. С другой — а где бы она в этом средневековье нашла титан и металлокерамику? Но и это не главное — где она нашла здесь стоматолога, который соорудил ей новые зубы?! Это же самый нужный контакт в жизни, надеюсь, у меня получится его узнать.

Ну и еще одно наблюдение. Так, уже вдогонку. Я не знаю, кто правил своим местом на пирсе тридцать лет назад, но точно не эта женщина. Потому что, несмотря на умелую маскировку, которая почти идеально создает образ весьма пожилой, хотя и крепкой леди, ей не больше тридцати пяти — сорока, и значит... хм. Хм. Династия? А что,

логично... Куда, интересно, делась первая Берта? И получила ли вторая любовь к сладостям по наследству?

Все эти соображения пронесли в голове табуном диких мустангов, быстро и с громким топотом. Оставили после себя столб пыли, который медленно оседал, возвращая мне резкость восприятия. И оставляя вместо себя недоумение: как я все разглядела в не очень-то и ярком свете масляных ламп? Да еще настолько точно, что даже не думаю сомневаться в собственных выводах?

Чуть повернув голову, я вдруг почувствовала, как по плечам скользнули выбившиеся из прически пряди. Прикосновение было щекотным и как будто покалывающим, как легкие статические разряды. Мгновение — и все прошло, вместе с моим внезапным рентгеновским зрением. То есть я перестала замечать особые движения горничной, нож под ее фартуком, а также искусную маскировку хозяйки дома.

Даже моргнула от неожиданности. Это что было? Ладно, потом разберусь.

— Мы будем пить чай или будем разговаривать? — спросила вдруг золотозубая дама, величественно устраиваясь в кресле.

Ни здарсьте, ни до свидания. Сразу к делу. Ну что же, возьму с нее пример.

— Почему бы нам не совместить? — Коробочка с эксклюзивным шоколадом легла на стол между чайными чашками.

Все присутствующие, включая горничную, посмотрели на меня с легкой, хотя и тщательно скрываемой насмешкой. Кажется, они искренне наслаждались представлением. Что, сладости больше не работают как пропуск? Жаль, конечно, но... почему-то я думаю, что даже не самые фанатичные сладкоежки могут влюбиться в шоколад с первого трюфеля. Главное — заставить их все же попробовать.

Ну, тут мне в помощь запах и знание психологии. Улыбаемся, господа, с улыбкой любое лакомство вкуснее. Особенно когда вам подадут такой пример: открывают коробочку, достают конфету, неторопливо, вкусно разворачивают хрустящий фантик... намазать его какао-маслом изнутри я сообразила еще дома, когда пыталась придумать, как заманить предполагаемых дегустаторов в ловушку.

Шоколадная пирамидка лежала на ладони, привлекая взгляд. Я непринужденно взяла чашку, медленно и со вкусом откусила от

сладкой прелести и прокатила ее по языку, чуть прикрыв глаза.

— Попробуйте, оно того стоит. Даже если ни о чем не договоримся, больше вас все равно никто таким не угостит.

Глава 19

Вот поэтому я так упорно цеплялась именно за шоколад. Искала чертовы бобы по всему городу с упорством маньячки. Вот поэтому.

Такого детского изумления на лице взрослой женщины я еще не видела. На лицах. Трех женщин.

Вообще, конечно, среди людей есть те, кто шоколад не любит. Ну не любит, и все. Но таких все же меньшинство, и здесь я полностью положила на удачу, потому что другого выбора не было.

Можно, можно было придумать другое лакомство, не такое сложное в изготовлении, не такое... вот именно. Не такое экзотическое.

Картахелия — портовый город. Сюда стекаются товары и люди со всех концов света. Здесь полно заморских диковинок, да и своих родных, местных предостаточно. А Берта — даже если это вторая Берта, наследница первой, — все равно не девчонка. И за свою жизнь наверняка попробовала множество самых разнообразных сладостей. Поэтому... поэтому если уж бить — то чтобы наверняка в цель.

Шоколада она не пробовала никогда.

И сейчас за маской прожженной торговки с золотыми зубами я видела широко распахнутые изумленные глаза ребенка, впервые попробовавшего волшебную конфету.

Правда, продлился этот эффект недолго — Берта пришла в себя, да и ее подруги-служанки ненадолго отстали. Восторг в их глазах сменился заинтересованной расчетливостью.

— Ладно, удивила, — вслух произнесла женщина с золотыми зубами. А я вдруг заметила, что они у нее... хм-м-м... короче говоря, не настоящие. В смысле, наложены поверх своих, нормальных. И это тоже заметно влияет на контур лица и на дикцию — отличная маскировка! — Но это еще ничего не значит. Может, ты не в курсе...

— Рецепт и все хитрости изготовления я готова отдать в ваши руки как вступительный взнос в артель, — спокойно кивнула я, не дожидаясь, пока она закончит.

А что? Это же логично. Подумаешь, конфеткой удивить самую крутую торговку на пирсах, это же брюквам на смех, за такое не берут под покровительство и не принимают в «семью». Лакомство должно быть не только редким, необычным и вкусным, но и выгодным. И естественно, выгода эта должна принадлежать тем, кто ставит условия, а я, как претендент, обязана отдать ее в уплату.

Три женщины переглянулись. И Берта, взяв в руки чашку свеженалитого горничной чая, коротко кивнула:

— Рассказывай. Раз уж пришла с предложением — рискуй до конца. Пока я не пойму, насколько выгодна твоя волшебная придумка, я не дам тебе ответа про вступление в семью.

Я незаметно выдохнула. Да, это тоже ожидаемо. Оправданный риск, без него никуда.

— Начать хоть какое-то производство можно будет только ближе к зиме. Не потому, что оборудование дорогое или сложное. А потому, что горькие бобы прибудут только с последней навигацией.

Сказала главное и тоже взялась за чашку с чаем. И еще одну конфету из своего же подарка взяла и развернула, сразу откусив кусочек.

— Ах вот что это! — Кажется, первой осенило горничную, и она впервые подала голос. Ну точно, не просто так служанка. — То-то мне показалось что-то знакомое, но настолько другое... Ту едкую горелую дрянь, которую аптекари продают как дающую силы настойку, вот что мне напомнил этот вкус!

— Именно, — кивнула я. — Для шоколадных конфет нужны горькие бобы в качестве сырья. А вот дальше...

А дальше я спокойно и по полочкам разложила технологию. Только пару деталей умолчала: они станут нужны и ясны, когда производство начнется. А пока — пусть останутся моим маленьким гарантийным секретом.

— Две десятые доли прибыли твои. — После того как конфеты в коробочке закончились, а чайные чашки опустели, передо мной на стол лег гладкий чуть желтоватый лист местной дорогой бумаги. — Подпишем договор. Из оставшихся восьми десятин четыре мне и четыре сестрам. Устраивает?

— Что я получу помимо двух с половиной, — последние слова я легко выделила голосом и улыбкой, — десятин?

— Пф-ф-ф... — Берта, кажется, была даже довольна моими намеками. — Место в семье. На правах самой младшей сестры. Остальное надо заслужить. Место на пирсе. Но только в том случае, если сможешь принести туда еду, которой еще не торгует никто из сестер. Сразу говорю: сладости и выпечка не годятся.

— Статус младшей сестры, — я внимательно вчитывалась в строки на бумаге — интересно, это стандартный договор, и он у них что, всегда наготове? Вряд ли они знали, что я сегодня приду, да еще и с хорошим коммерческим предложением, — что он дает помимо права торговать на пирсе? Какие права? И какие обязанности? Можно по пунктам?

Ага, прямо по всем-всем пунктам, включая мелкую вязь аккуратных буковок в самом низу листа. Что-что, а заключать договоры я умею. Конечно, в прежней жизни я никогда не делала этого без консультации с собственным юристом, но и сама не брюквой деланная. Кое-в чем разбираюсь.

В итоге все оказалось на редкость прилично. Вот не зря все хотели попасть в семью именно к мамке Берте. Мало того, что она сама крута как управленец, она еще и относительно честная и не запредельно жадная. Всего ровно в меру для того, чтобы и дело процветало, и работницы были довольны своим положением.

— Ну так что? Чем торговать собралась? — после того как я написала под договором «Лия Броун» и сопровождала эту подпись в меру изящной завитушкой (кажется, моторика принцессы все еще изредка играет со мной в старые шутки), чуть насмешливо спросила Берта, быстро переглядываясь со своими подругами и наверняка деловыми партнершами.

Я только хмыкнула про себя. Да-да, пункт про то, что, если у меня нет своего особого товара для торговли, я становлюсь девочкой на побегушках для всех и сразу, прекрасно отпечатался у меня в мозгу, я его не забыла.

— Что толку рассказывать? Я лучше покажу готовый товар и дам попробовать. Скажем, завтра. Куда прийти и в какое время?

— Готовое принесешь или на месте состряпаешь? Учти, лотки, жаровни и упаковка — дело каждой сестры, особенно поначалу.

— Знаю. У меня все есть. Точнее, я думаю, что все. Но вы посмотрите и скажете, если чего не хватает, верно?

Женщины опять переглянулись, но на этот раз я не успела прочесть этот краткий диалог взглядов. Ну и не надо, в принципе. И так все понятно.

— Могу и сюда, конечно, все дотащить. Но удобнее будет ближе к порту. Конечно, не на пирсе, но где-то в сторонке, где дикий берег. Или еще лучше — я приглашу вас к себе на... — тут я невольно споткнулась, не зная, как произнести на местном языке слово «пикник». Так иногда случалось, когда предметы и понятия из земной жизни не имели аналогов в жизни здешней, — к себе в гости. Дом у нас, конечно, бедный, и разносолов не обещаю. Но зато сразу покажу товар лицом. От начала готовки и до конца перекуса.

Глава 20

Огонь в камине, как всегда, навевал мысли об уюте и отдыхе. Двое в креслах снова делили на двоих бутылку хорошего вина и беседу.

— Объясни мне, дорогой друг, — обманчиво ласково спросил Джейнс, по старой привычке прячась в тенях. — Какого демона происходит? Ты опять был в королевском склепе? Тебе не надоело за пять лет?

— Нет, — коротко ответил Раймон, глядя в бокал, и было непонятно, что он имел в виду: нет, не был, или нет, не надоело.

Как ни странно, Джейнс понял его правильно.

— Пока там под куполом нетления лежало тело принцессы, я хоть и беспокоился о твоих странных наклонностях, но слухи мог регулировать, дальше сказки о спящей принцессе и ее верном рыцаре дело не зашло. Что происходит сейчас? Только не говори мне, что до сих пор тоскуешь по «ушедшей любви», или как там принято это называть в слезливых балладах?

— Пф-ф-ф! — коротко отреагировал Раймон, но его губы на секунду сжались в твердую полоску. Потом он нехотя развернулся вместе с креслом и посмотрел на друга чуть насмешливо. — Ты сам в это веришь?

— Конечно, нет. Потому и спрашиваю — какого демона?

— Привычка, наверное, — пожал плечами полынный герцог. — Начал таскаться туда потому, что мне все казалось... тогда... а, ерунда. Что-то меня беспокоило во всей этой истории, понимаешь? Я искал отгадку. А потом привык. Тихо, спокойно, можно подумать и даже проговорить проблему вслух, и никто не будет перебивать, никто не прибежит с тысячей проблем и просьб. В собственном кабинете никакого покоя, а в склепе ни одна сволочь побеспокоить все же не решалась. А остальное — чушь.

— Да-да, я помню. Сам же и додумался до объяснения: остатки магии в теле бредили твой зов крови. Вот и любовался. И разговаривал.

— Она оказалась отличной собеседницей, между прочим, — фыркнул Раймон и налил обоим еще вина. — Ни разу не перебила. А еще... Я все время пытался соединить в голове два этих образа — принцессу и Юля. Сначала ничего не получалось, а потом... потом получилось. И знаешь, мне жаль. Жаль, что я не успел. Интересная была... девушка. Неординарная и...

— Да уж, а судя по тому, как она без колебаний врезала тебе коленом по яйцам, когда ты берега потерял, еще и весьма темпераментная, — поддразнил медовый герцог, забирая свой наполненный бокал.

— Ну да, — спокойно кивнул Раймон и пожал плечами.

— Все, я понял, понял, — выставил обе ладони в его сторону Джейнс и засмеялся. — Друг мой, ты просто придумал себе образ прекрасной дамы, недостижимой идеальной женщины, и влюбился в него. Какая прелесть. Королева на троне, шлюха в постели и непредсказуемая язва все остальное время, когда она не даст тебе заскучать. Которая еще и умеет не перебивать, когда ты с ней разговариваешь. Великолепно!

— Убожество, — поморщился было Раймон, а потом устало опустил руку, словно сдаваясь. — Ну да. Пожалуй. Идеальная женщина. Каждый хотел бы себе такую. Скажешь, ты не хотел бы?

Джейнс отпил вина и усмехнулся:

— Конечно, хотел бы. Но вынужден напомнить тебе народную притчу про праздничного гуся и амбар зерна. Помнишь? Съесть-то он съест, да кто ж ему даст?! Идеальных женщин не бывает, Рай. Разве что мертвые. Но это не тот вариант, который нам подходит.

— Согласен. — Раймон наклонился и подкинул пару поленьев в радостно затрещавший смолистыми искрами огонь. — Но это не значит, что не нужно искать... тем более что все так странно и непонятно с этой смертью и исчезновением тела. Оно истлело буквально за ночь, остался лишь тонкий слой пыли и заколка. И это ты, между прочим, не позволяешь мне снять купол и рассмотреть все как следует. Вот я и вынужден изучать на месте.

— А заодно отдыхать в тишине, да. И рассказывать пустому гробу свои проблемы и горести, представляя себе идеальную женщину. Я помню. Согласен, странно. Но не невозможно. Я нашел в хрониках упоминания о тех случаях, когда маг серебряной крови перед смертью

выполнял какой-то сложный ритуал, использовал свою силу на грани выгорания. После смерти его тело еще какое-то время несло в себе отголоски. А вот когда они окончательно гасли, от трупа оставался лишь прах. Так что...

— Какого ритуала, Джейнс? Почему остаточное излучение продержалось три года, а не как у древних королей — лет триста? Больше вопросов, чем ответов.

— Это верно. Ладно, сменим тему. Они наконец прибыли.

— Кто?

— Не «кто», а «что». Первые доносы из Картахелии. Хочешь почитать? Довольно забавно, надо признать.

— Мхм? — Раймон поморщился, как случалось каждый раз, когда при нем упоминали первых вассалов королевы. — Что забавного?

— Парни взялись за дело круто, но еще не успели нажать себе достаточно серьезных врагов. А те, кто решился написать донос, выбирают весьма своеобразный стиль.

— Не тяни коня за подробности, мерином станет. Ближе к делу.

— Ни один жалобщик так и не решился напрямую оскорблять наших северян. Ябедничают, но осторожно: даже в доносах пишут не «остановите воров и казнокрадов» или там «самодуров и властолюбцев». Нет, вежливо просят повлиять на героев Юнрена, на наши два солнца. Наверняка их ввели в заблуждение, проверьте, примите меры, защитите народных любимцев. Я думал, скончаюсь от смеха, когда это читал.

Раймон снова поморщился, а Джейнс продолжил:

— М-да. Кто бы мог подумать пять лет назад, что, отправляя эту компанию в самую захолустную и спокойную крепость севера, мы своими руками превращаем поварят в легенду?

— Да уж конечно. — Полынный герцог невольно потер солнечное сплетение и скривился. — Ранили там сопляка, а кровью блевал здесь я! Совершенно точно я не рассчитывал на такой результат!

Какое-то время герцоги молчали, пили вино и смотрели в огонь, то ли вспоминая, то ли обдумывая каждый что-то свое.

Потом Джейнс потянулся, расправляя затекшие мышцы, и глянул на друга. Оценил выражение лица. И все же сказал:

— Однако они справились. Кучка мальчишек и стариков в старой крепости, плюс какое-то смешное ополчение из крестьян и охотников.

Удержали перевал и сорвали наступление Шраухбернов. Ты не можешь не признать: благодаря мозгам, решительности и магии близнецов.

— Да-да, это тоже помню. — Раймона заметно перекосило. — Солнце над перевалом зажгли эти гаденыши, а магическое истощение получил опять же я.

— У них не было другого выхода, ты же знаешь. Шраухберны разрушили пещеры под перевалом и выгнали на поверхность всю нежить, что копилась там веками. Эта мерзость просто снесла бы к демонам все наши гарнизоны, а заодно все окрестные селения и города, наши гости с севера прошли бы половину пути до столицы как по скошенному полю. Я до сих пор не знаю, как близнецам удалось зажечь солнце над перевалом и разом спалить всю дрянь на несколько лиг в обе стороны.

— А заодно получить неувядающую славу спасителей отечества и раскачанный до предела магический потенциал, с которым я теперь не знаю, что делать, — кисло кивнул Раймон. — Почти даром, можно сказать. Никаких десяти лет упорных тренировок, никаких...

— Вот про даром ты зря, — тихо перебил его Джейнс и глянул на друга остро и предупреждающе. Были вещи, с которыми он никогда не шутил.

Раймон встретил его взгляд и мгновенно заткнулся. Помрачнел.

— Да, теперь у мальчишек есть еще один повод меня ненавидеть. Зато в пограничье местные жители строят алтари новому богу — защитнику перевала. Надеюсь, господину Жую приятно от этого, где бы он сейчас ни был.

— Вполне возможно, — вздохнул Джейнс. — Из донесений видно, что даже бывалые ветераны были под впечатлением, когда откопали тело королевского повара из-под внушительной горы нашинкованных в капусту врагов. А ведь он просто прикрывал тропу, ведущую к скале, на которой его племянники зажигали свое солнце.

Глава 21

— А лепешек больше нету, — шепотом сказала мне Майю, по привычке втягивая голову в плечи. — Съели все...

Я потянулась и ласково пригладила две белобрысые косички, улыбнулась и с облегчением увидела, как расслабляется ребенок. Все же средневековая педагогика — это что-то с чем-то. Дети затурканные — ужас. Нет, я тоже люблю, когда меня слушаются, не доставляют проблем и ведут себя тихо. Но не такой ценой!

— Ничего, все уже наелись, а кто нет, тот просто осьминогов погрызет. Принеси лучше компот, в погребе еще один кувшин оставался, — велела я и, посмотрев вслед ускакавшей девчонке, снова вернулась к жаровне.

Тест-драйв моего фастфуда шел полным ходом. Тестировали сразу все: печку, дрова, запах от этих дров, количество золы и прочего мусора, мобильность конструкции... не говоря уже о вкусе продукта в товарном виде. В смысле, мы с Кроном и детьми это уже все двести раз проверили раньше, но теперь у меня была «госприемка» от будущей работодателя.

Конечно, сама Берта на окраину города в рыбацкий поселок к каким-то голодранцам не пришла. В смысле — золотозубой старушки за деревянным столиком в нашем дворе не наблюдалось. Зато вместе с Умой у нас гостили еще две довольно молодые женщины — лет по тридцать с небольшим. Я сама не знаю, какая связь установилась между тем, что у меня периодически волосы искрят как наэлектризованные, и тем, что я отчетливо вижу: обе мне знакомы. Берта, только без золотых зубов, и ее веселая горничная с привычками бывалого уголовника и тесаком под фартуком.

Ну что сказать?.. Естественно, я виду не подала, что узнала их. Поверила словам Умы, что это просто две сестры, которые хорошо разбираются в торговле на пирсе и могут не только оценить, на что я способна, но и дать пару дельных советов.

Пока советов никаких не было, зато двор, печку, ведро уже подготовленных к жарке почищенных-сваренных-отбитых осьминогов

они втроем едва ли не обнюхали. А потом оценили и готовый продукт. Скепсис исчез с их лиц как раз в тот момент, когда первое щупальце на палочке аппетитно зашкворчало в огне, распространяя островато-пряный запах вперемешку с непередаваемо вкусным.

К осьминогам у нас были тонкие лепешки типа земной питы и компот из ягод терна — не сладкий, но освежающе терпкий и кисленький. Понятно, что этим я торговать не собиралась, поскольку на пирсе с выпечкой и напитками и без меня есть кому развернуться. И я это на всякий случай сразу озвучила, чем вызвала одобрительные взгляды троицы гостей.

Так вообще они оказались довольно приятными в общении дамами. Вели себя прилично и приветливо, без труда поддерживали легкую беседу. А горничная с ножом, которая сегодня представилась Нивией, вообще строила глазки Крону. Но в меру, в рамках, так сказать.

— Ну что же, — выдала в конце вечера Ума. — Думаю... не ошибусь, сестры, если скажу, что попробовать можно. Не ожидала, не ожидала. И не факт, что все будет так прекрасно, как ты рассчитываешь. Но шанс есть.

Я только кивнула и устало улыбнулась, пробормотав «спасибо». Осьминоги кончились, печку я затушила и еще раз продемонстрировала, как ее чистить и куда деваются отходы. И от волнения, а также с непривычки — давно так серьезно не выкладывалась — почувствовала, как голова мягко кружится, пытаюсь замотать меня в алый шелк заката, отраженного в заливе. Красиво... и, кажется, получилось?

Следующее утро началось рано-рано, еще до того, как зубчатая кромка далеких гор на востоке оскалилась розовым отсветом. От волнения мы все так плохо спали в эту ночь, даже несмотря на усталость, что никого специально будить не пришлось. Янь с недовольным лицом — ему хотелось не в море, а на пирс, посмотреть, как я там устроюсь, — уплыл на своем обновленном (Крон постарался) корытце к цепочке островов. Девицы наши с утра бегали по дому, состоявшему всего из двух малюсеньких комнаток с земляным полом, как две белобрысые тихие ящерки, и смотрели глазами котиков из «Шрека» — им тоже хотелось со мной на пирс.

И я, хотя еще вчера ничего подобного не планировала, решила уступить. Интуиция проснулась, что ли? Просто не захотела оставлять девчонок дома одних — Крон без разговоров шел со мной.

На пирсе уже толпился народ, хотя утро было такое раннее, что даже рыбный рынок только-только начинал свою работу, лодки с уловом еще швартовались у вытянутых в море каменных пальцев, которыми город пытался удержать стихию в ладонях бухты.

— Ага, не опоздала, — хмыкнула Ума, выныривая из запахов корицы, изюма и вкусно потрескивающих в ее «тандыре» дров. — Молодец. Встанешь...

— Госпожа, можно попросить? — поспешила вмешаться я, поймав за то время, пока тащила тележку к месту работы, несколько не очень приветливых взглядов от других «сестриц». Еще одной торговке здесь никто рад не был, даже несмотря на то, что появилась я явно с ведома и согласия Берты. — Если это не слишком нагло с моей стороны, то из двух мест на пирсе, где уместнее всего смотрелся бы мой товар, можно я выберу то, что между вами и сестрой Фридой?

— Хм? — Ума выпрямилась, отряхнула руки от муки и удовлетворенно осмотрела рядок круглых лепешек, прилипших изнутри к раскаленным стенкам мини-печи. Лепешки надувались на глазах, из плоских и белых становясь пухлыми и золотисторумяными. — Еще раз убедилась, что ты не дура. Лани, не клади изюм в следующую миску теста, положи веничных зерен и масла побольше. Лепешки понадобятся несладкие.

Я кивнула, тоже на ходу оценив, как легко и с полувзгляда старшая над девицами поняла и подхватила мою мысль.

Уже через полчаса, несмотря на недоверчивые взгляды ближних и дальних соседок (каждая сочла необходимым подойти и заглянуть в ведро с осьминогами, каждая обменялась разной степени многозначительности взглядами с Умой), все было готово. И запах жареных морских жителей поплыл над толпой, щекоча не только носы, но и любопытство голодных с утра прохожих.

На то и был расчет. Все же запах имеет значение всегда, а уж в рекламе... никакого зазывалы не надо!

Вот один бегущий мимо морячок повернулся и принялся, словно на веревочке подтягиваясь к моей тележке, вот другой... Рыбак в лодке поднял голову над каменным пирсом и с предвкушающим

удивлением повел носом в мою сторону... Даже Фрида, с утра еще не слишком расторговавшаяся пенным напитком, облокотилась на свою бочку и заинтересованно приподняла бровь в мою сторону.

— Угощайтесь, добрый господин. — Как улыбаться клиентам, как с ними разговаривать, меня учить не надо. Без фамильярности чтобы, и приветливо, и лишних намеков не давать. — Цены у нас веселые, самому грустному клиенту по карману, а уж качество... пальчики оближете. И не смотрите, что на вид всего лишь закуска. Вон у сестрицы Умы лепешки, у сестрицы Фриды — пиво, лучшее на этом пирсе. Три десятучки медные, а у вас в руках плотный завтрак, каким не во всяком трактире угостят даже за серебрянник!

Глава 22

— Что-то ты слишком бойкая на язык, смотри, как бы не укоротили, — сказала Фрида, причем вполне добродушно. У нее кончилось пиво в бочке, несмотря на то что до заката было еще часа четыре. Двое мальчишек, что были при мамкиных дочках на побегушках, уже умчались куда-то в город, надо думать, за новым запасом пенистого напитка, а румяная валькирия пока отдыхала, присев на невысокую скамеечку и обмахиваясь вышитым платком. — Да не мы укоротим, не косись. Ты своей трепотней сегодня не только нам с Умой выручку сделала, но и другим сестрицам помогла... и это может очень не понравиться соседним семьям. Сегодня на нашем пирсе было больше народа, чем обычно, значит, у них — меньше.

Я пожалала плечами и вздохнула, машинально перехватив и поправив нож в руках Майю — ребенок, набегавшись по пирсу и наевшись разных вкусностей, упорно лез помогать мне и чистил последних осьминогов. Тоже до вечера не хватит... и запас нам пока взять неоткуда.

Вручив и ей, и младшей сестренке Яня по булочке, я усадила девиц позади телеги и велела отдыхать. А сама вернулась к разговору.

— От конкуренции все равно никуда не деться. Мой товар тут новый, даже без «трепотни» все равно народ бы шел просто на запах. Если бы я тянула одеяло только на себя, лучше было бы? Вы бы сами первые мне холку намылили.

— Это верно, — фыркнула Фрида, они переглянулись с Умой и дружно захихикали. — Была тут у нас одна... даже вступительный взнос не спас!

— Ну вот. Такая толпа, конечно, только первые дни будет, потом поспокойнее станет. Но все равно выгоднее со мной, чем без меня. — Я говорила прямо, даже не думая скрывать свои мотивы. — И если начнутся претензии от других мамок, то заденет всех, верно?

— Верно, — кивнула Ума, ловко вымешивая очередную порцию теста. — И хай подымут, и орать на всех будут, не на одну тебя. На то

ты и в семье, хотя и без году неделя. Берта разберется, а мы, если надо, подсобим.

— И когда вы будете... подсоблять, вам ведь приятнее будет не за чужие барыши воевать, хоть и семейные, а за свои кровные? — Я спокойно и ясно улыбнулась булочнице, а потом и другой соседке, нанизывая последние кусочки щупалец на длинные рисовые соломинки.

— Ах ты змеюка, — засмеялась вдруг Фрида, звучно так, глубоким красивым контральто. — Хитрая тварь, а! — И она в восторге хлопнула себя ладонями по пышным бедрам. — И ведь верно!

В целом первый день прошел великолепно. За вычетом расходов на морепродукты, на дрова, специи, муку и прочие ингредиенты у меня в поясном кошельке звенело меди почти на целый серебрянник. Не миллионы, но очень хорошие деньги по нашим нынешним меркам. Но вместе с деньгами (из которых я честно выплатила десятину в кассу «семьи» на общие расходы и еще одну двадцатую лично мамке) сразу пришли новые проблемы.

Например, нам явно не хватало осьминогов. Даже если ажиотаж первых дней пройдет, их все равно нужно больше, к тому же я собираюсь и дальше пробовать разные специи и панировку, кое-что уже придумала про маринад — буду расширять ассортимент. Это не даст моему средневековому фастфуду приестся и потерять привлекательность в глазах клиентов. Да и просто самой интересно — не зря же я стала профессиональным поваром.

И думай вот теперь — то ли искать еще поставщиков, чему категорически не обрадуется Янь, то ли изобретать для него новый способ добычи. А как его изобрести, если ни один из нас ни разу не рыбак? Вот в том-то и дело.

Конечно, наш добытчик выкатил тощую грудь колесом и заявил, что будет вставать еще раньше, плавать дальше и возвращаться с полным корытом руконогих, но это дело я сразу и строго пресекла. Одиннадцатилетний мальчишка не должен надрываться до полусмерти, даже если вокруг цветет и пахнет натуральное средневековье.

— Сделаем так. Ищи себе помощника. А второе корыто Крон нам выдолбит, да, братец? Вот. Будешь не просто добытчик, а еще и глава

артели, пусть и маленькой, — огорошила я пацана после недолгого размышления. — Заодно, скинув самую рутину на работника, сам разведает новые места лова, а то мы такими темпами ближние рифы оберем до голых камней, и ловить станет некого.

Янь пару минут сидел, открыв рот, а потом так восторженно и предвкушающе засверкал глазами, что я спохватилась:

— Только не вздумай дальше первой линии островков выходить! Нечего строить из себя капитана-первооткрывателя. И не дуйся! У тебя две сестры на шее, хочешь их осиротить окончательно?

Мальчишка, уже покрасневший от злости и готовый выкрикнуть что-то типа «а ты мне не указывай тут!», моментально сдулся и только обиженно сопел. Но недолго — перспектива стать главой артели все равно его увлекла и огорошила достаточно, чтобы не вредничать по пустякам.

Янь после нашего разговора весь вечер был задумчив и словно слегка ударен пыльным мешком по голове, ходил из угла в угол и тихо бормотал что-то сам себе под нос, крутя в воздухе пальцами так и эдак, словно их в чем-то пытался убедить. Девицы косились на старшего брата опасливо, но с интересом. И даже не стали протестовать, когда я загнала их в лохань с теплой водой, вручила мыльный корень и велела мыться.

В ту же лохань после сестер оказался всунут и сам Янь, с этим делом вполне справился братец, поскольку на меня нафырчали, а я и не рвалась помогать. Все же «мамочка» из меня сомнительная, никакого умиления при виде деточек я не испытываю и все время ищу, чем бы таким общественно полезным их занять, чтобы не путались под ногами.

Зато, вымывшись, пацан вдруг явно что-то вспомнил, повеселел и хотел было рвануть в ночь темную босиком и с мокрыми волосами, но получил полотенцем по попе и был отправлен под одеяло в сопровождении строгого и всесильного заклинания «чтоб я вас до утра не слышала всех троих, а то конфету не дам!».

Действовало это заклинание безотказно, во всяком случае пока.

Мы с Кроном еще посидели, обсуждая, как нам поудобнее изловчиться с подвозом дров на пирс, и что неплохо бы заказать новые колеса для тележки, получше сделанные, и что коробка для ведер с

осьминогами-полуфабрикатами надо пристроить к этому сооружению, и...

Короче, проговорили до глубокой ночи. Прикинули, куда будем тратить деньги в первую очередь. Сразу отложили половину выручки в специальную кубышку «на непредвиденные расходы и вообще впрок», безжалостно справившись с соблазном потратить «вотпрямщас» на самое необходимое.

И дружно решили, что козу все же купим. В ближайшие выходные...

Глава 23

— Мне не нравится, что Король беспокоится, — заявил Крон как-то утром. Мы только встали, рассвет еще даже не золотил макушки восточных гор.

— Кто?! — Я уронила шляпку, которую как раз прилаживала поверх собранных в одну косу и закрученных дулей волос, чтобы и не мешала, и хорошо защищала от солнца. Целый день на пирсе, на свежем воздухе и под прямыми солнечными лучами, — не то, что полезно для кожи. Ну, знания косметологии из прошлого мира и советы успешно сохраняющих белизну лиц «сестренок» мне в помощь.

— Король. Козел наш. — Крон скептически пересчитывал аккуратно распиленные полена какого-то местного дерева, которыми мы топили нашу передвижную печку. — У него ж тут теперь коза, им же крытая, вдвое лучше стережет.

— А... — Я несколько секунд переваривала новое имя козла, потом хмыкнула и пожала плечами — почему бы нет? Король так Король. — И что именно тебе не нравится?

— Он ведет себя так, будто к его козе хищник подбирается. Настороженный весь и злее обычного, — насупленно пояснил Крон. — Сдается мне, шалит там какой-то злыдень по пустырю, вот Король и чешет рога о забор, готовится защищать свой дом.

— Хм... ну мало ли кто там ходит, пустырь не купленный.

— Это да. Но к нашему забору его каким канатом тянет? Красть пока особо нечего, когда мы на пирсе — всё, считай, с собой и уносим.

— И уводим, — задумчиво кивнула я, скосив глаза на двух наших девиц. То самое место, куда колола интуиция, снова зачесалось. А ведь была мысль оставить девчонок дома — тяжело им весь день на торгу, маленькие еще. Первый пыл и интерес прошел, маются дети. Но в свете злого Короля... видимо, придется им потерпеть.

Я б и Яня одного дома не оставляла. То, как долго они тут жили без нас, — это чистой воды невероятное везение, которое не могло длиться бесконечно. И даже теперь бдительность терять не стоит —

белокурые мальчишки в Ракушках тоже пользуются спросом. Тьфу, не было печали.

— На всякий случай все ценное со двора занеси в дом и дверь запри, — велела я. — Майю и Сиона сегодня снова с нами пойдут. Оставлять их одних нельзя. Так... Янь уже уплыл?

— До свету еще позвал тех двух мальчишек с соседней улицы, и отчалили, — доложил Крон. — Вроде толковый он себе народец подобрал, всего-то раз подрались и выяснили, кто тут главный. Не пропадут.

— Угу, только вот Король беспокоится, и я с ним. Поэтому, как отвезешь нас с детьми на пирс, вернешься и подождешь мальчишек тут. Почистите добычу, положите в ледник и придете к нам. Лучше пусть все трое на глазах будут. А то мне тоже вот вспомнились странные расспросы одной из соседок про то, откуда мы взялись. Я ей сказала, что мы родня матери, но кто знает, из чистого любопытства тетка приставала или с умыслом. Доказательств на случай серьезных разборок у нас никаких.

Мы работали на пирсе уже почти месяц. Все шло так хорошо, что какая-то темная и вечно настороженная часть меня недобро подбиралась, словно готовясь к прыжку: слишком оно гладко как-то, слишком... или нет? Или все нормальные люди так живут, а я просто забыла, пока меня швыряло из мира в мир, из принцессы в поваренка, из поваренка в труп и дальше по воле волн?

Понятно, что совсем без проблем не обошлось. Я даже ежилась, помнится, представляя, что со мной сделали бы конкурентки, не будь я «под юбкой» у Берты. И так, в общем, пришлось пережить несколько неприятных моментов, когда по пути домой меня с моим выводком утят и большим гусаком-братцем попытались прижать в одном из темных переулков.

Что характерно, воевать пришли не только тетеньки, но, судя по всему, и их дяденьки. И нацелены они были не столько на нас самих, сколько на нашу тележку. Я не успела понять, хотят ее разбить к брюквам или злостно утащить, чтобы разобрать по кирпичику и вызнать какой-нибудь секрет.

В любом случае все кончилось раньше, чем я это узнала: нас попытались окружить и прижать к забору, и прячущиеся за мою юбку девчонки никого из нападающих не смутили. Но вдруг что-то

произошло, и в темноте я не сразу сообразила, почему один из мужиков на правом фланге тонко взвизгнул и упал на одно колено.

— Прочь пошли. — Совершенно спокойный и, что неожиданно, женский голос из темноты прозвучал так, что не только нападавшие ломанулись в другую от него сторону, но и я с Кроном, тележкой и утятами едва не драпанула вслед за ними.

Ну очень жутко сделалось.

А из темноты в луч лунного света вышла всего лишь невысокая пухленькая фигурка в каком-то непривычно по этим временам облегающем костюме. Женщина хмыкнула, глядя вслед супостатам, и повернулась ко мне.

— На зуб попробовали. Больше не сунутся, — коротко сказала она, и я наконец узнала горничную Берты.

Да уж, очень... непростая тетенька. Что ее связывает с торговкой фастфудом, пусть даже и достаточно крупной?

Впрочем, не мое дело. Главное — защита семьи действительно работает, а не остается на словах ради вытрясания «налога», как я привыкла в прошлой жизни.

Ну и, собственно, все. Несколько раз полаяться с другими семьями — так это вообще не вопрос. Мне в целом показалось, что такие словесные перепалки — своего рода традиция и наши девы участвуют в них не без удовольствия. А что? Такой шикарный случай поорать, пообзывать и, как ни странно, поохотать — отлично снимает стресс.

Я в самый первый раз больше слушала, хотя понятно было, что наезд как раз на меня. Но тягаться с виртуозами уличной перебранки без подготовки — увольте. И я уступила поле битвы Уме, Фриде и другим сестрицам, ограничившись парочкой едких фраз в самом начале.

А сама смотрела и слушала, выявляя неписанные правила таких поединков, основные темы, привычные здешним торговкам обороты речи, способы вывести противниц из себя и — что тоже важно — реакцию публики на весь этот цирк.

А как же! Да на такое представление — скандал в курятнике — сбегались посмотреть и послушать не только праздные зеваки и морячки с ближайших судов, но и люди посolidнее, посерьезнее и побогаче.

И вот во время одного такого представления я и поймала чей-то пристальный взгляд в спину. К сожалению, определить его владельца было никак: толпа стояла плотно, укрыться в ней мог кто угодно, хоть брюссельский дракон с капустой на голове, никто в толкотне не обратил бы на него внимания.

С тех пор нет-нет да и передергивало от странного ощущения чужого внимания. И на пирсе, и, что хуже, по дороге домой.

А теперь еще и Король беспокоится.

Точно нельзя детей оставлять одних.

Глава 24

— Сегодня большие гуляния, не забыла второе приготовить? — напомнила мне Ума, споро раскладывая по своему прилавку свежую утреннюю выпечку.

Мы как раз только-только расположились на своем обычном месте, и Крон натянул тент не только над тележкой с печью, но и на дополнительные жерди, которые сам и вытесал, сам и придумал, как сложить и разложить, — братец у нас мужик башковитый. Благодаря ему уже третий день в тени не только мое рабочее место, но и некоторое пространство позади прилавка, где возятся дети, когда я не отпускаю их бегать по пирсу со стайкой таких же пострелят.

— Забудешь тут. — Я вздохнула, потеряв поясницу: до того, как Крон принес мне в ладошках новости про озабоченного Короля, я всю ночь сидела над ведром с осьминогами и собственноручно чистила морских гадов, потому что детей разогнала по кроватям в положенное время. Яню рано утром в море, потому что праздничные гуляния продлятся три дня. Так что даже с двумя помощниками, которым Крон выстругал по корытцу, пацану ловить и ловить, чтобы хватило. А мне — чистить и чистить, варить и отбивать не покладая рук. Впереди еще две бессонные ночи.

Но оно того стоит. Сестрицы на пирсе возбужденно потирают руки и подсчитывают будущие барыши: праздник середины лета — один из основных в Картахелии, эти три дня полгода кормят, что называется. С денег, заработанных на гуляющей толпе, сестры закупают запасы на зиму, планируют крупные траты в хозяйстве, выплачивают сделанные в течение года долги, если они накопились, и так далее.

Короче говоря, лучше несколько ночей не спать, чем пролететь мимо заработка. А нам в хозяйстве деньги очень даже пригодятся.

Крышу надо менять, сколько Крон ни возился с тростником и стропилами — все равно протекает. Летом не страшно, но, когда затянут осенние ливни — а в Картахелии сезон дождей длится со второго месяца осени и до самой середины зимы, — нам придется

туго. Дети вон до сих пор вздрагивают, вспоминая свой первый дождливый сезон после смерти родителей. А ведь тогда крыша еще не настолько прогнила. Как только не заболели.

Ладно еще старшие, они покрепче, но как эти двое вытянули двухлетнюю Сиону, когда она даже теперь, питаясь более чем щедро, умудряется оставаться тихим прозрачным эльфом? Да я ж каждый раз пугаюсь, что ее вот сию секунду сдует с пирса в воду особенно резким порывом ветра, и все время ловлю себя на том, что краем глаза отслеживаю белобрысую макушку в толпе другой мелочи, когда они стайкой воробушков носятся вдоль причалов. Это еще удобно, что мои такие светлые и их сразу видно.

Сегодня, кстати, я девиц не пустила бегать с остальными: толпа на пирсе была такая густая и плотная, что даже шустрюю мелочь легко потерять или затоптать. Остальные сестры из тех, кто в обычные дни брал детей на работу и отпускал веселиться в компании сверстников, сегодня тоже придержали отпрысков возле юбки.

За примерное поведение и помощь детям были обещаны праздничные сладости, представление местного кукольного театра, с которым приехали на пирс странствующие комедианты, и царица праздника — деревянная карусель, которую установили на площади у начала пирсов. Внутри расписной, хотя и слегка облезлой от времени конструкции меланхолично ходили по кругу два осла и один явно тоскующий без опохмела мужик-погонщик. Их крутящий момент как-то хитро передавался на платформу с лошадками и верховыми рыбами, которые не только ездили по кругу, но еще и плавно покачивались в процессе, вызывая счастливый визг не только у малышни, но и у вполне взрослых посетителей. У тех, кого не укачало. Зелененьких и окосевших регулярно относили в сторонку и сажали на лавочку отдышаться два служителя в увитой канителью красной униформе. Я так поняла, что карусель была собственностью города и выдавалась простому народу по большим праздникам в качестве самой главной достопримечательности.

Неизбалованные тут люди, и в этом есть своя прелесть.

— Ох, сегодня надо было принарядиться получше, — со смешком заметила мне Фрида, едва переводя дух между двумя шумными и охочими до пива компаниями моряков. — Середина лета — праздник

для всех. В толпе можно себе не только шкипера присмотреть, но, глядишь, и птицу покрупнее.

— В смысле? — машинально поинтересовалась я, тоже едва переводя дух. Покупатели шли волнами, едва не снося меня вместе с прилавком.

— Сестрица Ганнис так себе мужа из младших дворян высмотрела, — поделилась со смешком Ума, слушавшая нашу болтовню. — Оно, конечно, захудалый род-то, и бедный, как храмовые голуби, ну так Ганнис девка ушлая и шустрая, сумела хозяйство наладить. Зато оба сына на шкиперов учатся, а не в простые матросы пойдут. Ты тоже не зевай, девка-то видная. В толпе переодетых дворян полным-полно, сегодня все оставляют свои титулы дома и просто веселятся. А найти пару в праздник середины лета — примета благоприятная, такие браки крепче всего.

— Вот только переодетого дворянского мужа мне для полного счастья и не хватает, — вздохнула я, мысленно перекрестившись: пронеси, Господи. — К тому же я не наряжалась, и вообще, кто меня такую присмотрит-то: красная от жаровни, как вареный рак, потная и в саже. Нет уж, лучше пусть денег несут побольше, а свое дворянство оставят себе.

— Тоже верно, — хихикнула Фрида. — Дворяне, они ж так... кроме громкого имени, и глянуть не на что. Мужик должен быть здоровый, широкий и громкий, как корабельная рында. Тогда и посмотреть приятно, и подержаться есть за что!

Ее слова были встречены веселым смехом соседок и тех парней, что ошивались поблизости. Последние так и вовсе расправили плечи и старательно ржали погромче, соответствуя, так сказать, требованиям дамы.

Но Фрида их высокомерно проигнорировала, не без оснований считая свои роскошные формы достойными не менее чем крепко стоящего на ногах боцмана с приличного торгового корабля. Желательно солидного, в хорошем для мужчины возрасте, уже сколотившего капиталец и готового через год-два осесть на берегу, обеспечивая жене достаток, покой и пару детишек.

В общем и целом первый день праздников прошел весело и продуктивно. Я так заработалась, что даже не заметила, как ушел и вернулся Крон, приведя с собой Яня. С ним я отпустила девиц

погулять. Потом, когда дети намотались по солнцу и приползли еле живые от впечатлений и усталости, покормила их нормальным обедом и даже уложила подремать прямо на расстеленном позади лотка одеяле.

Уже на закате, когда основная толпа с пирсов двинула в сторону городских площадей, где планировались разные представления, я отправила Крона с печкой домой. А сама подхватила Сиону, велела двум другим держаться за руки и повела свой выводок утят в сторону обещанной карусели.

Даже удивительно: вроде устала, лечь бы и поспать пару часиков... но то ли серебряная кровь играла в выносливость, то ли молодость пела свою песню веселого безумия, а шла я в толпу с удовольствием и предвкушала веселый вечер.

Кто же знал, чем он закончится...

Глава 25

— Да сними ты эту шляпу, — недовольно шипел Янь, дергая меня за прикрепленную к соломе легкую вуаль, с помощью которой я спасала свое лицо от солнца. — Вечер уже! А ты все ходишь как поганка на тонкой ножке, смотреть смешно... И сразу понятно, что торговка с пирса не умеет себя вести!

Я только тихонько фыркнула. Смотри, ревнитель этикета и внешнего вида нашелся. Самого пришлось приучать руки перед едой мыть, а туда же!

Но шляпку все же сняла, вынув из нее длинные затейливые шпильки, с помощью которых она крепилась к собранным в узел косам. С одной стороны, я не хотела этого делать, чтобы не привлечь лишнего внимания к светлым волосам, с другой... все равно вокруг меня выводок блондинистых деток, поэтому «мамочка» такой же масти как раз привлечет меньше внимания. К тому же голова устала от тугой прически, шляпы и вуали, так что, сняв всю конструкцию и распустив узел так, чтобы косы свободно упали на плечи, я вздохнула с облегчением.

Приятный вечерний бриз трогал выбившиеся у висков пряди, облизывал щеки и губы своим влажным солоноватым языком, прохладной ладонью гладил освобожденную от накидки шею. Хорошо... даже толпа веселящегося вокруг народа не раздражает.

— Карусель или представление? — весело спросила я «утят», пощекотав сидящую у меня на руках Сиону под подбородком, как кошку. Этот ребенок по-прежнему ничего не весил и почти просвечивал на солнце, кошмар какой-то. При том, что на аппетит девочка вовсе даже не жаловалась.

— Карусель! — хором гаркнула поросль младая, и я засмеялась. Кто бы сомневался?

— А представление все равно посмотрим, пока в очереди стоим, — рассудительно добавила Майю. Она вообще была девочкой насквозь практичной, разумной и очень ответственной. Опекала младшую сестру, ухаживала за братом, и, присмотревшись, я поняла,

кто на самом деле лидер этой маленькой семьи, в которую далеко не сразу приняли и нас с Кроном. Да, дети не протестовали, охотно принимая заботу двух взрослых людей. Но я только с неделю назад заметила, что узел, который Майю с Янем прятали в самом дальнем углу за кроватью, наконец исчез: вещи из него разложили обратно по своим местам. Значит, мгновенная готовность бежать больше не висела над детьми дамокловым мечом и они все же поняли, приняли: с нами действительно можно иметь дело без страха.

И с этого же момента, кстати, я начала замечать другие нюансы — стеснительную короткую ласку от девчонок, которые, как два зверька, рисковали прижаться всего на пару секунд и тут же отходили в сторону, словно ничего не произошло. И вдвое выросшую внимательность Яня, который теперь бухтел в три раза больше, но совершенно по иным поводам, чем раньше.

— Лия, смотри! — Эльфенок-одуванчик на моих руках резво вертелся в разные стороны и восторженно тыкал пальцем в каждую яркую диковинку, да так радостно, что я даже махнула рукой на замечания и не стала в сотый раз повторять, что пальцем показывать неприлично. Тоже смотрела и улыбалась.

На карусель садиться вместе с утятами я отказалась категорически, мне хватило длинной очереди и пестрых лошадок, от одного взгляда на которых сразу закружилась голова.

Помню, в детстве я всегда очень жалела маму за то, что она никогда не садилась со мной на карусель и смотрела на все откуда-то снизу, улыбаясь, как мне тогда казалось, с грустью. Теперь же я прекрасно понимала, что мамуля очень даже радовалась, что ей не нужно больше на этот адский аттракцион, как когда я была совсем мелкой и можно было катать меня, только держа на коленках.

Не-не, взрослый вестибулярный аппарат падает в обморок только при одном слове «карусель». Поэтому утята пусть крутятся хоть до посинения, а мне и здесь хорошо.

Рассеянно скользя глазами по проплывающим мимо веселым лицам, я только время от времени поглядывала на восторженно визжащих деток. Обе девицы оседлали одну лошадь, синюю в золотых яблоках. Янь, видимо в силу своей профессиональной гордости, взгромоздился на большую оранжевую рыбу с мученически выпученными глазами и надутым капризным ртом.

Я оплатила им три «круга» подряд, чтобы дети навертелись до упаду и получили максимум впечатлений, так что минут пятнадцать можно было посвятить своим мыслям и подумать, что же у нас дальше по плану. Не только на сегодняшний вечер, а вообще.

Несколько часов все же надо поспать. Иначе никакая серебряная кровь не спасет, буду как зомби. Ничего, успею с чисткой. Сегодня традиционно на все вкусности цены были выше, так что не только количество проданных осьминогов сделает нам выручку. И вообще...

Ощущение острого взгляда в спину настигло внезапно, когда я уже готовилась принять на руки укрупненных до состояния нестояния утят.

Я резко обернулась, тщательно сканируя праздничную толпу, но опять никого подозрительного не увидела. И неприятное ощущение прошло, как не было его. Снова показалось?

Поворачиваясь обратно в сторону карусели, я меньше всего ожидала оказаться нос к носу с высоким светловолосым парнем, одетым просто, но дорого. Взгляд зацепился за широкие плечи, скользнул выше, задержавшись на твердом подбородке и красивой формы губах, а потом...

Я почувствовала, что воздух вокруг меня исчез, словно его отсосали невиданным гигантским насосом.

Эти глаза я узнала бы и через десять лет.

— Госпожа, прошу меня простить... — начал было парень, отступая на полшага и явно собираясь вежливо и пространно извиняться за то, что едва не сбил меня с ног в толпе. Но где-то на середине фразы его заклинило, заморозило и перекрутило. Он резко побледнел (я, кажется, тоже, судя по тому, как похолодели щеки) и замер, судорожно пытаясь вдохнуть хоть немного воздуха.

Он стал таким... он... он выглядел гораздо взрослее, чем должен, и эта взрослость ему невероятно шла — уже не мальчишка, даже не юноша, молодой мужчина. Я не могла не заметить этого, хотя последнее, о чем хотела бы думать в этот момент, — это о его внешности.

Его взгляд скользил по моему лицу, словно обжигая, я физически ощутила, как начинает гулко и часто биться его сердце, я его слышала в шуме толпы — с ума сойти!

— Ю... — Он облизнул явно пересохшие губы и смог выдать из себя только один-единственный звук, но мне его было достаточно, чтобы понять: да, узнал. Но, кажется... кажется... не верит собственным глазам.

— Господин, вы что-то хотели? — А-а-а-а! Неужели это мой голос? В горло словно песка насыпали, слова пришлось выталкивать по одному, с трудом и скрипом. — Мы разве знакомы?

Глава 26

Самое паршивое — я не могла просто развернуться и удрать, потому что дурацкая карусель все еще наматывала третью порцию кругов и бросать утят было никак нельзя.

Оставалось срочно собирать в кучку поплывшие неизвестно куда мозги и соображать, как выкрутиться.

Почему он так взросло выглядит? Прошло ведь всего три года. Или... нет? Я ведь даже не задумывалась над этим, в голову не приходило. И сейчас, брюква все побери, лучше бы о другом подумала!

— Юль... — осипшим голосом повторил Лиу, глядя на меня как на привидение. Хотя почему «как»? Я и есть призрак из прошлой жизни, и нужно как-то теперь растаять в тумане, чтобы не нарваться на пристальное внимание некоторых господ...

— Боюсь, вы обознались, господин. — Кажется, моя улыбка вышла слишком натянутой, но другой у меня сейчас нет. — Меня зовут иначе.

А сама, пока все это выговаривала, стащила с плеч платок, открыв побольше декольте. У меня там, конечно, не Фридины богатства, но кое-что, не оставляющее сомнений в моей женственности, имеется. Особенно если правильно подышать.

Вот, смотри! Ты же помнишь мальчика. Мальчика! А я вовсе даже девочка.

— Юль... — снова растерянно повторил Лиу, его взгляд послушно скользнул вслед за моими пальцами к шали, по воротнику платья и на грудь. Кажется, в этот момент мой бывший первый миньон перестал дышать.

Честно? Мне было ужасно стыдно, больно и тошно его обманывать. Потому что в зеленых глазах билась такая безумная, болезненно напряженная надежда, что у меня самой дыхание останавливалось где-то в горле и щекотало там колючими шариками чертополоха сразу до слез.

Но что я могла сделать? Все вокруг и так еще зыбкое, ненадежное и опасное. А Лиу... Лиу — это часть прошлой жизни. Это дорожка, по которой до меня доберутся наши распрекрасные герцоги, а когда они это сделают, плохо будет всем. И первому миньону особенно — он ведь законный консорт!

Вот зараза. Надо же было так столкнуться в толпе — нос к носу, не с кем-нибудь, а именно с ним! Что он вообще делает на празднике середины лета в Картахелии, если должен быть в королевском замке, уже как минимум одним из главных поваров? Вот на кого Лиу сейчас не похож, так это на повара. Когда он успел отрастить такие плечи, такие... движения и такую осанку потомственного дворянина? И одет он... совсем не как прислуга. Что произошло, пока меня не было? Неужели Раймон, к которому я вирой привязала благополучие своего миньона, зашел куда дальше, чем я предполагала, и сделал парня... ох.

— Лия! — С этими напряженными переглядками я не заметила, что карусель остановилась и мой выводок утят обеспокоенной стайкой слетел с деревянных фигур. Они капельками ртути просочились сквозь толпу жаждущих приобщиться к крутящемуся счастью и облепили мою юбку, а Сиона так и вовсе вскарабкалась мне на руки с ловкостью цирковой обезьянки.

И все трое хмуро уставились на опешившего миньона, явно, хотя и без слов, намекая на классическое «чего надо?! Иди отсюда!».

Честное слово, для создания маскировочной завесы «мамаша с детьми, а никакой не знакомый мальчик» лучше не придумаешь. Хотя в другой ситуации я бы сделала мелким замечание, сейчас же только ласково им улыбнулась, глядя, как наполняются понимающим разочарованием глаза Лиу.

Мне от этого было... больно. Но правильно. Сама не знаю как, но я снова успела за короткий срок обрасти теми, за кого отвечаю и кем не имею права рисковать. Крон, между прочим, вообще государственный преступник, если я ничего не путаю, ему на глаза бывшим поваряткам точно нельзя показываться, даже бритым. Поэтому... все правильно. Правильно.

Возможно, если я мысленно произнесу это еще раз сто, мне станет легче.

— Простите... — Лиу отступил на полшага, и я сжала зубы, глядя, как гаснет надежда в его глазах. — Я, кажется, обознался.

Простите еще раз, госпожа...

— Ваше сиятельство! — окликнули вдруг его из толпы, и к нам пробились несколько человек в форме городской стражи. — Ваше сиятельство, я же просил! — укоризненно заявил один из них. — Где ваш брат? Вы не должны ходить в одиночестве, тем более в такой толпе!

Стражник шумно выдохнул после своей тирады и утер платком красное потное лицо. Потом его взгляд скользнул по мне и утятам, и дядька снова напрягся:

— Ваше сиятельство, вам осмелились докучать эти...

— Нет, — поспешно, но твердо оборвал его Лиу, все еще не сводя с меня напряженного взгляда. В нем уже не было того звенящего узнавания, но ему на смену пришла другая мысль, которая заставила меня насторожиться и попятиться в толпу.

— Подождите, госпожа. — Лиу снова быстро шагнул ко мне и даже протянул руку, словно намереваясь поймать за локоть. Но я оказалась проворнее, а Янь, которому явно все это активно не нравилось, — еще и нахальнее, потому что мальчишка отцепился от моей юбки и встал между мною и бывшим миньоном, хмуро зыряка на последнего из-под насупленных бровей, как готовый укусить волчонок.

— Моя сестра — порядочная девушка, — пробубнил он с вызовом. — Поэтому с кем попало не разговаривает. Я ей не разрешаю!

— Смотри, кому дерзишь, щенок! — моментально вызверился краснолицый стражник и уже руку занес, чтобы отвесить мелкому наглецу хорошую затрещину. И вот тут у нас с Лиу инстинкт сработал одинаково. Я моментально дернула мальчишку за штаны, подтаскивая к себе и пряча за спину, а Лиу так же быстро перехватил руку стражника. И посмотрел на меня... странно. Чуть прищурился и закусил губу, но почти сразу же его лицо снова стало почти спокойным.

— Отправляйтесь к карете, я сейчас приду.

— Ваше сиятельство!

— Я сказал. Хотя... найдите сначала моего брата. И ждите. Я запрещаю идти за мной. Все ясно? — Откуда, интересно, в голосе Лиу

столько уверенной спокойной властности? Раньше не было... а теперь пробирает, аж до мурашек.

Не хочу, чтобы он разговаривал со мной подобным тоном. Даже не потому, что я в себе не уверена. Просто не хочу. И раз уж «его сиятельство» отвлекся на раздачу приказов...

Имея при себе трех утят, нырнуть в толпу и задать стрекача так, чтобы сразу было не догнать, сложно, но можно. Особенно если старший утенок на лету подхватил идею, вырвался вперед и, волоча меня за руку, нырнул в какой-то совершенно незаметный с площади проулок.

Сиона у меня на руках затихла и так крепко обняла за шею, что я больше боялась задохнуться, чем уронить ребенка, Майю не менее шустро, чем брат, перебирала башмаками, цепляясь за мою юбку, так что побег удался.

Точнее... почти удался.

Глава 27

— Оппа! — раздался у меня над головой веселый и самую чуточку хмельной голос. Сильные руки поймали меня в охапку вместе с Сионой, не обращая внимания на тихий писк последней и то, как тоненькие лапки сомкнулись на моей шее в пугающе крепкое кольцо, так и придушить можно. — Красотка! Куда же ты так спешишь? О, а мы, кажется, знакомы?

Я мысленно выругалась самыми страшными матами, какие только смогла вспомнить.

Конечно, знакомы! Ты тот парень, который спас меня от вербовщика-сутенера, и ты — точно не тот, с кем я сейчас хотела бы столкнуться! Ведь и не пошлешь, не привлекая внимания, и вообще...

— Спасибо, господин, что подали руку и не позволили мне упасть. — Никуда я не падала, но надо же как-то вырुлить из твоих объятий. — Однако мы очень спешим. Я была бы благодарна...

— Я еще тогда подумал, что ты не простая горожанка, — весело заявил рыжий парень, и не думая меня отпускать. — Слишком грамотно и красиво разговариваешь. Откуда ты, красавица? Тоже с севера? Может, из самого Юнрена? Мы не могли там встречаться?

Жонглировать вцепившимся в меня эльфенышем, прилипшей к юбке Майю и сердито шипящим из-под локтя Янем, одновременно деликатно ускользая от облапившего весь этот букет балагура, — это, скажу я вам, развлечение не для праздничного вечера. Особенно когда этот дурень, не обращая внимания на слабые попытки упереться ногами в землю, весело тащит нас из темного переулка на ярко освещенный участок площади. Да вашу ж душу на грушу! Пнуть его, что ли?! Пусть разочаруется в моем предполагаемом происхождении и отстанет, а?!

Пока я об этом думала, поганец вытянул-таки нас в круг света. И вот тут у меня перехватило дыхание по-настоящему. Возможно, если бы всего несколько минут назад я не столкнулась с собственным первым миньоном и в памяти не всколыхнулись все эти события

трехлетней давности (а трехлетней ли? Об этом мне еще предстоит задуматься), я бы его не узнала.

Потому что ну как можно узнать в этом веселом, взрослом — совсем взрослом! — парне с манерами и уверенностью молодого дворянина и выправкой хорошего воина мелкого рыжего поганца по имени Цанти?!

Да у него даже голос не похож ни капли. И в ту первую встречу я вообще ничего подобного не заподозрила, мне в голову не пришло присматриваться и искать сходство. Но теперь от этого самого сходства было уже никуда не спрятаться, и сквозь взрослое, довольно красивое лицо четко проступила знакомая до последней черточки веселая веснушчатая физиономия. И эта улыбка...

А самое страшное, что, кажется, теперь и он меня как следует разглядел. Потому что глаза рыжего миньона на секунду потрясенно расширились и он разжал, наконец, свои руки, выпуская нашу компанию из объятий.

— А... — просипел он, запнувшись о собственный голос.

Не воспользоваться моментом было бы глупо.

— Простите, господин. Мы в этом городе проездом и уже должны вернуться на постоянный двор, потому что нас наверняка потеряли наши родные, — торопливой скороговоркой выдала я, мысленно молясь, чтобы никто из детей не вздумал открыть рот. — Сразу после праздников мы возвращаемся на север, домой. Большое вам спасибо за помощь, надеюсь, боги вас вознаградят!

И, не давая Цанти опомниться, я опрометью бросилась в соседний переулок, такой же темный, как тот, из которого рыжий миньон нас только что вытянул. Слава всем богам, местным и вообще любым, дети не издавали ни звука, послушно перебирая ногами вслед за мной, даже юбку мою не выпустили, утята.

— Уф-ф-ф! — сказал Янь через десять минут сумасшедшего бега по темным улицам. Слава всем богам, весь город сегодня собрался на набережной и на примыкающих к ней площадях, празднуя середину лета, поэтому наш забег остался незамеченным и мы ни на кого не налетели. — Тебе надо мешок на голове носить, как этим теткам, которые в пустыне живут! Зря я тебе велел шляпу снять, сразу слетелись, как мухи на мед!

— Не зря, — покачала я головой, устало привалившись к прохладной стене и опустив, наконец, Сиону на мостовую. Боже, как у меня еще руки не отвалились? А ноги? Да я в жизни не бегала так долго, быстро и с таким довеском... — По шляпе меня бы сразу опознали как торговку с пирсов и потом пришли бы туда, испортив такое дело...

— А, так вот ты зачем водорослей этому рыжему олуху на уши навешала, — догадался мальчишка. — Ну правильно! Пусть ищут не северном тракте, если приспичит. Ты кружева-то наплела прям как воспитанная купеческая доченька, да рангом не ниже второго. Их на середину лета в город приехала тьма-тьмущая, все постоянные дворы забиты, а у кого и свои дома есть... и уезжать после праздника будут толпой. Попробуй найди среди народа одну девицу... Только я не понял, чего им всем от тебя надо, ну, кроме смазливового личика и сисек? У дылды рядом с каруселью такой вид был, словно его веслом по башке приложили. Ты что, какая-нибудь беглая принцесса?

— Две принцессы, — ответила я мрачно, мысленно вlepив слишком догадливому отроку звонкий подзатыльник за излишнюю проницательность и везение. — Глупостей не говори... и вообще, пошли домой. Завтра работу никто не отменял. И больше никаких праздничных гуляний, хватит, накаруселились.

Если дети и огорчились, то возражать не посмели. Сиону снова пришлось брать на руки — испуганный ребенок едва перебирал тонкими ножками. Майю тоже выглядела уставшей и испуганной. Янь шел впереди, показывая дорогу, и не переставая бурчал что-то себе под нос весьма сердитым голосом, изредка эмоционально жестикулируя.

Я его даже понимала, но у меня на подобный выплеск просто не осталось сил. А дома ведь еще осьминогов чистить...

И думать. Какого брюквового черта происходит? Почему мои миньоны такие взрослые? Почему они больше не слуги в замке, а самые натуральные дворяне — то есть люди с раскрывшимся магическим даром? Сколько вообще времени прошло?

И почему до сих пор намертво спит прабабушкин дневник? Я ведь уже не один раз пыталась его открыть, но страницы казались склеенными, словно внутрь тетради кто-то налил жидкого стекла и оно там застыло. Признаться, раньше я не слишком огорчалась по этому

поводу, можно даже сказать, наоборот: чувствовала некое облегчение. Без королевских тайн, клятв и магии было гораздо проще жить.

Ну вот и расплачиваюсь теперь за собственную беспечность и заикленность на хозяйственных вопросах. Магия догнала и врезала по затылку тогда, когда я ее не ждала...

— Ты это, — вдруг обернулся ко мне Янь. Мы уже почти дошли до нашей окраины и теперь топали не по мостовой, а по пыльной улочке между кривоватых заборов. — Может, тебе волосы покрасить? Я могу каракатицу поймать, у нее чернила стойкие, месяц с рук не отмываются. Правда, зеленые... но если сверху грязью замазать, то будет похоже на коричневый!

Глава 28

— Спокойно, спокойно, спокойно... — твердил Силье, даже не пытаясь встать на пути мечущегося по комнате словно бешеный зверь в клетке брата. — Спокойно, мать твою! — рявкнул он наконец, потеряв терпение. — Лиу! Что, демоны всех дери вонючей палкой, происходит?!

— Я... сам не знаю, — признался Лиу, ни на минуту не прекращая своего сосредоточенного кружения по комнате — от окна к столу, от стола к двери, потом сундук для документов, полка, кровать и опять окно. — Я... кажется, схожу с ума.

— Хрена лысого, — мрачно рявкнул брат. — С ума поодиночке сходят, а ты в компании собрался. Так не бывает. Что вы оба с этим рыжим придурком увидели на этом демоновом празднике такого, что у вас разом все сковородки в башке потекли?!

— Призрака? — Лиу на секунду остановился спиной к окну и запустил обе пятерни в волосы, превращая аккуратную прическу в воронье гнездо.

— Какого еще призрака?! — заорал Силье, окончательно теряя терпение. — Только не говори, умоляю, не говори, что именно ЭТОГО!

Оба брата какое-то время молчали, Лиу — глядя в темноту за окном, Силье — пытаясь дышать, как учили наставники, чтобы унять злость и не разорваться еще больше.

— Спокойно, — выдавил в конце концов тот близнец, которому дыхание ни демона не помогло, но зато злостью перехватило горло, и желание орать прошло само собой. — Что именно вы видели? Я ничего не понял из твоего невнятного блеяния, а рыжий вообще только молча тарашится в стену или ругается какими-то непотребными словами. Но из них я могу сделать вывод, что вам повстречался не призрак Юля, будь он неладен, а какая-то девица. Это так?

Лиу оторвал ладони от лица — они сами как-то сползли с волос, отгородив его от всего мира и от настойчивости брата. Но взять себя в руки было необходимо, даже несмотря на то, что неожиданная встреча

всколыхнула душу, заставив землю под ногами расколоться, как льдина, и уплыть неведомо куда.

— Да, — коротко кивнул он и после паузы пояснил: — Я встретил на площади девушку... но у нее были его лицо и глаза. Понимаешь?

— Похожее лицо — это еще не повод сходиться с ума. Мало ли...

— Глаза, Силье. Лицо — не повод, согласен. Но глаза я не спутаю ни с кем и никогда.

— Пять лет прошло, — сухо покачал головой близнец, отрываясь от стены и проходя к столу, чтобы налить в кубки вина. — И за эти пять лет случилось столько всего. Как ты можешь быть уверен?

— Я. Его глаза. Не спутаю. Ни с кем. — Четко выговаривая каждое слово, Лиу выпрямился и посмотрел на брата в упор.

— И что дальше? — сменил тему Силье, понимая, что в этом вопросе спорить бесполезно. — Ты понимаешь, что он умер? Его тело нашли. Ты сам его видел.

— Понимаю.

— Значит, эта девица всего лишь похожа, а в ее глазах ты увидел только то, что сам хотел, — безжалостно резюмировал близнец. — Поэтому прекрати истерить. Если она тебе так нужна, значит, мы ее найдем, и ты сможешь рассматривать ее хоть до посинения. И глаза, и все остальные детали ее... фигуры. Может, это и к лучшему — женишься и уймешься наконец. Это, слава всем богам, девица, а не еще один пацан!

— Что за чушь ты несешь? — Кажется, Лиу все же постепенно приходил в себя. — При чем тут женитьба? И она была с детьми...

— Возьмешь и с детьми, в чем проблема, — хохотнул Силье. — Опыт у тебя есть. Лишнего мужа, если понадобится, ликвидируем.

— Заткнись, — довольно беззлобно рыкнул Лиу. Его глаза наконец перестали мерцать безумными огоньками, и Силье незаметно выдохнул, мысленно послав тысячу проклятий демоновому мальчишке, так неожиданно и сильно повредившему разум его брата. — Да, я хочу ее найти. Цанти сказал, что уже встречал ее раньше. И она даже назвала ему свое имя... только он его не помнит.

— Я завтра сам им займусь, — недобро усмехнулся Силье, выразительно похлопав себя по ремню. — Вспомнит и имя, и фамилию, и еще кучу подробностей. Пока давай подумаем, что еще мы

можем сделать. Ты тоже вспоминай все, что видел. Надеюсь, ты не только в глаза ей смотрел?

— Не только... слушай. Я вдруг подумал. Юль говорил, что его отец — хозяин одного из трактиров, что сгорели во время второго великого пожара в столице. Но он никогда не упоминал... что был единственным ребенком.

— Ну слава всем богам и демонам, мой брат вернулся, а истеричный идиот сгинул до следующего удобного случая, — хмыкнул Силье. — Нет, он не говорил, что был единственным ребенком. Я тогда его болтовню на кухне слушал внимательно... сам понимаешь, из каких побуждений. Но и о том, что у него осталась сестра, этот пацан ни разу не упомянул.

Лиу в ответ промолчал, о чем-то глубоко задумавшись. А потом и вовсе кивнул брату, направившись напрямик к двери. И только из коридора коротко бросил:

— Закончу с отчетами первой сотни. Вторая за тобой. Цанти буду спрашивать завтра, когда в голове все уляжется. Я... вспомню и запишу все, что смогу.

— Даже не знаю, радоваться мне тому, что даже сумасшествие не может отвлечь тебя от отчетов, или огорчаться, — пробормотал в уже закрытую дверь Силье. — Что же это за девка такая? Найти-то найдем... но как бы хуже не вышло. — Он непроизвольно передернул плечами.

Силье еще не забыл, как из-за смазливового поваренка их с братом и дядей жизнь полетела вверх тормашками. И о том, как Лиу с его светлостью прожигали друг друга глазами из-за этого же гаденыша, тоже помнил. Учитывая слухи о герцоге Раймоне и его пристрастии к некоему трупу... М-да. Дорого же стоила эта информация. И что теперь с ней делать, еще предстояло разобраться...

Ладно. Начать следует с того, что девица — явная северянка. Судя по тому, что она сказала Цанти, ее семья даже не живет в Картахелии. Это было очень похоже на правду, но что-то в то же время заставляло неплохо развитое чутье Силье беспокойно ворочаться и подавать смутные сигналы.

Своей интуиции второе солнце Юнрена привык доверять. У него был не один случай убедиться, что эта то ли магия, то ли просто чуйка

зря чесаться не будет. Значит, с этой северной гостьей не все так просто.

Могла она соврать рыжему, чтобы спутать следы?

Еще как могла. Другой вопрос — зачем ей было это делать? Ни его брат, ни «миньон» не угрожали неизвестной девушке, не выглядели похожими на разбойников, развратников или сутенеров. Чего она могла так испугаться?

Впрочем, много чего. Особенно если, например, красотка замужем и у нее муж ревнивый. Пристальное внимание посторонних парней — последнее, что нужно женщине в такой ситуации.

С другой стороны, ревнивый муж вряд ли отпустил бы молодую жену гулять только в сопровождении детей туда, где толпа, выпивка и праздничная неразбериха.

Вопросов больше, чем ответов. Но это, пожалуй, даже интересно.

А то закисло уже под грудой бумажных дел и среди рек ядовитой лести. Встряхнуться не помешает. А брат... все равно не может забыть. Если переключится на новый объект — может, и к лучшему.

Одно странно. Лиу сказал, что не только он узнал «глаза Юля». Его одержимый близнец сболтнул, что и та девушка его словно бы узнала. Мол, Лиу так показалось. И хотя она тут же стала все отрицать...

Глава 29

— Ну надо же, какие у тебя патлы... несговорчивые, — озадаченно потянулся поскрести в затылке Янь, глядя на то, как невидимые, но четко ощущаемые мною серебристые искры словно съедают всю постороннюю грязь и краску с прядки волос.

— Куда! — возмутилась я, ловя его за руку. — Хочешь с зеленым пятном на голове месяц ходить? Я тебе говорила, что их ничего не берет, пробовала уже. Нет, приспичило тебе среди ночи на мне каракатиц проверять. Как ты ее только выловил у берега, пакость эдакую. Чисти осьминогов и не отлынивай! Второй день пра...а-а-а... здников... выручка самая внушительная. А нам еще на зиму одеваться и вас одевать. И корыто под третьего твоего помощника... Крон сказал, хорошее дерево придется купить.

— Бу-бу-бу, — сказал Янь, покосившись на спящих сестренок, их мы загнали в постель, невзирая на писк и попытки вцепиться в щупальца и молоточки для отбивания. — Всегда так ждал середину лета. А теперь скорее бы уже прошел этот праздник! Сил никаких...

— Вот так вот живут взрослые, — «утетила» я мальчишку, сама украдкой вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. — Ты же, небось, мечтал побыстрее вырасти? М-м? Ну вот, наслаждайся.

— Нечестно... В гробу я видел такую взрослость.

Невнятное ворчание Яня утонуло в новом ведре щупалец, слава богу, последнем на сегодня. Три часа до рассвета, смысла ложиться уже почти нет, но если я не посплю хоть час, то очень сильно пожалею об этом днем. Усталость навалилась коварно, со спины, даже страх и недоумение по поводу моих миньонов отодвинулись на второй план.

Я подумаю обо всем этом после праздников. А пока... пока надо работать.

— Янь, сегодня твои помощники плывут на рифы без тебя. И не спорь! Твое корыто отдадут тому, кто вечно на берегу вас ждет и завидует. А сам спать. Быстро, я сказала! А то сейчас ту самую каракатицу на голову надену и шоколада больше не дам.

Янь уже почти уснул в своей кровати, которая стояла тут же — в «большой» проходной комнате, где мы обычно работали, обедали и где спали они с Кроном, уступив малюсенькую заднюю каморку «девчонкам». И вдруг встрепанная голова на тонкой шее снова вынырнула из одеял, на меня уставились два встревоженных ореховых глаза, и всю дорогу молчавший за работой Крон аж крикнул от паники, звучащей в высоком мальчишеском голосе:

— погоди, а как... завтра на пирсе?! А если эти снова пристанут?! Они тебя... заберут?

— Кто додумается искать меня на пирсе? — пренебрежительно фыркнула я, мысленно скрестив пальцы на всех конечностях: вот хоть бы не додумались! — Мы же пустили их по ложному следу. Никто не подумает узнавать в крикливой торговке понравившуюся им девушку, тем более такие знатные господа почти не бывают на нашем конце пирса, дальше сладостей они не заходят. Так что успокойся. К тому же я на всякий случай получше замаскируюсь: не вышло перекрасить волосы — значит, просто спрячем их совсем. А для лица попрошу у Фриды ту темную пудру, что от загара. И кожу сбережет, и выглядеть буду как местная. Ни один красавчик внимания не обратит.

Не сказать, чтобы мои слова совсем успокоили Яня, он так и засыпал, продолжая что-то недовольно бухтеть себе под нос. Хорошо еще, что долго это не продлилось — усталый мальчишка отрубился буквально через минуту.

А я тяжело вздохнула. Самое паршивое, что я не могу поступить правильно. В смысле — умнее всего сейчас собрать пожитки и свалить из Картахелии, не дожидаясь окончания праздников, розысков, миньонов и, как следствие, герцогов. Но!

Но... куда я денусь от детей? Крона я могу забрать с собой, ладно. Наплевать на все с таким трудом достигнутые цели — пережила бы. Но дети... тащить их с собой, когда половина лета уже позади и не так далеко осенняя слякоть, а потом и зима... не имея ни дома, ни достаточных денег для переезда, ни понятных перспектив... безумие.

И оставить нельзя. Я тут пригляделась и прислушалась. Троица сирот совершенно точно доживала последние спокойные денечки перед брюквцом: ими уже заинтересовались всякие неприятные и мутные людишки. Этим людишкам, кстати, поперек горла наш с

Кроном переезд, и еще непонятно, что они по этому поводу думают предпринять. Но с ними я надеюсь справиться.

Если мне на голову опять не упадут миньоны, герцоги и королевство.

Я почти уверена, что те липкие взгляды в спину, что настигают меня время от времени, — это наши старые знакомые из Ракушек. И просто волосы дыбом встают по всему телу, когда я думаю, как же вовремя я нашла чертовы какао-бобы и попросилась под юбку к Берте. Если бы мы не принадлежали к самой известной, богатой и, теперь я не сомневаюсь, опасной семье на пирсах, никого не остановили бы какие-то там дальние родственники с севера: Крона просто прирезали бы в темном переулке, а мы все вчетвером попали бы в Ракушки, а оттуда выход один — на тот свет в зашитом мешке.

Ладно. Теперь мы в семье и, если не будем зевать, обломаются супостаты.

Главное — не дать себя узнать на пирсе. Но это уже дело техники. И еще — я правда верю, что ряды торговков дешевым фастфудом для бедных — последнее место, где меня станут искать.

Поспать удалось в лучшем случае около часа. А потом — хочешь не хочешь, королевства там у тебя или герцоги стаями — никого не волнует. Работа.

Как ни странно, умывание ледяной водой меня вполне взбодрило. Девиц тоже разбудили без труда, они-то всю ночь спали. Янь в приказном порядке был «привязан» к тележке с печкой и назначен на сегодня истопником и старшим по дровам. Крон еще до рассвета сходил поговорил с его «артелью», усадил третьего лишнего в Янево корыто, и парни вполне удачно порыбачили — натащили кучу осьминогов и были посажены в нашем же домике их чистить. Я решила, что лучше заплатить им, не скупясь, чем не спать еще одну ночь или остаться без товара в самый разгар праздника.

— Ты чего это сегодня так вырядилась? — первым делом спросила меня Ума, когда мы уже расположились на своем месте и первые посетители потянулись на вкусный запах.

— Сгорела, кажется, вчера. — Я поправила куда более широкий, чем обычно, белый шарф, повязанный поверх шляпки, и осторожно коснулась щеки, на которой был толстый слой бронзовой пудры. —

Нос как морковка, и кожа на щеках шелушиться начала. Нужно от солнца лучше прятаться.

— А, — кивнула булочница. И непонятно было, вроде бы и поверила, а вроде — и не угадаешь. Очень себе на уме женщина. — Простоквашей умывайся, а лучше — сывороткой, я тебе завтра принесу, от теста остается. И вуальку по-другому повяжи, так ты на больную похожа, а не на торговку. Дай-ка покажу. И другим сестрам надо сказать, что солнце уже злое стало, раз подгорать начали.

Она по-новому закрепила мне шляпку и действительно весьма элегантно заколола «вуальку» из шарфа, используя рисовые соломинки в качестве шпилек. Теперь у меня и лицо и грудь были прикрыты, и обзору ничего не мешало, а все вместе это выглядело даже кокетливо и не без своеобразного шика.

Полезное умение.

А самое главное — разглядеть меня под этим сооружением еще надо было постараться. Даже если вдруг мне смертельно не повезет и кто-то из миньонов окажется в двух шагах — все равно не узнает.

Глава 30

Уж не знаю, на кого и через какое плечо принято плевать в этом мире — некогда было выяснять, — а оставшиеся два дня праздников прошли хорошо, плодотворно и денежно. И без всякой нервотрепки в виде внезапно прорезавшегося прошлого.

— Ты нам удачу принесла, сестренка. — Довольная, как слон, которому дали вагон апельсинов, Фрида подсчитывала выручку. За три дня продано все пиво, которое готовилось к празднику, и еще пришлось подторговывать к вечеру наскоро сваренным из ягод морсом. Выручка перекрыла месячную.

Как и у нас, собственно. Не зря все торговки на пирсах так ждут середину лета. Следующий такой же веселый праздник будет только ближе к концу первой осенней луны, и там веселье длится всего один день. Тоже неплохой заработок, но с серединой лета не сравнится!

— Две лесины хорошие — это серебрушка, — на ходу рассуждал Крон, за пазуху которому и ушла вся наша сегодняшняя казна. — На кое-как палки крышу не уложить. Не мельтеши, — это он Яню, прыгавшему вокруг с чириканьем про новую лодку. — До лодки не доросли еще. А на пару корытец ваших как раз обрезков хватит, если хорошие лесины брать, северные. Я разузнал тут, со склада можно купить, мимо лавки. Дешевле станет почти на десять медяков с лесины. Без крыши не перезимуем — все тепло от печки напрямиком в небеса и улетит, пока мы внизу околеем.

— А до дома как ты их дотащишь? — возразила я. — В лавке есть телега.

— Сосед за два медяка и помощь с новым крыльцом одолжит свою. — Оказывается, братец все предусмотрел. — Все выгода. Нам еще ребятишек на зиму обшивать... Сестра, ты умеешь шить?

— Не пробовала, может, и умею, — хмыкнула я, вызвав у детей хихиканье, а у хозяйственного Крона — горький вздох.

— Я тут поужинавал — так эти швеи свои руки ценят, как из золота они. Мыслимое ли дело — двадцать пять медяков за пошив одних штанов?! А за платье и того больше хотят. Так я глянул работу ихнюю

— еще и халтура. Один подворот на штанине — куда это годится? Босяки ж растут что твоя сорная трава, через два месяца тот подворот выпустим, а дальше что? Новые штаны справлять? Денег не напасешься! Опять же, сапоги на зиму надо... но это я умею. Стачаю. Только кожа нужна и дратва. Инструмент какой-никакой у вдовы Мирер одолжу — заодно ее обувь поправлю, она не в накладе останется... но кожа на рынке дорого стоит.

— Не дороже денег, — пожалала я плечами. Мои собственные сапоги тоже просили каши после долгого весеннего вояжа через крестьянские поля, поэтому я была очень рада, что в Картахелии принято носить простейшие сандалии на плоской подошве. Крон мне их соорудил еще до переезда к Яню.

Большинство народа на нашей окраине вообще босиком шлепали, но этот экстрим оказался мне не по силам. К тому же если сандалии на пирсе еще так-сяк укладывались в летний «дресс-код», то босоногие торговки в семье считались недопустимыми. Вышла в люди торговать из-под приличной юбки приличной мамки? Изволь соответствовать.

Так вот, оказывается, Крон не только может мои сапоги к осени починить, но еще и мелким сшить обувь. С ума сойти, не мужик — сокровище.

И то, как он с детьми возится... Как-то я невзначай спросила, откуда такая сноровка, так Крон, повздыхав, рассказал, что был старшим в большой семье, пока от какой-то неведомой хвори не вымерла почти вся деревня, с тех пор при овдовевшем в той же эпидемии пьянице-дядьке жил, с ним и сам пить пристрастился. Потом поссорился из-за пустяка с новой женой дядькиной и ушел в город лучшей доли искать.

Оказалось — не там искал. Надо было не во дворец, надо было туда, где детишки... и хозяйство свое.

В который раз подумалось — никогда не угадаешь, какой из пинков судьбы отправит тебя в верном направлении. Чего хорошего — спекла мужику мозги клятвой? А вот... оказалось, не столько спекла, сколько лишнее выжгла.

— Купим полотно и с шитьем как-нибудь сами разберемся, — решила я. — Не боги горшки обжигают. Распорем старые Яневы одежки и по ним выкроим с хорошим припуском. А уж сшить — думаю, это у нас получится.

В целом и правда должно быть несложно — тут пока до вычурного кроя в повседневной ребячьей одежде никто не додумался, все вещи шьются на вырост, мешковатые и свободные, без разных там вытачек и прочих изысков. С платьями будет посложнее, но и тут были бы мозги и руки тем местом вставлены.

— Эй! — возмутился обсуждаемый субъект. — Еще чего, мои штаны резать! А в чем я ходить тогда буду, голый?!

— Денек дома посидишь, дел я тебе найду. — Тяжелая рука обрадованного найденным выходом Крона опустилась на мальчишеское плечо весомо и надежно, отрезая все возражения. — Девицам твоим тоже платьишки нужны на зиму теплые, да плащи еще, да обувка. А ежели у швеи все шить — и на работу сестре одежду, и тебе для улицы, — да крышу крыть, да корм Королю с Королевой на зиму, да припасы для нас самих, да дрова — мы столько не зарабатываем. Понял?

— Понял, — угрюмо, но покорно шмыгнул носом Янь. — Платьишки надо... и припасы.

Майю, как всегда, молчала, слушая эти обсуждения, Сиона так просто уснула на руках у Крона. Мы уже почти добрались до дома, знакомый плетень мелькнул в конце улицы, цепляясь острыми колышками за закатные тучи, когда старшая из сестриц робко подергала меня за рукав.

— М-м? — У меня все мысли были о том, что сейчас упаду и усну, а завтра вообще выходной — порт после праздника закрыт на «санитарный день», праздных гуляк туда не пустят, а матросы все равно отсыпаются на кораблях после большой пьянки.

— Я умею немножко шить... только у меня иголки нет, — почти шепотом, как обычно, призналось дите, пряча взгляд. — И ниток... но я немножко умею, меня в ту зиму тетя Ванди брала в помощницы, только потом запила, простыла и померла... но я на дрова и на одно одеяло заработала. Только кроить не умею, тетя Ванди не успела научить, а шов могу...

— Ты умница, — устало улыбнулась я. В который раз подумалось: слышать такое от семилетнего ребенка — убиться. И разделить ее похвастушки на десять — чего она там нашьет? А вот нет... здесь и сейчас эта маленькая девочка не выжила бы, если бы только хвасталась. И никто не стал бы платить ей из милости дровами и

одеялами, если бы она не способна была их заработать. — Значит, будешь у нас главной. А мы у тебя на подхвате.

Калитка приветливо скрипнула, я уже успела привыкнуть к этому звуку, и он казался мне уютным, утром вливал в тело бодрость нового рабочего дня — обещал любимое дело и удовлетворение от выручки, вечером устало приветствовал и манил в дом, отдохнуть, расслабиться.

Но сегодня с отдыхом не склеилось так, как я рассчитывала.

Дома нас ждал сюрприз.

Глава 31

— Вот я только козы роды еще не принимала. — Мой недовольный шепот улетал в ночное небо и терялся среди звезд. Наверное, потому, что только звездам и было дело до того, что я третьи сутки нормально не высыпаюсь.

Остальным мое недовольство до лампочки — они и сами в не лучшем положении. Чертова коза наконец решила разродиться, да не одним и не двумя, а аж тремя козлятами. И весь этот веселый зоопарк внутри нее забыл взять талончики с номерами и потому устремился на выход сразу всем стадом. Естественно, застрял. И не просто так, а перепутавшись в единый мокрый шар со множеством ножек, носов и хвостиков — брюквы лысой определишь, где чьи и за какие тянуть, чтобы вызволить по одному.

Естественно, несчастная мамаша такому исходу не обрадовалась и верещала во все козлячье горло. Ее Король, впечатленный женским родовым вокалом, метался с той стороны забора и тоже орал как демон, которому естество прищемили. И бодал плетень, да так, что вкопанные в землю столбы кряхтели и шатались.

Прелести ночному концерту добавляла Сиона, которая неожиданно разревелась от страха и усталости — хорошо поставленным басом. Дите подвывало живности, почти не сбиваясь с тона и удивительно верно попадая в ноты.

— Сестра, у тебя рука маленькая, я буду подсказывать, а ты помогай. — Один Крон не терял присутствия духа и, хотя выглядел слегка востропанным, уверенно руководил всеми нами: ревущую Сиону вручил Майю, слегка позеленевшего Яня поставил над козой с двумя нашими лампадами, притащил ведро горячей воды и мыльный корень. — Моей шершавой лопатой в таком нежном месте только навредить... ты справишься.

Етить твою брюкву, всю жизнь мечтала оказаться у козы в «нежном месте»! А что делать? Что, что... вспоминать любимого писателя из детства и пытаться по его примеру проследить мокрую шерстистую ногу до плеча, играя в занимательный пазл «собери

вместе голову и передние копыта так, чтобы они принадлежали одному козленку». Та-ак... ага. Первый пошел! Его тянем, а остальных аккуратно отжимаем в обратную сторону. Знаете что? Пожалуй, я больше не хочу молока...

К счастью и к утру все закончилось. И закончилось хорошо: козлята выбрались из затруднительного положения живые, я отмылась от липкого, скользкого и прочего с помощью ведра горячей воды и такой-то матери, Крон разогнал детей спать и впихнул в меня что-то похожее на переваренную овсянку — силой пихал, я от усталости еле рот открывала и глотала с трудом. Зато когда желудок наполнился приятной тяжестью — уснула почти мгновенно, хотя по опыту прежней жизни ожидала, что физическое, а главное, нервное переутомление может вылезти самым противным вариантом бессонницы. Это когда ты буквально умираешь от желания уснуть и не можешь этого сделать.

Фиг там. Упала и отрубилась. Только успела подумать, что на троих козлят мы сена не запасли и двоих надо того... к зиме перевести в консервы. И хорошо, что Крон сделал такой крепкий плетень, Король его расшатал, но победить так и не смог...

Едва мои глаза закрылись, хозяйственные и в целом спокойные мысли разлетелись в стороны, как птичья стая, которую спугнул кот. Хороший такой кот... с платиново-золотистой шевелюрой, широченными плечами и зелеными глазами моего внезапного сумасшествия.

Во сне были горячие руки, которые обнимали так крепко и так правильно, и пахло перечными пряниками, шоколадом и еще чем-то остро-горьким, манящим и забирающим разум.

Во сне меня целовали, и я растворялась в этих поцелуях, требовательно покусывая мягкие губы зеленоглазого несчастья, словно наказывая его за что-то, словно требуя — непонятно чего, но большего.

Это было одновременно мучительно и так сладко, что, когда сон начал растворяться, становясь все прозрачнее, и сквозь него стал проступать решетчатый потолок из старой дранки, я застонала то ли от разочарования, то ли от облегчения.

И резко села в постели.

Приехали.

Только эротических кошмаров с участием повзрослевшего первого миньона мне не хватало для полного счастья.

Или не кошмаров? Или наоборот? Я себя чувствую после этого сна... да отлично я себя чувствую. Словно проспала как минимум неделю и великолепно отдохнула.

Солнце чертило теплые мутные квадратики на земляном полу, заглядывая в мелкое окошко с частым переплетом. Стекол мы, конечно, себе позволить не могли, поэтому в раме была натянута промасленная бумага, неплохо, кстати, пропускающая свет и устойчивая к ветру и сырости. Я вообще заметила, что этот мир — в чем-то довольно неплохой микс из знакомых мне земных культур, а в чем-то вообще своим путем пошел, и далеко не самым плохим. Например, тут успешно сочетали элементы классического западного средневековья с заметными удобствами востока. Те же жаровни, дешевая бумага, некоторые варианты гигиены и устройства южного города. Оставалось только радоваться.

Эх, еще бы беспокойные мысли из головы выгнать. Теперь, когда усталость, туманившая мозги не хуже крепкого вина, прошла, думалось на эту тему гораздо лучше и трезвее. Только вот от такой трезвости одни огорчения.

Страшно мне. Потому что я запуталась, особенно после таких снов. Всего на секунду мелькнула мысль о том, что хочу снова увидеть Лиу. Мелькнула и пропала, ее спугнули гораздо более насущные проблемы, которые подгонял кнутом здравый смысл.

Какие еще встречи, о чем я?! Не надо! Живет себе парень, судя по тому, как одет, как попрос, как держится и откликается на «сиятельство» — все у него просто зашибись. И остальных мальчишек наверняка он за собой вытянул, раз Цанти похож на юного дворянина из хорошей семьи, жив-здоров и весел.

Вот и пусть живут безмятежно. Без меня.

А я... засуну свои эротические сны поглубже и буду работать до умопомрачения — всегда помогало от личной жизни. И сейчас поможет. А зеленые глаза... постараюсь забыть.

Потому что все иное — слишком опасно. И не только для меня, прежде всего — для самого Лиу.

Главное, чтобы уехали вслед за купеческими караванами, которые уже сегодня ночью начали покидать Картахелию. Пусть ищут там

подходящую девушку, пусть не найдут. А я...

А мне тоже надо как-то жить. И думать над тем, что портовый город — не навсегда. Рано или поздно отсюда тоже придется уходить. Хорошо, если не бежать.

Значит, надо готовиться и очень хорошо все просчитать. И приготовить несколько путей отступления, да таких, чтобы всех с собой увести, или пристроить в безопасность, или...

Короче, все сложно.

— Проснулась? — В комнату вошел Крон, свежесбрированный и отвратительно бодрый, словно и не пахал со мной наравне все эти дни, а потом еще остался возиться с козьим приплодом, когда я уже уползла спать. — Я тут это... посчитал все с утра хорошо, по кучкам разложил. Окончательно вместе надо деньги распределять. Только я уже потратился маленько. — Он смущенно вздохнул.

— На что? — У меня и тени сомнения не было, что наш «домохозяин» опять совершил выгодную и нужную покупку: с тех пор как клятва выжарила из его мозгов алкоголь, других трат за ним не водилось.

— Дык это... пошел я, значит, поутру по соседям. Узнать, где лавка с сукном покрепче и подешевле. Ну и...

Глава 32

— Мне уже интересно, — вздохнула я, потягиваясь. — За завтраком расскажешь. Мелкие где? Козлят тискают? А, ну пускай... слушай, у меня вопрос к тебе.

Вообще-то, его давным-давно надо было задать, еще когда я впервые увидела, насколько повзрослели миньоны. Но было столько беготни, а потом работы, а потом усталости... а потом козлят, что я забыла. — Какой год был, когда мы с тобой сбежали из замка?

— Так это, гос... — растерялся Крон. — То есть сестра... не знаю я. Кто ж те года в деревне считает? То есть считают, но в каждой же по-своему. Всегда люди помнят, сколько лет назад у кривого Ворда корова на пастбище в кротовую нору провалилась и ногу сломала. Или в каком году неурожай случился. От тех вещей и счет ведут. А по-городскому-то я не спрашивал, как в замок пришел, мне не надо было.

— М-де, — вздохнула я. — Ладно, не бери в голову. Что ты там опять прикупил полезного?

— Умывайся, я кашу разогрею. — Потоптавшись на пороге, Крон развернулся и пошел к печке. — Позавтракаем и покажу.

Я кивнула, накинула на плечи кусок полотна, заменявшего нам полотенце, и отправилась на задний двор к умывальнику. Идею дачного удобства с клапаном-пимпочкой я подсказала братцу почти сразу после переезда, чем привела его в восторг. Оказывается, то, что я видела в кабинете Раймона, — это роскошь для аристократов, простые люди довольствовались тазиками и кувшинами.

Мой рисунок Крон воплотил в реальность с помощью керамического горшка с дыркой в доньшке и собственноручно отлитого оловянного штырька-клапана. Вот так запросто — вырезал из дерева модельку, вдавил ее в ящик с чуть влажным мелким песком, полученную форму заполнил расплавленными в печке обломками ложек и каких-то подсвечников, доработал напильником, и вуаля. Самообслуживание в деле гигиены.

Дети по первости даже умываться стали охотнее, так им понравился аттракцион. А я задумалась о том, что такую штуку можно

и продать. Правда, Крон, почесав в затылке, сказал, что если конструкцию не записать в королевский список как свою, то ее быстренько украдут. У настоящих ремесленников гораздо больше возможностей, чтобы сделать умывальник как следует, а не на коленке из горшка и палочек.

В общем, идею отложили на будущее. Тем более что у аристократов такое уже есть. Или только у Раймона? Не помню, кажется, он говорил что-то про иноземный подарок... Ладно. Не к спеху. Потом, возможно, сделаем чертеж и попробуем поторговать именно им... если найдем подходящего ремесленника, который купит.

Вернувшись в дом, я увидела, что Крон все еще колдует у печки, и, пока каша подогревалась, прошла опять в заднюю комнату к своей кровати. Путаница со временем все не давала покоя.

Вытащила из-под соломенного матраса прабабушкин дневник и в который раз попыталась открыть его. Бесполезно. Странная золотисто-стеклянная масса, немного похожая на янтарь, и не думала поддаваться.

Я поколупала краешек обложки ногтем и задумалась: что же произошло за время нашего сна такого, что словно... Точно, вспомнила! Кажется, прабабушка вскользь упоминала, что будет расходовать свою магию на ритуал, а потом копить ее в «нигде» те самые три года. Чтобы снова стать живым дневником. А до этого времени она останется в таком виде, чтобы ее нельзя было повредить — видимо, вот в этом стеклянном состоянии. Его вон даже нож не берет.

Не накопила магию? Или... потратила больше, чем рассчитывала? Или за время нашего отсутствия с моими миньонами случилось что-то... Так, погоди. Связь у меня с ними вроде как все равно оставалась, хотя и «закрытая» — только с моей стороны. Если с мальчишками случилось нечто опасное, могли они вытянуть из меня, а через меня и из дневника магию? И если да, могло это повлиять на то, сколько лет я провела в «нигде»? Это объяснило бы, почему они старше, чем должны быть.

Уф-ф-ф, теория интересная, но проверить ее я никак не могу. И что с ней делать — не знаю. То есть, я, конечно, пораспрашиваю народ — даже не зная, в каком году я пропала, можно что-то выяснить.

Хотя бы то, как давно у власти наши герцоги и куда они дели принцессу. Хех...

Вдобавок собственные странные мысли и чувства внушают тревогу: с каких это пор я стала по молоденьким мальчикам? Ну и что, что он теперь выглядит как мечта «плейгерлз» и вообще ни разу не похож на подростка. Для меня он все равно...

ТЬфу.

Нет, больше я не могу воспринимать его как ребенка. Это самое ужасное. Так, ЮЮ. Ну-ка, ноги в руки и идем кашу есть. А потом у нас остаток редкого выходного, за который нужно переделать кучу дел. Вот и займись, нечего тут о мальчиках думать, старая ты калоша-извращенка.

Я встала и пошла. Кашу есть.

Вместе с кашей, слава всем брюквам, Крон принес мне новые проблемы, так что отвлечься очень даже получилось.

Ну как проблемы — на самом деле это был большой кусок... чего-то. Тряпки. Да, больше всего этот материал был похож на половую тряпку — такую, которую продавали на земных оптовках большими рулонами. Мягкая ткань с редким плетением — толстые, словно не свитые как следует волокна чего-то похожего то ли на вату, то ли на шерсть переплетены с другими нитками, тонкими. И все это богатство серо-пестро-непонятного цвета.

— В нее тинцы свой фарфор обертывают, — рассказывал Крон, то и дело смущенно почесывая в затылке. — У соседки нашей, той, что в сторону порта через три дома, муж работает грузчиком в большой посудной лавке. Притаскивает эти тряпки домой задаром понемногу — много-то зачем? Ни штаны не пошить, ни платье, уж больно странно выглядит. Неровная вон какая. Говорят, рвется легко. Да и цвет... но, говорят, теплая. И на ощупь мягкая. Я взял на одеяло, на одно, и еще чуть-чуть кусками поменьше. Заплатил самую ерунду, они и этому рады — мужик там попивает, а ребятишек полна хибара. Попробовать надо. И подумать — может, еще куда приспособить получится? Как думаешь?

Я помяла тряпку в руках. Приятная на ощупь... да, не особо прочная и вида не имеет, нормальной уличной одежды из нее не сшить. Толще той половой тряпки, которую я вспомнила. Немного похожа на ватин из старого-престарого бабушкиного пальто... О!

Разом всплыла в голове и бабушка, упрямо брыкавшаяся на каждую попытку обрядить ее в новомодный пуховик, пока проверенное пальто цело, и рассказ одной из моих стажерок, смугловатой веселой Гулисань. Она со смехом поведала как-то, что в девяностые в их горной деревушке стало совсем туго с деньгами, газом, электричеством и прочими прелестями цивилизации. Благо при натуральном хозяйстве хоть с едой недостатка не случилось. Так вот мама Гулисань в обмен на молоко с двух коров притащила с рынка рулон именно такой половой тряпки и нашла всем домочадцам что-то больше напоминающее помесь комбинезона с пижамой. Дома и во дворе по хозяйству ходить и спать. Перезимовали, по рассказам стажерки, сносно, никто из детей и стариков даже не заболел, несмотря на то что снег лежал почти до апреля.

— Иди купи еще пару таких же полотнищ, — велела я. — Как раз на них потренируемся кроить, прежде чем за хорошую ткань браться. Немного я умею, вот и будет случай руку набить. Что получится — дома будем носить, зимой теплее не придумаешь. А еще наверняка портянки будут неплохие... ну и как нижняя одежда под нормальное платье или штаны с курткой тоже пойдет в холода!

Глава 33

— Ну что?

— Ничего, — зло мотнул головой Силье. — наших на воротах я расставил в ту же ночь, когда еще ни один торговец и не думал покинуть город. Исход начался сразу после полуночи третьего дня праздников, самые расторопные поспешили уехать, пока на дорогах не началась давка. Но среди них не было семьи блондинов с маленькими детьми. Приметы с твоего описания я выдал каждому из наших парней, а Цанти поставил на самый ответственный пост. И велел заглянуть во все повозки, даже если им скажут, что вывозят бочку золотаря.

— Причину такого внимания к северным купцам придумал?

— Да, не подкопаешься. Я помню, знаешь ли, — передернул плечами Силье, — как вы с герцогом Юля делили. Мне повторения не надо. Если эта девица вам с рыжим не почудилась, мы ее найдем. Причем так, чтобы их светлости ни о чем не догадались. Хотя, конечно, вряд ли Раймон решит отбивать у тебя какую-то купчиху с детьми, но лучше не рисковать.

— Она меня узнала, Силье, — сказал вдруг Лиу, поднимая наконец усталый взгляд от списка северных купцов, которые заплатили пошлину за право торговать в Картахелии на празднике середины лета. — Понимаешь? Я вспоминал всю встречу по секундам, и я уверен: она меня узнала. И испугалась. Понимаешь, что это значит?

— Ни демона не понимаю, — сжал зубы брат. — Тебе могло показаться. Найдем девку — спросишь у нее сам, что она там узнала и чего испугалась. А раньше не смей придумывать себе безумных теорий!

— Я не придумываю. — Зеленые глаза снова опустились, заскользили по строчкам. — Цанти вспомнил, как она представилась ему в первую встречу. Лия Броун.

— Могла и соврать, — передернул плечами Силье. — Я уже ничему не удивлюсь.

— Могла... хотя непонятно, зачем ей было врать в тот раз.

— Фамилии Броун не было в списках, это я тебе точно могу сказать. И я склонен думать, что солгала она именно во второй раз. Про купеческие обозы, — довольно зло проворчал Силье.

Лиу с силой потер пальцами переносицу и на мгновение прикрыл покрасневшие от усталости веки. И вдруг уронил голову на скрещенные руки, глухо застонав.

Силье выругался вслух, вспомнив все самые грязные словечки, какие только слышал.

— Чтоб вас демоны драли... обоих! Иди спать, я сказал! Сколько можно?! Сколько можно с ума сходить?! Да что такое было в этом мальчишке?!

— Иди и ты отдохни. — Лиу быстро оторвал голову от столешницы и передернул плечами. — Спасибо за помощь. Дальше я сам.

Силье зло зашипел и вдруг резко, быстро, но не сильно нажал брату сразу на несколько точек между плечом и шеей, отчего Лиу почти мгновенно обмяк, успев лишь коротко рыкнуть что-то сердитое.

— Не будешь спать добровольно, — пропыхтел злонамеренный близнец, подхватывая бесчувственное тело на руки и перенося его на кровать, — будешь спать принудительно! Ненормальный... Клянусь, я сам найду эту девку, надо будет — прибью ее мужа и женю тебя насильно! Закрою в спальне и не выпущу, пока... Никакой жизни же!

Сам он вернулся к столу и задумчиво постучал пальцами по спискам. Потом жестко усмехнулся и убрал документы в ящик стола.

— Нюхом чую, какая-то засада. Поспи-ка подольше, братец, мне надо кое-что разузнать...

И мысленно добавил: «У не совсем законопослушных людей. Ты у нас такие связи не одобряешь, но без них никак. Главное, в узде держать эту шушеру и с торговцами «сладким мясом» не связываться».

Силье передернуло от воспоминания: они с братом узнали, что «сладкое мясо» на языке подонков — это женщины и дети, проданные в Ракушки и дальше далеко не при самых приятных обстоятельствах.

Этих последних, торговцев людьми, братья с тех пор ненавидели всей душой и собирались искоренить в подвластном им городе, насколько это возможно. Ни один из близнецов наивным романтиком или идеалистом не был, они прекрасно понимали, что полностью эту клоаку не вычистить. Но вот жестко ограничить — вполне возможно.

Даже несмотря на то, что опасно. Опаснее орд нечисти из-под горы — тут никакое солнце, зажженное в небе, не спасет от удара отравленным кинжалом в спину.

Еще через сутки, когда Лиу наконец проснулся, Силье встретил его прожигающий взгляд, сидя рядом на кровати и деловито, спокойно улыбаясь.

— Отдохнул? Голова прояснилась немного? Тогда пей свою горелую гадость, — он чуть пихнул в сторону брата бронзовый поднос с чашкой бодрящего напитка из тех самых бобов, — и слушай. Не знаю зачем, но эта девка соврала про постоянный двор и отъезд на север. Среди купеческих семей, покинувших город, ее и этих троих детей совершенно точно не было.

— Значит, она здесь, — коротко кивнул Лиу. Долгий сон действительно пошел ему на пользу, молодой мужчина уже не выглядел настолько одержимым, в глазах светилось ясное холодное сознание.

— Может, здесь, может, ушла на корабле, может, вообще померещилась вам, олухам, — ехидно парировал Силье. — Ладно, шутки в сторону. Искать будем, но отныне — тихо. Потому что если ты сейчас вместо своих прямых обязанностей и наших планов займешься тем, что будешь бегать по городу, как ишак с наперченной задницей, и миньонов за собой таскать, ты раньше неприятностей нам всем найдешь, чем свою девицу. Доносы в столицу уходят регулярно. Я и так замучился придумывать оправдания для всего этого переполоха на празднике. Все. Берись за ум. Пять лет жил как-то? Еще проживешь.

— Ты прав, — после долгой-долгой паузы сказал Лиу, на секунду прикрыв глаза и размяв шею. — Отставить куриные метания. Будем действовать методично и по плану. Обсудим после утренних отчетов. Что там с уборкой после праздника в порту?

— О, ну наконец-то мне вернули моего невыносимого брата-зануду! — неподдельно обрадовался Силье. — Вот не поверишь, но я рад ему! Он, оказывается, не самый худший вариант тебя. По сравнению с ишаком!

— Захлопнись, — беззлобно усмехнулся Лиу. — Все, работаем.

Силье кивнул и какое-то время сосредоточенно докладывал брату о самых срочных делах, о состоянии пирса и причалов после праздника, о том, что этим летом неожиданно много налогов собрали с

уличных торговек едой, ну и о других скучных, хотя и нужных подробностях. Подсовывал бумаги, какие-то из них они вместе просматривали, вытаскивали чертежи и планы, спорили до хрипоты.

Ближе к полудню, когда самые срочные проблемы потихоньку разгреблись, а Силье был уже не против выпить горькой гадости, чтобы взбодриться перед следующим рывком — нужно было ехать в городскую канцелярию и вытрясать оттуда архив за последние десять лет, — он вдруг улучил момент и уронил поверх своей уже опустевшей чашки бодрящего:

— Кстати. Я с утра не сказал, чтобы рабочее настроение не сбивать. Но один из писцов в нижней канцелярии утверждает, что где-то слышал или видел это имя: Лия Броун. Причем не так давно. Вот только в упор не помнит где, то ли на службе, то ли на рынке, то ли вообще оно ему приснилось.

— Убью, зараза. — Лиу поставил свою кружку на стол и так посмотрел на брата, что тот поспешил загородиться блюдцем.

— Не убьешь. Радуйся лучше, что тот писец занимался не гостями города, а местными всякими делишками — мелкие торговые лицензии, регистрация собственности, записи о наследстве. Наверняка эта красотка мелькала в его бумагах, просто он не помнит, в каких именно. Она точно где-то здесь. И мы ее найдем.

— Проверь... списки трактирщиков, — медленно проговорил Лиу. — Включая те, что хозяева подают на работников, испрашивая королевскую звезду на кормление стражи и прочих служащих королю. И...

— Да понял, понял. Не дурак. Будем шерстить всех поваров и поварят аж до последней портовой забегаловки.

Глава 34

Осень приходит в южный город по ночам, украдкой. Пробирается сквозь узкие переулки на влажных лапах, дышит в окна прохладным будущим и смеется медленно падающими вдоль белых стволов разлапистыми листьями платанов. Поскрипывает флюгерами на крыше, щурится на рассвет и прячется в глубоких тенях до следующего вечера.

Днем на улицах все так же жарко и пыльно, осень отсыпается, давая солнцу разгуляться напоследок, прежде чем придет его черед отдыхать под мягким одеялом сизых мокрых туч.

Море на рассвете, когда мы с девчонками бегаем купаться перед работой в «нашу» секретную бухточку, теплое, как парное молоко козы с королевским именем. Оно даже теплее, чем летом. И от этой последней ласки как-то особенно сладко и тревожно замирает сердце.

Осень — стеклянная, она звенит, как потерявшийся в ночи одинокий комар. Не дает расслабиться и забыться, смежить веки в сладком успокоении — ужалит до крови.

— Ну что, до праздника осеннего равноденствия всего пять дней, — сказала Ума, промокая пот со лба кружевным платочком. — Опять готовить втрое против обычного, м-м? Или устала звенеть на весь пирс, собирая покупателей? Что-то ты в последние несколько дней тихая.

Я только улыбнулась в шарф. Первое время после встречи с Лиу я куталась в него так, что снаружи оставались одни глаза. Понятно, что в таком виде много не поорешь. Потом, несколько недель спустя, моя тревога чуть ослабла — было время подумать и прикинуть так и эдак.

Найти одну торговку среди сотен на пирсах, в огромном портовом городе, куда каждый день приезжает и приплывает прорва всякого народа, где жизнь кипит и взрывается событиями каждый день, где существуют Ракушки, способные поглотить или выплюнуть — на выбор — почти все, что угодно... найти в этом стоге сена меня-иголку почти невозможно. Это самое «почти» относится к разряду крайнего

невезения, но с ним все равно бороться бесполезно: если настигнет, то и бегство не спасет.

Поэтому мы всю вторую половину лета работали, чинили крышу, периодически раздевали Яня, чтобы в очередной раз распороть его многострадальные штаны и с какой-то там по счету попытки выкроить из половой тряпки более-менее приемлемый образец, прежде чем тратить дорогую ткань. А то ведь одно дело — кое-как штаны из дерюги, какие я себе мастерила еще в замке перед побегом из спальни принцессы, мне все равно довольно скоро на смену нормальную одежду выдали. И совсем другое — хорошая одежда для ребенка. Тут лучше перебдеть и потренироваться.

Янь ругался страшно, но послушно. И носил тряпочные рейтузы — в одних он теперь спал, так как ночи стали прохладнее, другие, подумав и подвернув выше колен, стал надевать на рыбалку.

Третьи мы ему уже нормальные сшили. Из темно-серого сукна. С тремя загибами внизу и на поясе, с хорошим припуском в швах — на вырост.

Надо ли говорить, что чудными — от слова «чудики» — платьицами а-ля «Золушка надела половую тряпку» обзавелись и мы с мелкими. Аж по две модели каждой, ничем не хуже Яня, который в придачу к штанам в конце концов, естественно, получил и рубашку.

Как раз сейчас Майю под присмотром Крона сидела дома и творила нормальный наряд для клопышки. Мы решили — ну, испортит кусок полотна, так самый маленький. Сиона в обнимку с козленком сидела на полу перед сестрой и благоговейно ждала момента примерить обновку.

А мне на пирсе приходилось жонглировать дровами и осьминогами самостоятельно.

С нашей подачи вся улица уже обзавелась одеялами из этой странной дерюжки. Крон выкупил у соседки все, что у нее было, и пьющий муженек этой чудной женщины тут же натащил нового. Рекламная кампания «а для чего вам эта рванина, уважаемый сосед?» сработала на пять.

На некоторых самых мелких представителях местного населения я уже и одежки такие видела — родители здраво рассудили, что все равно извозюкают и порвут, так хоть не жалко. Но вот использовать

обертку для посуды в качестве теплого нижнего белья пока никто не додумался, что и неудивительно — холода еще не настали.

За мелкими, но постоянными делами и заботами тревоги постепенно отступили куда-то далеко, и по ночам меня беспокоили вовсе не страшные сны о том, как меня найдут. Нет, те сны, которых я боялась, они были совсем о другом.

И у них всегда были зеленые глаза.

Уф-ф-ф!

— Уснула, что ли? — толкнула меня локтем в бок подобравшаяся Фрида. — Хей, сестренка, не спи. До конца работы еще далеко, солнце даже за мачты не зацепилось еще!

Я ей улыбнулась и повела плечами, покрутила головой, разминая шею. Стала закладывать в жаровню новую порцию вкусностей — теперь у нас, кроме кальмаров, можно было прикупить и некоторые другие морепродукты. Я наконец сообразила, как и в чем замариновать здешних странных обитателей, похожих на торчащие из дна бугристые сосиски с глазами. Вышло очень неплохо. Особенно с приправой из кое-каких водорослей в остром соусе. Да плюс еще пара моллюсков из тех, что обычно никому не нужны и идут в пищу самым последним беднякам и свиньям, оказались неплохи, если к ним приложить мозги, кулинарную чуйку да плюс кое-какие знания о земной китайской кухне.

Короче говоря, ассортимент потихоньку разрастался, и я перестала бояться, что мы рано или поздно сожрем всех осьминогов на ближайших рифах.

Денег стало больше. Сегодня вот — полдня прошло, а выручка уже больше, чем в первые дни на одних руконогих, а ведь тогда это была горячая новинка.

Настроение постепенно поползло вверх. Еще летом я загадала: если до осеннего равноденствия мое прошлое не напомнит о себе, значит, можно жить спокойно до весны. А там посмотрим.

В любом случае нечего хандрить и отлынивать! Фрида права: работать надо. У меня еще моллюски недостаточно разрекламированы, вот прямо сейчас подложу парочку как бонус в лепешку этому высокому моряку, судя по одежде — шкиперу с какого-то восточного судна. Распробует — еще захочет.

Шкипер угощение оценил. Настолько, что даже вздумал немного и достаточно невинно пофлиртовать — такое тут частенько случалось и разбавляло унылую рутину. Я давно научилась поддерживать игру и получать от нее удовольствие.

— Ну что вы, господин капитан, — это тоже одно из условий игры — всегда преувеличивать значимость собеседника. — Я девушка молодая, мне еще рано замуж выходить, — это был ответ на его шутовское предложение прогуляться по причалу, оставив скучную работу.

— Неужели принца ждешь, прекрасная госпожа? — вполне следуя правилам здешнего незамысловатого этикета, засмеялся шкипер.

— Пф-ф-ф, господин, вы тех принцев видели? — Новая порция «морских пальцев» весело шкворчала на жаровне, а я одарила покупателя, чей веселый смех привлек внимание еще нескольких прохожих, милой улыбкой. — На что порядочной женщине принц?

— Действительно, — сказали вдруг откуда-то со стороны. — Зачем же он нужен?

Глава 35

Я обернулась на голос и едва удержалась, чтобы не присвистнуть. Ух ты! Я что-то пропустила или в этом мире внезапно открылся портал, откуда выпадают китайские кинозвезды? Ну те, что играют в исторических дорамах-сказках, в которых местное население летает с ветки на ветку, как воробушки, без всяких крылышек?

Только через пару секунд я наконец сообразила, что это всего лишь капитан с тинского корабля, пришвартованного совсем недалеко от нашей печки. И его помощники.

А говорит без акцента, совсем не похоже на мягкое щебетание выходцев из империи Тин.

Честно говоря, я бы не особенно им заинтересовалась — ну тинец и тинец, в красивом многослойном национальном халатике. Красивый, как кукла с Алиэкспресса. И что? У меня вон морские пальцы уже с одного боку подрумянились, пора переворачивать.

Но, уже расправляясь с новой порцией морского фастфуда, я вдруг вспомнила, что местная география устроена так затейливо, что, судя по всему, «Америка» тут в «Китае». То есть я имею в виду — мои драгоценные какао-бобы, которые вот-вот, с началом зимней навигации, пойдут в производство и дадут какой-никакой пассивный доход, здесь привозят именно тинцы.

И вот у нашего причала стоит первый в этом сезоне корабль с парусами, похожими на раскрытые веера, а на пирсе нарисовался кусочек восточной сказки, который явно не прочь пококетничать. Это же полезное знакомство! Так, ЮЮ, соберись. Уличная трепотня с шутеечками — дело серьезное. Ответственное, можно сказать.

— Да низачем, мой господин. — Я весело стрельнула глазами в тинца поверх тонкого шарфа, прикрывающего нижнюю половину лица. — Настоящим женщинам другое надобно.

— Это что же? — ожидаемо повелся иноземный капитан, чуть тряхнув затейливой прической. Какая у него заколка — сама бы не отказалась.

— Первым делом — здоровый и сильный, вторым — чтобы не дурак. — Я немного нарочито скопировала манеру разговора местных торговок. — И хозяйственный. И детишек чтоб любил. Не мальчишка, но и не старик. И обязательно при деле. Лучше всего — моряк! — И мысленно хихикнула: «Ага, капитан дальнего плавания. Мечта порядочной женщины — по полгода зарплату присылает, а мозги не ест».

— Хорошие требования, — усмехнулся между тем тинец, подходя ближе и улыбаясь мне как рекламный плакат зубной пасты. — А что же о внешности ничего не сказала, красавица?

— С лица воды не пить, а так да, кому же не понравится красивый муж. Но только чтоб не красивее меня!

— О, — поддержал игру тинец, — это невозможно, госпожа, разве кто-то сравнится красотой с вами? Но это и удручает — наверняка множество мужчин хотели бы просить вас о трех поклонах и не смеют, поскольку не обладают нужной внешностью. Разве женщине не пристало быть более милосердной к мужским недостаткам?

— Так и вы, господин, среди яблок в корзине небось самое крепкое выбираете и красивое, — хмыкнула я, ловко раскладывая по лепешкам новый микс из морепродуктов и зелени. — А нам, женщинам, нельзя? К тому же у мужчин преимущество. Оглянитесь — у нас тут на пирсах лучшие невесты! Что ни женщина — то как минимум принцесса, у достойных нашего внимания господ выбор богаче некуда! — Тут я покосилась на весело хихикающую около своей бочки Фриду, обратила внимание на то, что оба помощника тинца уже вовсю наворачивают мою продукцию, а она сегодня щедро сдобрена пряностями и явно требует оттенить себя хорошим пивом. Так что пора направить мужские взоры в нужное место. — Вон Фрида, например, да любой умный мужик за ней приударит.

— И чем таким хороша? — Пиво парни заметили и явно оживились, забренчав монетами в кармане, а вот их капитан остался возле моего прилавка.

— А всем! И лицом, и статью, а главное — характером. Туда вон гляньте, господин хороший. — Я махнула рукой в сторону казенных пирсов. Туда как раз вели унылую вереницу скованных легкой цепью серых и линялых от многодневного похмелья личностей. Дело в порту

нередкое. — С такой женой можно не бояться ни вербовщиков, ни долгов!

— Это почему? — Тинец проследил направление моего взгляда и слегка поморщился.

— А потому. Заранее своим ковшом так мозги на место вправит — навек запомнится, что пить надо умеренно! — хмыкнула я под громовой хохот собравшихся вокруг зрителей — в основном мужиков с пришвартованных поблизости кораблей.

— Какая милая Сойку, — улыбнулся тинец, произнеся в конце фразы странное звонкое слово, похожее на их птичий щебет. Встретил мой вопросительный взгляд и пояснил:

— Язычок у молодой госпожи остер и умеет как приласкать, так и ужалить. В моей стране юные девы среди других украшений носят в волосах и на одежде специальные заколки с цветами. Они необычайно красивы и нежны на вид, но среди лепестков спрятаны тонкие иглы и лезвия. Если мужчина без спросу попробует тронуть прическу красавицы, ей достаточно всего лишь наклонить голову или повести плечом, и шипы вонзятся в руку наглеца. Ему повезет, если просто до крови, потому что частенько сойку смазывают ядом — очень неприятным, а иногда даже смертельным. А еще этим именем принято называть девушку, острую на язык и смело вступающую в разговор с мужчинами.

— Ну, здесь на пирсе вы молчаливых не найдете, господин, — хмыкнула я, оценив изысканность и вычурность комплимента. — У нас говорят: нет звонкого голоса — не будет и звонких денег.

Тинец засмеялся, а потом все же забрал своих подчиненных и ушел в тень веерных парусов. А у меня еще немного улучшилось настроение. На Земле я любила Китай. И его кухню, и обычаи, не совсем понятные с непривычки. Да и вообще, восток — дело тонкое. Но интересное... Жаль, что в этом мире нет возможности облететь земной шарик по окружности в любой момент. Здесь путешествия занимают много времени и сил, а еще они очень дороги — ну никак не по карману торговке с пирса, если она, конечно, не копит деньги на то, чтобы уплыть куда-то с концами, оплатив дорогу в одну сторону.

Хм... странная мысль. Мелькнула и пропала за вереницей других забот.

А с капитаном-тинцем мы до самых праздников каждый день продолжали перебрасываться ни к чему не обязывающими шутками и комплиментами, когда он выходил на берег по делам и обязательно заворачивал к моему лотку. Жареных осьминогов оценил. Даже хвалил выбор специй — я ради эксперимента чуть поменяла состав в паре порций, вспомнив специфику китайских вкусов.

И все шло хорошо до самого осеннего солнцестояния.

Все шло хорошо...

Глава 36

— Я думаю, что она все же покинула город, — тяжело облокотившись на стол, вздохнул Силье. Он утомленно прикрыл глаза, а потом оглянулся и пощелкал пальцами, привлекая подавальщицу. В таверне недалеко от порта было чисто илюдно, здесь не кормили всякий сброд и цены были такие, что ниже шкипера с кораблей никто не заглядывал. В основном обедали солидные купцы, чиновники из портовой канцелярии и прочие приличные люди.

— Нет, — коротко откликнулся Лиу. — Она здесь.

— Вот только не говори, что тебе сердце подсказывает. — Сарказм на тарелке Силье можно было резать ножом.

Лиу не удостоил его даже взглядом, просто взял ложку и спокойно начал есть густой рыбный суп, проворно выставленный на стол одной из девиц в кокетливом розовом фартуке поверх слишком короткой — щиколотки видны — юбки.

— Трактирщиков мы проверили. И их прислугу. Понятно, из тех, что нанимают людей по закону. Но ты сам знаешь, что две трети дельцов стараются поймать новичков в городе без всяких бумажек и за три медяка вместо нормального жалования. Этих не отследить.

— Она не выглядела нищей. Так что вряд ли работает где-то посудомойкой без документов.

— Она вообще может работать где угодно, брат, — с досадой произнес Силье, бросив ложку на стол и потянувшись к кувшину с пивом. — Дурацкая была мысль искать по тавернам. Нет такого закона, чтобы дочь трактирщика не могла быть белошвейкой, цветочницей или даже проституткой!

— Нет, мы сделали все правильно, — не обратил на его досаду внимания Лиу. — И начали с того, что важно. Думаю... мы просто не все проверили. К тому же нельзя было уделять поискам достаточно времени, чтобы не привлечь к ним же ненужного внимания.

— В этом вся и проблема. — Силье скривился, вылавливая из супа рыбью кость. — Демоновы подштанники, руки отрубить тому, кто готовил эту рыбу! Это называется приличный трактир?! Уф-ф-ф... Так

вот, если бы нам не приходилось разрываться на три части, мы уже нашли бы эту девку. А так — это какой-то гадский балаган, а не работа. Мало того что ищем иголку в стоге сена, так еще и ищем ее так, чтобы никто вокруг не заметил нашей возни на сеновале. И это на фоне ревизии в порту и наших планов по Ракушкам.

— Вот и ответь, как продвигаются дела в последнем, — спокойно заметил Лиу. В последнее время он вообще почти превратился в мраморную статую, невозмутимую, словно памятник на кладбище. Если бы Силье не знал своего близнеца как облупленного, он решил бы, что тому на самом деле плевать на поиски неизвестной девицы и вообще на все с ней связанное.

Беда только в том, что брата своего он как раз таки насквозь видел и с каждым днем пугался все больше — нарыв зрел, грозя таким взрывом, что мало не покажется. И все равно Силье не мог не восхищаться тем, как хорошо брат умеет держать себя в руках, а еще не отвлекаться от важного даже ради того, о чем горит сердце.

— Завтра осеннее равноденствие. Опять будет дурдом в городе и праздничные толпы везде и повсюду, особенно в порту. — С усилием вернув свои мысли в деловое русло, Силье потянулся к блюду с бараньим жарким и чуть поморщился — здешний повар явно переборщил с чесноком, а еще насыпал вдвое больше майорана, чем требовалось для хорошо приготовленного молодого мяса. То есть либо он косорукий неумеха, либо баран был вовсе не молод и запах старости требовалось забивать чем покрепче. — Через своих людей я получил сигнал. Они попытаются убрать тебя завтра. Где-нибудь в порту, там, где толпа погуще. Мы уже запланировали твой визит на праздник, портовое начальство в курсе и бегаёт с горячей задницей, значит, можно быть уверенными, что все действующие лица будут на месте. Возьмем исполнителей, а через них выдернем цепочку низшего звена. А дальше дело дознавателей, ни одна падаль из Ракушек свою жизнь не ценит ниже их лживого «кодекса молчания». Даже если главари думают, что обманули всех, более мелкая рыбешка всегда старается обезопасить себя, разузнав побольше секретов для шантажа. Вот это мы и используем. Покушение на тебя развяжет нам руки даже в отношении высоких покровителей этой падали.

— Хорошо. Сколько людей ты решил задействовать? — Лиу тоже положил себе баранины, но в отличие от брата даже не поморщился,

словно не чувствовал вкуса или не обращал внимания на то, что ест.

— Два десятка замаскированных под портовых зевак телохранителей, плюс отряд стражи будет «случайно» выпивать в таверне у самого порта. Сигналку капитану я настрою лично. Ну и сам со своими людьми буду на одном из кораблей, что у центрального причала.

— Слишком много народа, — покачал головой Лиу. — Чем больше людей, тем вероятнее, что кто-то что-то напутает, сделает не вовремя или упустит. Спугнем. Убирай две трети телохранителей. Отряд стражи дели на три части и разводи по разным тавернам, иначе тоже будет выглядеть подозрительно. Моим убийством будут заниматься профессионалы, они обращают внимание на мелочи. А сам на корабле... это нормально. Это можно оставить.

Силье сдавленно рыкнул в кусок мяса и минут пять молча угрюмо ел. Он понимал, что Лиу прав, но от этой его правоты хотелось вскочить, свернуть все со стола и этим самым столом разнести демонову таверну в щепки.

— Кольчуга под камзол, — сказал он в конце концов, шумно отхлебнув добрую половину кружки пива.

— Само собой. — Первый миньон посмотрел на него с легкой спокойной усмешкой.

— Если бы ты не вытащил короткую соломинку, когда мы решали, кто именно вызывает огонь на себя, ты сейчас точно так же психовал бы, — скривил губы Силье.

— Естественно, — снова кивнул Лиу. — Ты вот что... если меня все же ранят... — тут он прервался, чтобы успеть поймать бешено сверкнувшего глазами брата за руку и удержать от того, чтобы тот вскочил и начал орать — у Силье изредка от большого волнения такое еще случалось. — Тихо. Я сказал «если». Я не собираюсь подставляться. Просто все может быть, и, возможно, я не смогу сразу сам присутствовать на допросах. Поэтому хочу, чтобы ты запомнил: кроме улик против покровителей Ракушек, ты должен выяснить еще одну вещь...

— Ах вот оно что. — Силье медленно вдохнул пахнущий чесноком воздух и еще медленнее его выдохнул, опускаясь обратно на скамью и заставляя себя расслабиться нешуточным усилием воли. — Понятно. Ну что же, это логично. Ты все же думаешь, что искать твою

внезапно похожую на Юля зазнобу следует в Ракушках. Ладно. Выясню. Вот только...

Он еще немного подышал и сказал тихо-тихо:

— Только попробуй сдохнуть. Я тебя с того света достану и сам убью.

Глава 37

— Поговори с Бертой, надо второй лоток с морской снедью ставить, на другом конце нашего участка. — Ума проворно шуровала метелкой в своем тандыре, готовя тот к жаркому дню. Солнце только встало над городом, праздник осеннего равноденствия пришел вместе с красными листьями кленов и прозрачной водой даже в не самом чистом порту. — Девку хорошую найдем, раз твои малы еще, будет за долю языком трепать, научишь ее быстро, дело-то нехитрое. Все прибыток и тебе, и семье.

Я устало кивнула, осматривая бочонки с маринованными щупальцами осьминога, морскими пальцами и прочими хитро вымоченными и высушенными в специях ложноножками здешних обитателей дна. Чуть не померли всем семейством, пока готовили этакую прорву к празднику, но зато все успели, до вечера должно хватить. И будут нам припасы на зиму и на весь период зимних штормов, когда на пирсе работы не будет и нужно будет проедать тот жирок, что накопился с лета. Но зато и отдыхать вволю, а то с таким графиком без выходных, без проходных можно и загнуться. И не столько от жадности, сколько потому, что устав семьи не допускает прогулов. В сезон изволь вкалывать как морская лошадь, тогда и в шторма отдохнешь в тепле-достатке, а если что приключится — семья из тех денег, что ты платила в общую кассу, поможет.

— А еще лучше — ищи замену на обе точки, — продолжила вдруг Ума. — Мы тут с капитаном твоим договорились, ох не зря глазки строила, Сойку. Весь груз горьких бобов взяли по оптовой цене. Твой процент, конечно, от готовых конфет будет, но это еще когда. А вот жалованье мастера прямо сейчас можем предложить. Подумай, и нам хорошо, и тебе задницу в наступающие холода не морозить. А девок, как и сказала, возьмешь на долю от выручки, особо и не потеряешь.

Я поправила шарф и задумалась. А что? Это мысль. В основном потому, что в последние дни меня не отпускало смутное беспокойство. Каждое утро, собираясь на пирс, я сама себя подгоняла и успокаивала, навёрчивая на лицо слои белого шелка и пудря щеки бронзовым. Да, в

такой толпе шанс встретить старых знакомых исчезающе мал. Да, вряд ли меня будут искать именно на пирсах. Но один раз ведь уже встретились?

Так что вариант засесть где-то в помещении, где меня никто не видит, не слышит и не знает, — он привлекательный. Заработанных на шоколаде денег должно будет хватить на переезд куда подальше. Может быть, даже за море. Здесь есть такая радость, как в земной истории, — колонии аж на двух далеких континентах. Почему бы и нет? Люди везде едят. Не пропадем. Надо только собрать информацию и хорошо обдумать.

— А знаешь, так и сделаем. Сейчас вот в праздник отработаю, потом три дня порт закрыт — какая-то большая ревизия и прочие дела, за это время и порешаем, — кивнула я. Уложила на решетку первую порцию осьминожьих щупалец и улыбнулась покупателям. А что, может, все еще и будет лучше всех!

Главное — отработать сегодняшний день без происшествий.

Ага, загадала одна такая.

До полудня все и правда шло лучше некуда. Жаровня не пустовала, звонкие монетки так и сыпались в кошель у пояса, подвешенный под фартуком. Воришек в толпе было, как обычно, предостаточно, тут подальше положишь — поближе возьмешь.

А потом... а потом все полетело осьминогу под хвост. Ага, под тот самый хвост, которого у этого руконога отродясь не было.

— Что, прямо сами солнца к нам пожаловали? — услышала я удивленный голос Фриды и обернулась. Где-то в самом начале пирса густая толпа зевак сбилась в особенно плотный клубок, из которого в небо торчал бело-золотой стяг городской стражи, слышались четкие команды и даже вроде как звук труб. — А что? Хоть полюбуемся. Два брата-близнеца, герои северной осады, оба завидные женихи и, по слухам, писанные красавцы.

У меня вдруг зазвенело в ушах. Два брата-близнеца... блондины... ЮЮ, ты идиотка. С осьминожьими щупальцами в шоколаде вместо мозгов.

— Штандарт один, так что и солнце одно, — между тем взгляделась в толпу Ума. — Ну да и ладно, они ж как горошины из стручка, одинаковые. Одного посмотрим — считай, и второго видели.

Что я могла сделать? Разве только спрятаться в свою печку. Или натянуть шарф на нос так, чтобы одни глаза торчали, и надеяться, что это самое солнце не принесет именно к моему лотку за осьминогами.

Его, слава всем местным богам, которых тут, кстати, около тысячи, прямо как в древнем Китае, пронесло-таки мимо. А поскольку я молчала, накрепко захлопнув собственный фонтан рекламного красноречия, то и внимания в ряду других торговок не привлекла.

Это и правда был Лиу. У меня аж дыхание перехватило, когда я на него посмотрела. Правда, пришлось тут же отвести взгляд — мне показалось, что серебряные искры в волосах оживились и стали покалывать виски — а вдруг у него так же, сейчас обернется и запеленгует? Или мой интерес заметит кто-то из миньонов — не верю, что их нет в свите. А я, кроме Цанти, никого не узнаю после стольких лет. Да-да, выяснила я уже, что бабуля просчиталась, прошло не три года, прошло пять лет, и...

Тягостное чувство не отпускало. Лиу с сопровождающими уже прошли мимо и плавно двигались к дальнему концу пирса, но еще не ушли далеко. А я вдруг почувствовала знакомый и крайне неприятный взгляд в спину — тот самый, что преследовал меня постоянно и все никак не выливался во что-то большее.

Да что ж за зараза такая?! Кто это тарашится? Главное, в последние дни это ощущение усилилось и преследовало меня все чаще, но возникало и исчезало так быстро и без следа, что я почти перестала обращать на него внимание, решив, что каждый завистливый или недоброжелательный взгляд в спину теперь так на мне отражается в силу отросшей вместе с волосами магии.

И вот теперь меня этим самым взглядом буквально прошивало насквозь, так сильно и почти больно, что руки затряслись.

Раздавшийся в той стороне, куда ушел Лиу, громкий крик заставил меня уронить шампуры с нанизанными морскими пальцами прямо в пыль под ногами.

Народ вокруг прилавка забурлил, кто-то бежал, кричал, все тарашились друг на друга и в сторону воплей, никто ничего не понимал. Хорошо, я стояла за тележкой с тяжелой печью, а то затоптали бы на раз-два.

— Убийцу поймали! — рывкнул кто-то совсем рядом. — Схватили супостата, что на солнце покушался! Ох, сейчас его...

— Ранен, но не сильно, — уже орал некто с другой стороны. —
Пустяковая рана-то! Зато всю шайку убийц на месте взяли!

Я тихо выдохнула. Господи... что за день. Что за жизнь вообще!
Ранен... Лиу ранен. Почему меня так колотит? И тянет все бросить,
бежать, расталкивая толпу, и убедиться, что с ним все хорошо?

А если все хорошо, как говорят, то почему моя тревога не исчезла,
почему она словно стала острее и болезненнее?

Глава 38

И этот взгляд в спину. И там, где волосы касаются кожи под шарфом и шляпкой, колет все сильнее. Что это?

Я не выдержала и выбралась из-за телеги, стала проталкиваться ближе к оцепленному стражей участку пирса. Мысль о риске быть узнанной потерялась где-то по дороге.

Опасность. Опасность еще не миновала. С каждым шагом я чувствовала это все яснее.

Взгляд в спину, внимательный, острый, злой. Смертельно ядовитый...

Это не на меня смотрят! Это... я просто чувствую, как смотрят на него! Который день я чувствую, как кто-то хочет убить Лиу! Просто раньше не могла понять, что это не мое ощущение, это...

Но если убийц поймали, кто же снова угрожает моему первому миньону?

И почему я точно знаю, что опасность стала смертельной вот прямо сейчас?!

Искры магии в волосах совсем сошли с ума — я чувствовала себя так, словно мне на голову вывернули муравейник. Секунды срывались с кончиков пальцев и падали в никуда одна за другой, а я все еще пыталась протолкаться сквозь толпу и не понимала, зачем это делаю — меня же все равно не пустят за оцепление. И это при том, что... что... что надо бежать! Со всех ног бежать к нему, иначе я не успею!

Не знаю, что произошло в следующий момент и куда делась стража на моем пути, когда я сорвалась с места, буквально разбросав мешавших мне людей. Где-то потерялись шляпка и шарф. Вроде бы в солнечных лучах даже блеснуло лезвие алебарды, несущейся в мою сторону, но мелькнуло и пропало, а я буквально вылетела на расчищенное от людей пространство, в центре которого Гусь... повзрослевший и все равно узнаваемый Гусь перевязывал плечо Лиу.

Они оба обернулись на шум и застыли, а я растворилась в стеклянной неподвижности мгновения. Мир замер, даже облака,

весело бегущие по небу, затормозили, будто вместо воздуха оказались в густом киселе.

И в этом остановившемся времени там, за спиной моих миньонов, на борту только сегодня пришедшего в нашу гавань корабля человек со стертым лицом сжимал в руках что-то отдаленно похожее на маленький арбалет. И улыбался так, что у меня даже мысли рассыпались в мелкую крошку и падали на камни под ногами бессильной пылью.

Маленькая, острая и тонкая, как иголка, стрела. Смазанная ядом. Ей нипочем доспехи, она найдет щель, от нее не защитит надетая под одеждой кольчуга. От нее ничего не спасет. Кроме...

Никто не учил меня контролировать странный дар, что рос вместе с моими волосами, никто не объяснял, на что он годен и зачем вообще нужен. Но сейчас это не имело значения, потому что сознание все равно выключилось и осталась только первобытная тьма, приводимая в движение чистыми инстинктами.

Инстинкты эти, к счастью, знали, что делать. Просто я не успевала осознать то, что они творили.

Первым в воду с хриплым криком полетел убийца — если бы меня на дыбе попытались допросить, я не смогла бы объяснить, как и чем я его достала.

Вторым на пирсе, лицом вниз и придавленный, словно грузом в полтонны, распластался Лиу, прикрытый сверху Гусем. Мало ли, вдруг этот скот с арбалетом был не один.

Третьим загорелся корабль, на котором с таким удобством расположился убийца. Раз его туда пустили, значит, сами виноваты.

А четвертым...

Инстинкты выключились, тьма погасла. Я осталась на свободном от замершей в ужасе и непонимании толпы пяточке одна. Глаза в глаза с медленно поднимающимся первым миньоном.

— Юль? — Я не слышала звука, только видела, как шевельнулись его губы.

— Тебе показалось. — Кривая усмешка скользнула на лицо из той самой темноты как эхо исчезнувшего безумия. — Тебе показалось.

Его глаза расширились, а потом наполнились мрачной решимостью. Лиу стряхнул со своего плеча повисшего там Гуся, шагнул ко мне...

— Брат! — Судя по звукам, строй стражников за моей спиной сломался и на пирс стремительно ворвался кто-то... кто-то со знакомым голосом. Мне даже оглядываться было не нужно, чтобы понять, кого принесло. — Живой?! О...

Мне повезло только в одном. Этот пирс — узкая каменная дорога, уходящая в море. Шагнуть в сторону всего лишь раз, и...

— Стой! — крик догнал меня, когда вода уже почти сомкнулась над головой, прохладная глубина встретила отражением солнца на галечном дне, и я стремительно развернулась в воде, ныряя в тень от пришвартованного корабля. Я всегда хорошо плавала, а за лето еще лучше научилась, чтобы угнаться за юркими рыбками, в которых превращались три ребенка, стоило им войти в море.

Вот и пригодилось.

Кажется, серебро из распустившихся в воде волос перебралось в кровь, текло по венам, скользило по горлу вниз, к легким. Иначе как объяснить то, что я смогла проплыть под дном сразу нескольких больших кораблей и вынырнуть так далеко от места происшествия, что здесь даже шума почти не было слышно?

Осторожно высунувшись из воды, я вдохнула солоноватый воздух и огляделась. Далеко... но все равно надо отплыть еще дальше. Сейчас...

На воду упала округлая тень, похожая на раскрытый веер, и чей-то спокойный голос произнес:

— А ты не только Сойку, красавица, но еще и рыбка? Кто ты, чудное создание, неужели морской дух?

Меня вдруг подхватили под руки и выдернули из моря как брюкву из грядки, чирикнуть не успела. Только хлопала глазами и открывала рот, как та самая рыбка.

— Не стоит сейчас плавать в море, Сойку, плохое время. Будь лучше моей гостьей, а когда все успокоится, пойдешь домой.

Ох, какой добрый иноземный капитан со мной познакомился на пирсе и теперь выловил из моря. В лодку затянул, лодку быстренько к борту своего корабля, похожего на помесь цветка и китайского фонарика, пришвартовал, раз-два — и мы уже на палубе, под прикрытием веерных парусов.

Все хорошо, одно плохо: с чего вдруг?

— Я видел, как ты спасла жизнь одному из хозяев города. А потом убежала. Значит, зачем-то тебе это было нужно, — капитан словно прочел мои мысли. Он нес меня на руках по узкой лестнице куда-то вглубь трюма, а я даже не сопротивлялась — накатила вдруг слабость. Запоздало пришла мысль: если бы я повторила свой трюк с попыткой проплыть под пятью-шестью глубоко сидящими кораблями, там бы и осталась.

То есть повезло, что выловили.

— Ты сделала хорошее дело, но раз убежала — значит, тебе угрожала опасность. Хорошие девочки не должны бояться своих хороших дел и быть в опасности.

О да, о да. Прямо не капитан, а герой диснеевского мультфильма. Самое противное, что у меня нет сил даже на скепсис, так, вялые образы и вопросы плавают в тумане и запахе сандала. Он зажег в каюте ароматическую палочку? Запах такой сильный... от него немеют пальцы, мысли и веки, а серебро в крови засыпает, смиренное и ласковое.

И я засыпаю вместе с ним.

Глава 39

«Утро добрым не бывает...» — подумала я, пытаюсь разлепить веки.

Они казались такими тяжелыми, будто у меня ресницы выкованы из железа. Во рту поселился устойчивый привкус серебра. Не знаю, как я определила этот вкус, я серебро в жизни не ела. Но сейчас точно знала — оно.

Что вчера было? Ах да, верно, чего вчера только не было, начиная с того, что я чуть не утонула. Кажется... а потом еще диснеевский принц, тьфу ты, капитан. И где я теперь?

Ага, каюта. Ага, и солнце за окном... но уже закатное. Так. Это я проспала всего пару часов или больше суток?

— Юная госпожа отдохнула? — вот и диснеевский капитан. Не знаю, что по поводу него думать — благодарить от чистого сердца или опасаться? Правильнее всего будет вслух благодарить, а внутри опасаться, вот что.

— Да, большое вам спасибо. — Я села на широкой кровати, больше похожей на низкую тахту с круглыми твердыми валиками вместо подушек. — Сколько... как долго я спала?

— Около шести палочек... прошу прощения, около трех часов, — улыбнулся капитан, ставя на постель рядом со мной медный поднос с чайным набором. — Я предлагаю тебе подкрепить свои силы, прежде чем уйдешь.

— А я могу уйти? — Взгляд скользил по деревянным стенам, полускрытым шелковыми золотистыми драпировками, по узкому, совсем не похожему на иллюминатор окну, по медовым половицам из какого-то незнакомого дерева.

— Конечно, Сойку. В любое время, когда тебе захочется. Толпа на пирсе уже разошлась, все успокоилось, и тебе никто не угрожает. Во всяком случае прямо сейчас.

— Кого-то конкретного ищут? — Я чуть прищурилась, собирая мысли в кучку.

— Тебя не ищут, Сойку. — Красивая рука с тонкими пальцами ненавязчиво погладила шелковое покрывало рядом с моим коленом. — По крайней мере, никаких громких заявлений об этом не было. На твоём месте работает дочь твоей подруги, той, что с лепешками, на пирсе все спокойно, торговок никто не трогал. Кажется, никто даже не заметил, что ты исчезла.

Я удивленно приподняла бровь и задумалась. Как так? Он врет? Но зачем? А если не врет — что вообще произошло?

Сказать по правде, я сама помнила те мгновения несколько смутно. Но все равно была уверена — меня видели многие, я же через толпу проталкивалась. Ладно, шляпу торговли и их фирменный белый шарф я потеряла в процессе, но все равно... ничего не понимаю.

Может быть, возле моей печи уже сидит засада? Или стража пришла в дом Берты? Вот сомневаюсь, что та будет защищать меня настолько, чтобы пойти против официальных властей.

О-хо-хо...

— Если хочешь, я пошлю слугу на пирс, он послушает, о чем говорят люди, и осмотрится, нет ли где засады, — спокойно предложил капитан.

— Нет, спасибо. — Я не хотела еще больше влезать в долги к этому странному персонажу. Он, конечно, симпатичный мужик, и вообще, спасибо ему большое. Но в бескорыстную доброту незнакомых людей я не верю примерно с детского садика. И теперь вот — не понимаю, чего ему от меня надо. Лучше не усугублять.

Тем не менее пришлось убедиться, что на первый взгляд этому экзотическому парню с раскосыми глазами китайского айдола от меня действительно ничего не нужно. Он напоил меня хорошим чаем, не сделал ни одного угрожающего или двусмысленного жеста, прислал служанку, которая, как оказалось, успела меня переодеть во что-то халатно-восточное, пока я спала, а сама тем временем высушила мою одежду и теперь принесла с поклоном. Под руку проводил из каюты на палубу и даже помог спуститься по трапу на пирс.

И отпустил... с пожеланием быть осторожнее и не купаться рядом с кораблями.

Что это было?

А, потом подумую. Сейчас есть дела поважнее.

На первый взгляд все действительно было спокойно. То есть толпа гуляющих в честь праздника выглядела более шумной и взбудораженной, чем обычно, но и только. Я вглядывалась до рези в глазах туда, где торговали мои соседки, но рядом с ними не мелькало ни одного подозрительного лица. Не было стражи, не суетились никакие чиновники из порта. Конечно, наблюдение могло быть тайным, но...

В висках знакомо закололо, я с досадой прижала снова заплетенные в косы пряди ладонями. Да что ж за незадача с этой магией? Чего ей сейчас? Миньонов не видно...

— Говорю тебе, горный дух это был! — сказали вдруг слева от меня, и, обернувшись, я увидела двух кумушек, устроившихся с лепешками и пивом на бухте каната. — Мне тетка рассказывала, она с севера. Горные духи, они такие и есть — полупрозрачные и вроде как мальчишки, а лицо красоты такой, что не налюбуйешься, — разглагольствовала тощая длинноносая горожанка, поправляя шляпку с цветочками и прихлебывая пиво из оловянной кружки.

— Ну так... солнца-то у нас откуда? С Юнрена. Юнрен на севере. Видать, благословение тамошнее с собой и привезли, — согласилась с ней вторая — румяная тетка в вышитой шали на плечах. — Все видели, мальчишка то был. Светленький и полупрозрачный. Защитил наши солнца от убийц и растворился в морской пене. А те все поверить не могли, что дух всю силу отдал да исчез, все искали парня в воде, а потом и в толпе.

— Ага, даже меня сам начальник стражи спросил, не видела ли я, как мальчишка выплыл. Да откуда ж мне?.. И не выплывал он.

Чего?!

Я попятилась и села за ящиками прямо на край пирса.

Мальчишка? Полупрозрачный? Искали парня?!

Что это было?

Растерянно пощупала высохшую юбку — слуги на корабле ее даже погладили, — осмотрела далеко не выдающуюся, но вполне заметную грудь в вырезе платья. В каком месте я сейчас похожа на мальчишку? Пусть даже на полупрозрачного?

Ничего не понимаю.

— Вот ты где!

Я чуть снова не спрыгнула в воду, так неожиданно это прозвучало. И только через секунду, разглядев на фоне закатного неба знакомую шляпу и внимательные глаза Умы, я выдохнула.

— Это ж надо. С ума сошла, что ли? Нет, я понимаю, любопытство не порок, ну захотела ты на красавчика поближе посмотреть, но потом-то куда делась? Или в толпе затолкали? Плохо стало? Ты как? Мы извелись все, то покушения, то какого-то мальчишку ищут, то вообще твердят, что это был посланник небес с крыльями. А тебя как волной слизнуло: только что тут была — и пропала!

— Я... — Честно говоря, слова все куда-то разлетелись вслед за мыслями, в голове было пусто и гулко, как в барабане. — Кажется, мне стало нехорошо... плохо помню.

— Ясно. — Ума за руку довольно бесцеремонно выдернула меня с края пирса. — Переработала. Первый сезон, да и пахала ты как лошадь на галерах, вот и вышли силы. Давай, там Тарку уже все твои щупальца распродала, дашь ей за труды десятую, и довольно. Собирайся домой, мы тоже раньше срока в этот раз расторговались — любопытных набежало, посмотреть, в каком месте посланник неба спас два солнца Юнрена. Теперь же отбоя от зевак не будет — весь город гудит.

— Ага... — В ушах снова слегка зашумело, скорее от навалившегося непонимания, чем от чего-то другого.

Но все перекрыла одна мысль: если все видели мальчишку, включая миньонов... то, значит... значит... торговку на пирсе никто искать не будет?

Глава 40

В большой комнате было тихо и несколько нервно. Близнецы-солнца сидели один за столом, другой в кресле у окна и оба смотрели в пустоту.

Пятеро парней чуть помоложе расположились как попало — кто на полу на подушках, кто на стульях вокруг стола. Все молчали. Рыжий Цанти играл с кинжалом, бездумно царапая полированное дерево, но никто из старших не сделал замечания.

Русый сероглазый парень, все еще откликавшийся среди своих на детскую кличку «Гусь», выглядел так, словно увидел призрака. Временами он о чем-то сам с собой говорил, неразборчиво бормоча что-то под нос, и удивленно разглядывал гобелен на стене.

— Теперь ты мне веришь? — первым молчание нарушил Лиу. Хотя он даже не смотрел в сторону брата, тот ответил:

— А куда я денусь? Своими глазами видел... и не только видел, но и почувствовал, мать вашу через горный хребет на северную сторону! Долбанный призрак. До мурашек, до печенок пробрало.

— Он спас мне жизнь.

— Это я тоже видел! И что теперь, молиться на него?

— Нет. Искать.

— Ну отлично. Девку мы не нашли, теперь будем искать парня, о котором можно сказать только одно: лицом похож на ту девуку, прекрасен, как небесный посланник... тьфу. И еще он полупрозрачный. А если свидетелей послушать — так еще и музыку небесную играл, белыми одеяниями развевал и белыми крылами сверкал. Так, может, сразу на небе и поищем?

— Не было никаких крыльев, — вмешался в разговор Цанти. — Это просто был Юль. Вполне живой и настоящий. А все эти бредни — от того, что вокруг него магия искрилась так, что у меня волосы дыбом встали.

— Он выглядел точно так же, как пять лет назад, — подал голос Наталь, задумчиво взъерошив пепельную челку. Самый молодой, нежным личиком напоминавший красивую девочку миньон сидел на

подушке у кресла Силье и машинально наматывал кисточку с пояса на палец. — Это странно, но...

— Не совсем так. Взрослее. Но силуэт узнаваемый, и лицо... ни с кем не перепутать, — кивнул Кори, заправив за ухо выбившуюся из косы выющую каштановую прядь. — Одежды было не видно за пеленой магии.

— Значит, она вполне могла быть женской, — заметил круглолицый улыбчивый парень, в детстве носивший кличку «Пух», а теперь откликающийся на имя Лоран.

— Не знаю. — Цанти покусал губу и посмотрел на близнецов. — Мне кажется, нет. Юбку я бы заметил. Не было. И вообще. Они разные... то есть... ну, наверное, действительно могут быть братом и сестрой, но не одним и тем же человеком. Юль не похож на девушку, он...

— Серьезно? — спросил вдруг Гусь, прекращая разговаривать сам с собой и оборачиваясь к другу. — С чего ты взял?

— То есть? — тут же заинтересовался Лиу, вперив в миньона внимательный взгляд.

— Да вы издеваетесь, что ли? — не понял Гусь. — Юль и была девушка! С чего вдруг она должна стать парнем?

В комнате стало так тихо, что было слышно, как за окном где-то далеко внизу, в саду у ограды, пилит свою скрипку последняя осенняя цикада.

Гусь с минуту ошарашенно рассматривал товарищей, потом моргнул и в шоке уставился на старшего близнеца:

— Да быть не может. Ты же с ней в одной комнате жил! Ты бегал за ней, аж слюной на пол капал, смотреть страшно было. Ты ее к герцогу ревновал! И не знал, что она девчонка?!

— А ты откуда это мог знать? — старательно выговаривая слова сквозь сжатые до боли зубы, произнес Лиу, не глядя больше ни на кого.

— Ну, я подсматривал, как она купается, — слегка поежился под его взглядом Гусь, потом скосил глаза на молча сидящих товарищей и переспросил: — А вы нет, что ли? Стой! погоди! — отреагировал он на медленно встающего из кресла Лиу. — Это случайно вышло, честное слово! Правда! И я всего один тот раз, и никогда больше, просто...

— Почему. Ты. Не сказал? — почти прорычал Лиу.

— Да откуда я мог знать, что вы не знаете?! — заорал Гусь, запуская обе пятерни в волосы. — Я думал... мы же просто больше никогда о ней не разговаривали. Ты вообще выглядел — краше в гроб кладут, рыдал ночами в подушку. Мы что, по колено деревянные, не понимать, о чем, точнее о ком, лучше помалкивать?! Как ты себе это видишь — надо было догадаться и прийти однажды вечером с новостью: представляешь, а Юль-то наш был девчонкой?

— А до того... в замке — почему не растрепал? — спросил вдруг каменно молчавший какое-то время Силье.

— В смысле? Я такую же клятву принес, как вы. — Гусь выдохнул и подергал себя за волосы, словно для того, чтобы убедиться в реальности происходящего. — Да и вообще... раз она притворялась и пряталась — значит, так надо было. Я, может, и трепло, но не предатель.

— А сейчас... когда мы все лето искали девушку... — вмешался Кори.

— Вот именно, искали девушку, — кивнул Гусь. — Что не так?

Цанти открыл было рот и... закрыл его, так ничего не сказав. Какое-то время в комнате снова было тихо. Каждый сам пытался справиться со свалившимся на его голову знанием.

Наконец Силье громко хлопнул себя ладонью по лбу и выругался сквозь зубы, никого не стесняясь.

— Ладно, так даже проще. Не нужно искать двоих. Надо всего лишь найти одну девчонку, будь она неладна, и спросить, какого демона вообще происходит. Значит, так, первым делом...

— Нет, — вдруг оборвал его Лиу.

— Чего нет? — не понял его брат.

— Мы не будем больше ее искать. Во всяком случае, прежними методами. Мы...

— Чего?! — Силье смотрел на брата так, словно тот сошел с ума или отрастил вторую голову. Честно говоря, остальные парни глядели на него примерно так же. — Что ты сказал?!

Лиу глубоко вздохнул и потер пальцами переносицу.

— Сворачиваем все поиски и расспросы. Если она исчезла тогда и продолжает прятаться теперь, значит, у нее есть причина. Если поднять еще больший шум, мы не только привлечем внимание герцогов, но и заставим ее снова бежать — туда, где никто не сможет найти.

— Охренеть, — проперхал Силье, вскакивая и хватая со стола кувшин с вином, чтобы отхлебнуть прямо из него.

— Слухи про горного духа и посланца не будем пресекать, — продолжал между тем Лиу. — Чем больше ерунды люди придумают, тем лучше. А вы сосредоточьтесь на деле: никто не забыл, зачем вообще я подставлялся убийцам на пирсе?

— Не забыли, — угрюмо покивал каждый из парней в ответ на его внимательный взгляд.

— Вот и отлично. Можете идти. Работы много, займитесь каждый своим делом.

Когда комната опустела, Силье отставил наполовину пустой кувшин и обреченно сказал брату:

— Я с тобой с ума сойду.

Лиу только пожал здоровым плечом и отвернулся к окну, вглядываясь в осеннюю темень. Молчал почти минуту, а потом все же сказал:

— Из этой бухты ежедневно уходят за море десятки кораблей. Все не отследить. Пять лет назад она заставила всех поверить в свою смерть ради того, чтобы скрыться. Я не хочу загонять ее в угол, чтобы узнать, на что она способна теперь. Я найду ее сам.

За несколько дней пути от этого места один мужчина погладил пальцами ровную поверхность родового артефакта и спросил другого:

— Ты это видел?

— Даже почувствовал. Очень почувствовал. Почему, ты думаешь, я тут?

— Я не про откат от покушения на твоего поваренка, я про...

— Да вижу. Либо родился еще один прямой наследник серебряной крови, либо...

— Направление засек?

— Примерно. И оно такое интересное...

Глава 41

Кто бы знал, как мне было не по себе в то утро, когда после традиционного «санитарного дня» в порту нужно было снова выходить на работу.

Да, город цвел и полнился рассказами об ангеле небесном... Ну, в местном варианте мифологии — о посланнике небес с лицом небожителя и белыми крылами. И сверкал он, дескать, и благовонял, и даже музыку небесную наигрывал, не иначе ногами, поскольку руками спасал солнце Юнрена от страшно опасных происков злодейского убийцы.

Да, все вокруг были уверены, что посланник сей был мужеска полу. Торговок с пирса в принадлежности к небожителям никто не обвинял.

Я все равно очень осторожно и издалека поспрашивала Уму, не ищут ли кого-то в городе в последнее время. Да, знаю, эти расспросы сами по себе выглядят подозрительно, но я даже особенно ничего придумывать не стала, рассказав, как меня несколько раз пытались завербовать в Ракушки, а также о нездоровом интересе к блондинистым детям у тамошнего контингента.

Ума только хмурилась и кивала, а потом сказала, чтобы я была осторожнее, детей больше не таскала на пирс и вообще сама побыстрее обучала двух младших сестер на два лотка.

— Похоже, сестра, на тебя заказ был от какого-то богатого бездельника, — пробурчала она, задумчиво покусывая губу. — Надо убирать тебя с улицы. Если там большие деньги или влиятельная персона — даже Берта не сможет тебя уберечь и, уж прости, всех сестер за одну подставлять не станет. Что там с печью?

— Крон уже мастерит вторую, — невесело усмехнулась я, кутаясь в шарф. — Дней через семь-десять будет готова — надо, чтобы просохла. Даже роскошнее этой выходит — за лето понятно стало, где что улучшить.

— Ну и хорошо. На этот лоток я Тарку тебе предлагаю насовсем взять, племянница — девка бойкая, давно бегала помогать, но, сама

понимаешь, свое место я для дочки держу. А тебе прямая дорога в мастерскую — Берта говорит, привезли те ступы и мельницы с прессами, что заказывали по твоей указке. Вот и проверь. Там точно больше заработаешь, чем на пирсе.

Я согласно кивнула. Да, определенно, шоколад поможет мне заработать больше. Но теперь уже и деньги, и перспективы, и интересное дело не могли заглушить чувство тревоги.

Я словно кожей ощущала, как уходит время. Затишье перед бурей вот-вот закончится. И я не знаю, как мне выплыть на этот раз. В прошлом я оставила мальчишек с тяжелым сердцем, но с надеждой, что о них есть кому позаботиться. Они были в тепле, сыты, при деле. И безопасность я им обеспечила, пусть и против воли Раймона, которому пришлось выплатить виру за мою едва не случившуюся смерть.

А теперь все иначе.

Угроздило же меня подобрать очередных сироток! Но я все равно не смогла бы поступить иначе. Дети не должны жить одни. Дети не должны голодать, мерзнуть и болеть. Детей не должны продавать на потеху извращенцам.

И этих фактов мне не изменить. Плохо только то, что бежать, имея такой груз на шее, гораздо сложнее, чем налегке с одним прабабкиным дневником за пазухой.

И даже это не все мои проблемы. Потому что еще одну, зеленоглазую, я тоже не знаю, куда деть.

Я теперь и за него боюсь. Не за того мальчишку, которого оставила пять лет назад в замке под опекой Раймона и господина Жуя. А за вот этого молодого мужчину, который приходит в мои сны, гад такой... и которого уже едва не убили на моих глазах.

Хоть разорвись, если одновременно хочется бежать от него и к нему. Точнее, не так. От него бежать нужно — Лиу несет на своих возмутительно широких плечах все те проблемы, от которых я сбежала в прошлый раз. А к нему бежать хочется... потому что он в опасности.

Да, вот именно поэтому! Я за него беспокоюсь, он же мне не чужой, как-никак первый миньон, нас связывает клятва. Точно. Это просто долг и беспокойство. Да? Ведь да?

— Господин Тай Вей тут о тебе спрашивал, — огорошила меня Берта, когда я на следующий день скрепя сердце отправила Крона с печкой на пирс, чтобы он там передал все заготовки Тарку.

— М-да? — машинально переспросила я, оценивая рассматривая большой деревянный пресс, установленный на специально построенном для него постаменте прямо в середине просторного утепленного сарая. Цех по производству будущего самого модного лакомства постепенно приобретал реальные очертания. — Это кто еще такой?.. А!

Диснеевский капитан, у которого, как выяснилось, Берта оптом скупила весь груз какао-бобов. Чем мореплаватель был чрезвычайно доволен, потому что в эту навигацию по неизвестным мне причинам в Картахелию прибыло несколько кораблей с полными трюмами этой «никому, кроме аптекарей, не нужной горечи» и цены упали. А Берта не стала жадничать, имея в виду перспективу будущего сотрудничества.

Ну, тут уж морячок с корабля-веера должен был вообще в экстаз впасть, потому что постоянный, гарантированный и проверенный партнер в порту — на вес золота. А у Берты репутация.

— Чего он хотел-то? — Я полезла внутрь пресса, чтобы собственноручно пощупать цилиндр и убедиться, что он достаточно плотно и гладко входит в бочку.

— Да так, интересовался твоим здоровьем, — хмыкнула Берта, сверкнув золотыми зубами. Вообще, старушку она играла виртуозно, у нее даже моторика движений менялась, когда женщина надевала на себя этот образ.

— С чего вдруг? — довольно безразлично удивилась я.

— Ну, наш новый партнер — очень вежливый человек, к тому же на его родине много различных церемоний в общении между людьми. И существуют определенные правила, по которым следует действовать в том или ином случае.

— А я тут при чем? — Мысли со вполне рабочего (да чего там, вообще отлично сделанного) пресса съехали обратно к делам на пирсе. Там еще предстояло разбираться со множеством мелочей, прежде чем все наладится. Например, предстоит утрясать вопросы с поставками морепродуктов, а также с моими рецептами всяких разных маринадов и панировки. Отдавать это в руки сестричек просто так — при всем моем уважении, не ко мне. Значит, если Умина племянница остается пока просто моей наемной работницей, всю работу по подготовке полуфабрикатов нам придется по-прежнему выполнять самим. А ей и

потом второй девушке привозить по утрам готовые к жарке щупальца, пальцы и прочих моллюсков. С одной стороны, маленькая осьминоголовная артель Яня не лишится работы. И все мои рецепты пока при мне. С другой — как-то сомнительно, что у меня появится больше времени на отдых, учитывая работу в шоколадном цехе. Как было две смены, так и останется.

— Говорю, явно свататься к тебе собрался бравый капитан, вот и действует по своим тамошним правилам, издалика заходит, — вдруг громко сказала прямо над самым моим ухом Берта. — Ты что, так от новости ошалела или просто задумалась о чем-то и меня не слушаешь?

Глава 42

Слава всем богам, кажется, Берта пошутила. Во всяком случае, интерес диснеевского капитана пока не шел дальше вежливых расспросов о погоде и настроении, когда он лично привез мешки с бобами в наш будущий шоколадный цех. И мне вообще показалось, что парню больше любопытно, что мы такое собираемся делать с прорвой «аптекарского» сырья.

А я была рассеянна. В последние дни у меня все время перед глазами стояло растерянное лицо Лиу и то, как за его спиной какая-то вражина проклятая медленно поднимает арбалет.

Это было мучительно. Потому что по ночам он мне тоже снился, и уже как-то совсем неприлично. А днем я за него боялась.

Потому что не дура, уже сопоставила все, понятно стало, кто такие солнца Юнрена. И примерно даже догадалась, куда улетела прорва магии из прабабушкиного дневника, а может, и из меня, что сон на два года дольше длился, чем мы рассчитывали.

Оставалось только раскрыть уши и слушать сплетни. И вот они не успокаивали, потому что весь город только и трещал, как старшее солнце решило не просто в порту порядок навести, но еще и Ракушки потряхнуть, а то совсем оборзели, уже чуть ли не на улицах девиц хватают.

И вот последний подвиг, по всеобщему мнению, одним покушением не закончится. Наверняка бедное молодое солнце постараются убрать, потому что уж больно высокие покровители у Ракушек и слишком большие деньги там крутятся, а кроме денег — еще и возможность потешить самые грязные фантазии сильных мира сего.

Умом я понимала, что все равно ничем толком не смогу помочь. И самое правильное — сидеть тихо, копить деньги и присматривать корабль до колоний. Потому что, чую, после явления «небесного посланника» с моим лицом недолго осталось ждать, пока Картахелию решат навестить лично их светлости. И вообще непонятно, кто хуже и опаснее для Лиу и остальных миньонов — мафиози из Ракушек или

герцоги, которые поймут, что принцесса жива и правило первого вассала никто не отменял. Да, Раймон не сможет убить Лиу, но есть еще и Джейнс. И есть остальные мальчишки.

Умные мысли, правильные мысли. Ага.

Только вот почему они никак не могут заглушить голос в голове, который мечется в черепной коробке, как коза Королева на привязи, когда видит, что Крон несет жгут подсоленного сена к кормушке?

Этот голос интересный такой, сволочь... и громкий. И еще немного — я его послушаю. Брошу все и пойду в центр города к резиденции солнц, чтобы... чтобы откуда-нибудь из переулка подглядеть, все ли с ними в порядке. А что? Выходят или, там, выезжают же они из резиденции по делам? Вот и посмотрю... издалека.

Навязчивое желание так меня достало, что я на полном серьезе, глядя в жернов, измельчающий какао-бобы, стала представлять себе, в каком именно переулке лучше всего спрятаться, как одеться, чтобы выглядеть незаметно, и на каком расстоянии мне будет точно понятно, что с Лиу и остальными все в порядке.

Очнулась, только когда весь мешок, засыпанный в воронку, с тихим шелестом осел в бадью для порошка, а в голове немного прояснилось от мысли: сейчас я тут намозгую маскировку, полезу осуществлять задуманное и как раз попадусь на глаза тем, кто наверняка теперь бдительно выискивает странности вокруг солнц. Примут за наемного убийцу, а там дальше доказывай, что ты беспокоилась.

А докажешь — еще хуже ведь будет.

Короче говоря, почти две недели я с собой справлялась. Сжала зубы и отрывалась во сне: черт с ним, если этот засранец мне снится в таком назойливо неприличном виде — сам виноват. Я женщина взрослая... в смысле — половозрелая. Насиловать не буду, но хоть зацелую так, чтобы на ногах не стоял.

Временно помогло — после таких снов я днем ходила как сомнамбула в шоколаде, мечтательно улыбалась и попыток сбежать с производства на поиски реального миньона не предпринимала.

А потом почему-то этот сексуально озабоченный анабиоз перестал действовать. Вот вроде все хорошо — на улице сезон дождей, крокодил, в смысле кальмар, не ловится, не растет кокос, а мы с голоду

не помираем, даже то, что на пирсах, наконец, тоже наступил мертвый сезон, не страшно: жирка поднакопили за лето, плюс мое жалованье в цеху, где полным ходом готовится первая партия ореховых трюфелей на продажу — пробная разошлась в качестве рекламной акции по своим и уже вызвала ажиотаж в узких кругах.

Крышу мы перекрыли, Крон постарался на славу, утепляя дом, устроил водоотводы от стен, чтобы они не сырели, наплел из тростника циновок, так что даже земляной пол больше не охлаждал пятки. Учил Яня плотничать — поскольку шторма временно разогнали пацанскую артель по домам, наш хозяйственный братец решил, что самое время обзавестись мебелью и заодно воспитательным приемом под названием «шоб не шлендрал попусту, а то или штаны порвет, или синяков насобирает. Дело такое, пацанячье... а одежда и сапоги у нас не казенные, по лужам валять».

Девушки мои тоже без дела не сидели, я сшила им кривобокеньких кукол с глазами из деревянных пуговиц и волосами из распущенной половой тряпки — так восторгу не было предела. Теперь они самостоятельно обеспечивали «детям» гардероб из обрезков на зависть всем окрестным ровесницам и тоже были полностью счастливы.

Идиллия. Полная. С запахом орехов, ванили и шоколада.

Кто бы мне сказал, какой лысой брюквы меня из этой идиллии таки понесло в центр города шляться по мокрым переулкам?

Спасительница нашлась, брюкву мне... во все места. Ну не идиотка? Полная же. А что делать? С каждым днем напряжение становилось сильнее, в груди словно ворочался тяжелый горячий булыжник, который рос как на дрожжах. А вдруг это то же самое предчувствие, что накрыло меня тогда, во время первого покушения?

Эта мысль меня добила. Единственное, на что хватило мозгов, — переодеться. Ну да, ну да. Опять в парня — да просто потому, что так удобнее затеряться на фоне серых мокрых стен, и драпать в случае чего в штанах сильно сподручнее, чем в юбке.

Сначала я просто прогулялась в центре — несмотря на дождь, здесь было по-прежнемулюдно, работали лавки, трактиры, на одной из площадей обнаружился театр. В толпе было спокойнее; даже не нацепи я картуз Яня и не умотайся шарфом по самые брови, все равно никто не обратил бы внимания на еще одного зеваку.

Но меня беспокоило то, что за все время моих прогулок — а я все же не удержалась и побывала там дважды, причем в такое время, когда богатые и сильные города сего обычно разъезжают с вечерними визитами, — я так и не видела, чтобы из особняка, принадлежащего теперь солнцам, выехал кто-то из близнецов. А еще я слушала разговоры и из них узнала, что не только мне так «повезло». Близнецов давно не видели окрестные лавочники и завсегдатаи двух таверн, торговли цветами и прочие постоянные обитатели центра.

Запоздало дошло: а так ли хорошо я защитила своего миньона тогда на пирсе? Вдруг в него все же попали, он там лежит умирает, а для широкой общественности развернута масштабная дезинформация?!

Глава 43

— Сестра, с тобой все хорошо? — однажды утром спросил встревоженный Крон.

— Да вроде, — рассеянно отозвалась я, пальцами разбирая спутавшуюся за ночь косу. — А почему ты спрашиваешь?

— Ну... — Названный братец посмотрел на меня очень внимательно, потом оглянулся на отчего-то притихших детей. — Ты разговариваешь сама с собой, уходишь на работу и возвращаешься оттуда уставшей и несчастной, а еще вот.

Тут Крон коварно вытащил из-за спины до зеркального блеска начищенный бронзовый поднос, который как-то купил у старьевщика в непотребно исковерканном состоянии и неведомым мне способом привел в порядок.

Настолько привел, что теперь мое отражение глядело на меня из полированной бронзы и моргало. Ровная поверхность почти не искажала линий, но от этого не было легче. Потому что там отражалась не я, а какое-то замученное привидение с обветренными губами и безумным взглядом ввалившихся глаз, оттененных темными кругами. Как есть панда из концлагеря.

— А еще ты разговариваешь во сне, — добил меня от порога Янь. — Много. И в основном какие-то глупости.

Я искоса глянула на Крона — угу. То, что Яню глупости непонятные, бывшему королевскому конюху — информация. Он-то понял, о ком я по ночам брежу. И что? Скажет вслух? Обидится? Выразит неодобрение?

— Беспokoюсь я, — вздохнул названный братец, отобрал у меня поднос и ушел в большую комнату, где у нас жили таз и умывальник, делать из отвара мыльного корня пену, чтобы побриться. — Как бы не заболела. Или чего похуже.

— Сам не хочу, да... — ответила я полузабытой фразой из старого фильма. А потом встряхнулась и тоже пошла умываться. Мне было о чем подумать во время этого процесса.

Чувствую себя последней кретинкой. Вот в один момент я нормальная, все осознаю и ужасаюсь от одной мысли, что придется опять гулять по дождливому городу и понимать, что ничем хорошим эти прогулки не закончатся.

А вот меня неожиданно штырит какой-нибудь мыслью о Лиу, или перед внутренним взором встают картинки с пирса, где у него окровавлено плечо... и все. Мозги словно выключаются, меня несет, как кипящее молоко из кастрюли.

А еще у меня отросли волосы. С того момента, как случился брюквец с покушением, они внезапно удлинились ладони на две и теперь почти доставали до талии. Не время ли задуматься, что за непонятная связь между этими событиями, учитывая покалывание искорок магии в прядях у виска, стоит мне отвлечься на что-то и погрузиться в себя?

Ох, как мне все это не нравится.

Ага, особенно хорошо я это поняла тем же вечером. Для разнообразия сегодня не было дождя, и на западе среди серой ватной осени ехидно скалилась узкая алая полоска чистого неба.

Я смотрела в эту гаснущую улыбку и понимала: ехидство адресовано персонально мне, потому что я снова стою в переулке рядом с резиденцией солнц и все никак не могу понять, какой брюквы я здесь забыла.

Это в последний раз. Я сама себе дала слово, прежде чем пришла сюда: это в самый-самый последний раз. Потому что нельзя же так сходить с ума. Я взрослая женщина, в конце концов, у меня ответственность... и все такое прочее. И мозги! Должны быть. В теории.

Впрочем, уже через секунду эти размышления растаяли в вечерних тенях. Ворота резиденции открылись, и из них выехали два всадника. Я шарахнулась за угол, но это не помешало мне разглядеть близнецов. Ага... оба на месте, оба живы. Живы!

Значит, я зря волновалась? Можно идти домой, выдохнуть и забыть уже про эту добровольную вахту у чужих дверей?

Как бы не так. О том, что спокойствие от меня убежало далеко и надолго, я убедилась уже через секунду. Когда стало понятно, что братья не просто так выехали из резиденции, а вовсе даже устремились навстречу приближающейся по центральной улице

карете. Они проехали примерно половину пути, прежде чем поравнялись с экипажем. Короткая заминка — и парни встроились в эскорт, сопровождающий вызолоченную коробочку на колесах.

У меня совершенно по-настоящему встали дыбом волосы под шапкой. То самое острое чувство взгляда в спину нахлынуло волной. А потом... потом из кареты выбрались какие-то люди — то ли слуги, то ли телохранители, а вслед за ними на чисто выметенную мостовую центральной площади ступил Раймон. Собственной персоной.

Что-то сказал спешившимся и учтиво поклонившимся ему близнецам, а потом вдруг резко обернулся и прищурился ровно в тот переулок, за углом которого я практически не дышала.

Я даже зажмурилась на пару мгновений и замерла, стараясь не шевелиться, хотя Раймон ну никак не мог видеть меня сквозь стену. А когда выдохнула и все же осторожно выглянула из переулочка, герцог уже разговаривал с кем-то из свиты и в мою сторону не смотрел. Уф-ф-ф!

Ладно, я увидела все, что могла. И даже то, чего не хотела видеть, но хорошо, что получила своевременное предупреждение: Раймон в городе.

Ну понятно было, что покушение на Лиу и явление «небесного посланника» мимо наших светлостей не пройдет и кто-то да явится. Но вот теперь я знаю точно и все свои прогулки по центру прекращаю. Тем более что с Лиу все в порядке, а взгляд в спину... есть у меня подозрения, откуда он берется.

Я даже вздохнула с неким облегчением. Ситуация прояснилась. Здесь Раймон, он прямая опасность для меня и для Лиу, значит, прочь сомнения и метания. Да, точно. А то я себя уже до такого маразма довела, что почти готова... Все, ерунда. Этого никогда не произойдет.

Я еще раз осторожно выглянула. Убедила себя, что просто оценю диспозицию и посмотрю... в последний раз. А потом сразу разворачиваюсь, иду домой и выбрасываю из головы весь этот странный дурдом вместе со снами и прочими грезами.

Раймон все еще стоял у кареты и разговаривал с каким-то упитанным и очень красным от волнения чиновником. Герцог вполне благожелательно улыбался, а толстячок в ответ на это только еще больше потел и краснел, не смея даже утереть пот со лба платком.

А вот миньонов в свите герцога уже не было. Видимо, ушли за ворота, чтобы приготовить там горячую встречу Раймону. Ну все правильно.

Я длинно выдохнула и развернулась, чтобы уйти. Самое время, поэтому...

Рука, тяжело опустившаяся мне на плечо, и резкий рывок в сторону оказались полной неожиданностью. Я даже вскрикнуть не успела, как мне закрыли рот и нос горячей ладонью, а возле уха прошептали:

— Веди себя тихо.

Глава 44

Тело отреагировало прежде, чем я вообще сообразила, что происходит. Но отреагировало весьма странно: вместо того чтобы отбиваться, вдруг расслабилось, окунулось в знакомое и будто забытое тепло и растеклось по нему.

Здрасьте, приехали.

Впрочем, чего я ожидала... допрыгалась, идиотка.

Не зря близнецов уже не было у кареты герцога, не зря. Потому что как минимум один из них сию секунду тащил меня прочь от площади в какую-то подворотню. А я даже не пыталась вырваться или заорать.

Далеко мы не ушли, остались буквально в двух шагах от кареты, но за надежными стенами чьего-то чужого двора. Едва мы вошли туда, как меня отпустили. Едва ли не оттолкнули, можно сказать. К стене.

А потом все стало слишком похоже на то, что творилось в сне: широкие плечи и зеленые глаза заслонили весь мир, потому что кое-кто здоровенный навис надо мной, упершись руками в кладку по обеим сторонам от моей головы.

— Ты! Это же ты! Юль, это же ты! — Удар кулаком в стену оказался для меня малость неожиданным. Отозвался горячим всплеском какой-то ненормально сладкой злости в районе солнечного сплетения.

— Не ори. Если не хочешь, чтобы на этот раз я умерла по-настоящему.

— Я не ори? Я?! — Он все же именно орал. Но шепотом. — Ты... Ты!

А потом перестал орать. Наклонился, впечатал меня в стену и поцеловал. А я... а я, кажется, слишком привыкла целоваться с ним во сне, потому что опять не пыталась вырваться, наоборот, довольно зло поцеловала в ответ. И еще раз. И еще.

В ушах звенело, перед глазами плавали зеленые круги, а сырой осенний воздух казался раскаленным.

Еще поцелуй, еще... и резкий толчок ладонями в грудь, чтобы его откинуло от меня на полшага. Точнее, он сам качнулся назад, позволяя мне дышать.

Я была ужасно зла. На него, и на себя, и вообще на весь свет. Эта злость кипела, как расплавленная карамель, медленно и вязко, но так горячо, что было больно дышать.

— Ваше сиятельство! — заорали вдруг где-то за стеной, на улице. — Ваше сиятельство? Кто видел его сиятельство? Его светлость желает...

Р-р-р!

Так и знала, так и знала же! Дура...

— Куда?! — мгновенно отреагировал Лиу, перехватывая меня за талию и прижимая так крепко, что я едва не вскрикнула.

— Отпусти. — Голос, вопреки желанию дышать огнем, прозвучал спокойно и почти холодно. — Быстро.

— Нет.

— Тогда ты умрешь.

Угу, напугала. Хоть бы дрогнул...

— И я умру.

Он выдохнул возле моего уха длинно и почти со стоном.

— Отпусти. Если не хочешь мне зла. Да отпусти же наконец! Ох...

Руки на талии разжались, и я сразу отступила вглубь двора, в спасительные сгущающиеся сумерки. Кажется, здесь есть второй выход, как удачно.

Я не собиралась оглядываться. Но оглянулась. А потом обреченно застонала, сунула руку в карман, выхватила оттуда аккуратно сложенную восьмушку писчего листа и быстро сунула за обшлаг рукава его камзола.

— Завтра после заката.

И сбежала. И никто не пытался меня задержать, вот чудо... Впрочем, нелогичных чудес вокруг меня в последнее время столько, что еще одно погоды не сделает. Ведь я сама, совершенно не собираясь никак показываться миньонам на глаза, твердо веря, что это моя последняя глупая прогулка по краю собственного инкогнито, все же носила в кармане дурацкую бумажку, на которой было написано:

«Восточный пригород, за цикориевым пустырем, три скалы на берегу».

Я плохо запомнила, как добиралась домой. Зато когда добралась — меня никто ни о чем не спросил, все как-то срочно сделали вид, что ничего не происходит. У них плохо получилось. Это было понятно хотя бы по тому, как быстро кинулся заваривать мне какао Янь, как засуетился с горячими лепешками Крон, Майю подхватила меня под руку, как старого инвалида, и оттащила к столу, усадив там на свежепроизведенный табурет. А Сиона, которой дела не досталось, подумала и сбегала во двор, притащила мне... козленка. И сунула в руки — обнимай, мол. Он теплый, меховой и вообще антистрессовый.

М-да, надо что-то делать со своим выражением лица, эдак скоро меня в кровать утрамбуют и привяжут к ней одеялами. Заботливые домочадцы...

Но я согрелась и уснула на удивление быстро. И в эту ночь мне не снилось никаких снов, ни плохих, ни хороших. Ни зеленоглазых.

Зато следующий день тянулся бесконечно. Не знаю, чего я ждала. То ли налета герцогской гвардии на шоколадный цех, то ли нашествия миньонов на наш маленький домик на окраине. То ли просто вечера и возможности сбежать на три скалы за чертой города. Эти каменные пальцы торчали у кромки прибоа довольно далеко от нашего с детьми дома, так что можно было не бояться привести с собой опасность к ним, но...

Когда я наконец, снова передевшись в мальчишескую одежду, осторожно подплыла на корыте к центральному «пальцу» со стороны узкой бухты, в которой никогда не было серьезного волнения, даже в осенние шторма, сердце колотилось о ребра так, словно пыталось их проломить и выбраться на свободу.

А что, если меня там ждут... не миньоны? Точнее, не один миньон? А с другой стороны — с какой стати им меня выдавать? Ведь есть же еще клятва. Ее никто не отменял.

Но прошло пять лет. Пять. Хотя как я считаю? Уже шесть... И в их жизни наверняка были другие клятвы.

Я доверяла Лиу. Несмотря на то что минуло столько времени, в течение которого он мог измениться, мог стать другим человеком, я ему все еще доверяла. И все равно осторожничала, на всякий случай готовясь к самому плохому.

И кто бы мне объяснил, какой лысой брюквы тогда я все же полезла на центральную скалу, вместо того чтобы паковать все заработанные деньги, Крона и детей, грузить на первый попавшийся корабль и плыть за горизонт в любую сторону?

На вершину скалы со стороны моря вела почти «секретная» тропинка, которую мне показал Янь. Ну как тропинка — цепочка почти незаметных выступов, площадок и трещин. Взобраться по ним было делом пяти минут, зато сверху очень хорошо просматривался пустырь и берег в обе стороны.

Если Лиу приведет за собой хвост, я его замечу. Надеюсь...

Солнце мочило круглые румяные щеки в заливе, как в блюде с чаем, было похоже, что оно сыто отдувается и блаженно щурится из-под низко нахлобученной облачной шапки. На пустыре стрекотали как ненормальные последние в этом году кузнечики. А больше никого не было.

Когда мне на плечи опустились теплые руки, я уже даже не удивилась.

— Тоже с моря подобрался? — спросила я, не оборачиваясь. Оказывается, это тепло я могла узнать не глядя.

— Ага, — прозвучало так знакомо, с теми же интонациями. Как и не было никаких шести лет.

И больше он ничего не сказал, просто развернул меня лицом к себе и поцеловал.

Опять.

Глава 45

— Стой, да подожди же ты! — Я с трудом вдохнула немного воздуха. С ума сошла... это же не сон, чтобы так себя отпускать. Это наяву. Значит, надо быстро-быстро собрать осколки того, что когда-то было разумом и силой воли, а потом напрячься и вспомнить, где я нахожусь. Хватит думать, что никакого мира вокруг вообще не существует.

Что со мной такое? Откуда?

— Лиу! — Я уперлась обеими руками ему в плечи и с трудом отодвинулась на пару ладоней. С трудом, потому что мне приходилось скорее себя заставлять от него оторваться, чем наоборот.

— Что? — Совершенно шалыми глазами он смотрел на меня, и от этого взгляда у меня внутри все плавилось и норовило выплеснуться искрящейся пеной в новый поцелуй. Волосы, как живые, снова выскользнули из-под натянутой поглубже Яневой шапки и заискрились по плечам, покалывая и щекоча почти незаметными серебряными искрами.

И это меня вдруг отрезвило.

— Хватит. — Я еще крепче уперлась в него ладонями и оттолкнула. — Ты хотел поговорить? Давай поговорим.

Лиу тяжело дышал и смотрел мне в лицо. Закусил губу, но его руки соскользнули с моей талии, и он послушно отстранился. Немного совсем, но этого хватило, чтобы я снова могла думать.

— Хорошо, давай. — Он кивнул, будто бы с трудом, и огляделся. Потянул меня в сторону довольно удобного скального уступа, стряхнул с плеч плащ, постелил и усадил.

И сел рядом. Какое-то время мы молчали вместе, глядя в темнеющую чашу моря.

— Почему ты тогда ушла? Почему так?.. — Лиу тяжело переглотнул, и в его голосе послышались отголоски то ли боли, то ли злости.

— Так было нужно. — Я пожала плечами.

— Кому нужно?!

— Мне, кому же еще. — Я развернулась и посмотрела на него. Холодные искры серебра стекали с волос на плечи, и эти ледяные иглы на сей раз помогали сохранять ясность мыслей.

— Что тогда вообще произошло? — после паузы спросил мужчина. Да, мужчина, пусть и молодой. Хоть тресни, но я больше не могла воспринимать его как мальчишку. Даже как парня не могла. Мужчина, и все. — Ты... ты приходила в конюшню после... когда мы с Силье там лежали? Приходила же?

— Приходила. — А чего отпираться? Ему полшага осталось до разгадки. Не сегодня, так завтра. Но я не знаю, как самой ему все рассказать, и из-за этого на саму себя и злюсь. И думаю — а может, все же не стоит? Может, это знание опасно? Что он предпримет, если поймет?..

— Зачем?

— Что значит — зачем? — Я удивленно взглянула на него.

— Если ты решила уйти так, чтобы мы тебя не искали, то зачем прощалась?! Ты хоть понимаешь... — Он с силой стукнул кулаком по камню, на котором сидел, и длинно выдохнул. — Почему?! Если решила уходить, почему не позвала с собой нас, почему забрала этого... этого... почему?!

— Потому что так было нужно. Мне, — чуть жестче, чем хотелось бы, ответила я. — Я не собиралась брать вас с собой. Да и куда? Я уходила в пустоту, в неизвестность. А вы оставались там, где безопасно и надежно.

— Вот как... ладно. Это не имеет значения, — вдруг сказал он, встряхиваясь. — Это было давно. Сейчас важно другое. Что мы будем делать теперь? Ты вернешься ко мн... к нам?

— Нет, конечно. — Я пожала плечами, хотя внутри что-то болезненно сжалось. — Лиу! О чем ты? Думаешь, я просто так бежала в никуда, инсценируя свою смерть? Думаешь, развлекалась так? И теперь спокойно вернусь как ни в чем не бывало? Ну головой-то думай! — И замерла, потому что обнаружила, что стучу указательным пальцем по его лбу — точь-в-точь повторяя движение, которым вразумляла своего миньона на кухне пять лет назад...

Он тоже замер. Пару минут мы оба, кажется, не дышали.

А потом Лиу встал, и я едва не взвизгнула, оказавшись спеленутой в его плащ, как куколка шелкопряда.

— Ты что делаешь?!

— Если ты делаешь то, что хочешь, и не намерена объяснять почему, я буду поступать так же, — спокойно так, веско сказал первый миньон. — Хватит бегать. Мы идем домой.

— Лиу! — Я так разозлилась, что умудрилась прорычать его имя, при том что в нем не было ни одной подходящей для рыка согласной. — С ума сошел?! Поставь меня!

И поскольку он и не подумал слушаться, разъярилась окончательно. Муравейник на голове ожил, искры били колко и почти больно, когда я четко, отдельно и медленно проговорила:

— Поставь. Меня. Я приказываю.

Серебристая метель взметнулась вокруг нас, оседая инеем на черные камни. Она кружилась и едва слышно шелестела, путаясь в волосах у него и у меня — одинаково. Холодила кожу, покалывала лицо, чувствовалась морозным привкусом на губах.

И эта метель особенно зло крутилась вокруг рук, которыми меня сжимали. Поэтому, когда руки разжались и мои ноги снова коснулись скалы, а Лиу замер, бессильно опустив плечи, подчиняясь магии серебряной крови, ниточка, на которой висело мое сердце, оборвалась. И оно упало.

Значит, все верно. Значит, это магия. Он не может сопротивляться прямому приказу, а также... Он консорт, я последняя носительница чистой крови в этой стране. Нас тянет друг к другу, тянет с такой силой, что мозги вскипают и отказывают. Но это всего лишь магия.

— Почему ты не хочешь вернуться? — усталым и немного чужим голосом спросило зеленоглазое наваждение. — Почему?! Тебе наплевать на ме... на нас?! Тебе все равно, что мы чувствуем, что с нами происходит? Ты хоть понимаешь, как мы... как нам было, когда... Но тебе всегда было наплевать, да?

— Нет! — зло рявкнула я в ответ, одновременно пытаюсь поймать падающее в пустоту сердце. Даже невольно положила руку на грудь — чтобы почувствовать пальцами, что оно еще здесь и бьется. — Мне не все равно! Именно поэтому я ушла и не вернусь!

— Тебе угрожает какая-то опасность? — совсем нелогично спросил вдруг он, словно осененный какой-то мыслью. — Тебя попытаются убить? Кто? Раймон? Джейнс?

— Да нет же. — Я устало вздохнула. — Мне если что и угрожает, так это скорое и безжалостное замужество. А убьют вас. Тебя, твоего брата, возможно, мальчишек. Если я вернусь, убивать будут вас.

Лиу застыл, словно серебряная метель вернулась и заморозила его, превратив в ледяную статую.

— Твою мать! — сказали вдруг где-то рядом. Буквально в двух шагах.

Я вздрогнула и резко обернулась. Из-за скалистого уступа, сбросив с головы странный полупрозрачный плащ, которым он укрывался, вышел Силье. Посмотрел на брата, покусал нижнюю губу в ответ на яростный взгляд — кажется, Лиу тоже не ожидал появления собственного близнеца. А тот уже опять повернулся ко мне.

— Вот, значит, что произошло, — сказал он после короткой паузы. — Вот, значит, как... Мог бы и раньше догадаться. Приветствую, ваше высочество. Простите моего брата, у него от любви слегка повредился разум, и он не может сопоставить несколько фактов.

— Если бы, — я грустно вздохнула, — если бы от любви. Это было бы и хуже, и лучше одновременно. Но это просто зов. Магия серебряной крови.

Глава 46

— Все дело в той клятве? — Силье склонил голову к плечу и смотрел на меня очень-очень внимательно. У него было непонятное выражение лица, я никак не могла определить, то ли ему хочется меня придушить, то ли обнять, то ли вообще что-то третье. — В той глупой детской клятве, которую ко всему прочему я же и спровоцировал. Блеск! — И тут он засмеялся.

— Мы принесли ее до того, как... — очень медленно проговорил Лиу. Мелькающие в зеленых глазах тени облаков мешали мне разглядеть, что в них еще отражается.

— Да, — кивнула я, отступив еще на полшага, к самой кромке скалы. — Именно. Вы все принесли мне личную клятву верности раньше, чем наши герцоги сообразили, как устроить спектакль. Кстати, было странно и даже забавно играть роль самозванки, которая играет роль меня.

Братья какое-то время молчали. Потом Лиу спросил чуть охрипшим голосом:

— А что с магией? Зов крови?

— Тебе не казалось странным еще тогда, на кухне, что так тянет к мальчишке-поваренку? Ты же меня ревновал как девицу, и не только к герцогу, но вообще ко всем. — Я снова посмотрела на узкую оранжевую полосу горизонта. Солнце уже село, но его отсвет еще делил море и землю на две равные части.

— О да! — очень эмоционально подтвердил Силье, поднимая глаза к небу.

— Нет, — одновременно с ним, коротко и как-то слишком спокойно качнул головой Лиу. А потом спросил: — Раймон знал, что ты девушка?

— Нет, он догадался слишком поздно, — пожала плечами я. — Во всяком случае я этот момент не застала, но думаю, он все же сопоставил некоторые факты. Тот самый зов крови, который заставлял его меня лапать, а потом и целовать так, что, если бы не Джейнс, который его едва от меня отодрал, боюсь, все кончилось бы плохо. Он

себя совершенно не контролировал. И, Лиу... ты тоже. Сейчас происходит именно это. На самом деле я тебе не нужна. Это все дурацкая магия.

— Ты так думаешь? — Нет, вот с чего он вдруг так резко успокоился? Чуть ли не улыбается стоит.

— Я это знаю. Знала еще тогда. Как и то, что зов точно так же бьет по Раймону и он, кроме власти, которую получил, может захотеть просто меня. А на пути ко мне стоишь ты и остальные миньоны. Стояли тогда и стоите сейчас.

— Ты консорт, братец. — Силье изобразил местный вариант фейспалма. — Охренеть.

— Да, примерно это слово я все время и произношу, когда думаю о том, что случилось, — невесело хмыкнула я. — Раймон не убил вас тогда потому, что я умерла и Лиу перестал быть консортом. К тому же я отдала герцогам власть через ритуал, завязала на них камень рода, подтвердив их право. И до сих пор, кстати, не знаю, что они всем сказали по поводу того, куда делась сама принцесса. Те слухи, что ходят по городам и весям, доверия не внушают. Поскольку вряд ли кто-то чуть менее легковверный, чем крестьяне, согласится с тем, что ее высочество «вознеслась» на небо живой после долгого уединения.

— Принцесса умерла после болезни, передав дар серебряной крови двум своим первым вассалам, — кивнул Силье. — Если бы ты не отдала им власть над артефактом, с таким объяснением оба наших герцога уже кормили бы земляных червяков. Но против силы серебряной магии особо не попрешь — ты ведь вместе с властью передала им всех вассалов, что присягали тебе. Этого хватило, чтобы за пару лет задавить всех, кто был недоволен.

— Обошлось без гражданской войны — и уже хорошо. — Я попыталась собрать рассыпавшиеся волосы в узел на затылке и снова спрятать их под Янев колпак. — В любом случае принцесса умерла и возвращаться не должна.

— Я одного не пойму: почему Раймон не придушил моего брата после того, как ты подстроила свою смерть. Нет, правда! Он перестал быть консортом, но оставался первым вассалом прежней наследницы, к тому же... Так, погоди. Наша магия начала просыпаться после той пор... после того случая. И нас отправили учиться владеть ею в Юнрен. Магия пробудилась, потому что ты...

— Потому что вы были бастардами какого-то дворянского рода и без меня, — удивилась я. — При чем тут тот случай?

— В совпадение верится с трудом, — пожал плечами Силье. — Если в нас магия и была, она спала. Клятва или твоя смерть, но что-то из этого пробудило наследие. И какого демона нас отправили учиться, вместо того чтобы тихо придушить в уголке?

Я на несколько секунд зависла. Да, я всегда не любила политику, но это не значит, что я плохо знала историю. А еще я, как мне кажется, неплохо узнала людей за свою первую жизнь. И вот это знание заморозило слова на моих губах на какое-то долгое мгновение.

Если я расскажу, не получится ли так, что два брата захотят власть себе? Не случится ли то, чего я так не хотела пять лет назад, передавая силу своей крови двум заклятым друзьям?

Я верила, что Лиу это не нужно. Не знаю, откуда пришла эта вера, но она была. А вот Силье...

Я глубоко вздохнула и помотала головой.

— Ты взяла виру за свою смерть, верно? — это спросил Лиу, все еще не сводя с меня спокойного взгляда и чуть улыбаясь уголками губ. — За всех нас? Или только... за меня? И поэтому, когда мне угрожает опасность, почти сразу приезжает озверевший до последней степени Раймон и устраивает конец света всем вокруг и мне первому?

— Ну примерно, — вынужденно кивнула я. — Короче говоря, ни о каком моем возвращении речи идти не может. И... и нам стоит забыть друг о друге раз и навсегда. Все сложилось как нельзя лучше — у меня есть свобода, у вас... ваша жизнь. Вроде бы все неплохо в ней сложилось, верно?

— Не считая того, что мой брат... — начал было Силье, но Лиу остановил его одним движением руки. И близнец послушно замолк.

— Я понимаю, это грустно, — вот ни разу не соврала. Хотя, наверное, несколько преуменьшила — было не грустно, было больно. — Но этот дурацкий магический зов действует, только когда я рядом. Стоит мне исчезнуть — и всем сразу станет легче. Как и в прошлый раз.

— Но... — снова попытался выступить Силье и снова заткнулся, повинувшись на этот раз просто одному быстрому взгляду брата.

— Я постараюсь все уладить. Мне нужно не так много времени, чтобы... уйти из этого города. Вы сможете жить здесь нормально и

спокойно. Вместе с остальными мальчишками. Я не стану во второй раз рушить вашу жизнь. Вы отлично справились, и... пусть и дальше все будет хорошо.

Я шагнула к козьей тропке, по которой взобралась на скалу. Оглянулась на Лиу. Улыбнулась, хотя губы противно дрожали.

— Нет ничего хорошего в том, чтобы быть под властью какой-то там магии и не иметь возможности сопротивляться. Особенно в таком деле, как чувства. Я не хочу этого для себя, а для тебя не хочу еще больше. Я...

— Понимаю. — Лиу не сдвинулся с места. И он, как мне казалось, тоже улыбался, просто почти незаметно. Это было странно. Но время уходило, и я решила оставить его странности ему. Взрослый мальчик. — Не спеши бежать. У тебя есть время. Я не стану тебя преследовать для того, чтобы вернуть, и другим не позволю. Не торопись. И если позволишь... я хочу увидеться еще раз. Последний.

Глава 47

Силье молчал почти до самого дома. Только когда близнецы уже шли узкими переулками к боковой калитке, через которую незаметно можно было попасть в резиденцию, коротко спросил:

— И что? Вот так просто отпустишь ее?

— Да, — спокойно кивнул Лиу.

— Я всегда подозревал, что ты чокнутый, но чтоб настолько... Тогда какого демона ты пять лет морочил мне голову со своей больной любовью?

— Как выяснилось, ни капли не больной. — Лиу открыл калитку своим ключом и пропустил брата вперед.

— Вся эта сказка про зов серебряной крови тебя не убедила? Или ты тоже решил, слава всем небесам, что хватит с ума сходить, с глаз долой — из сердца вон? Раз это все ненастоящее и...

— Нет, не решил. — Старший из близнецов остановился на тропинке среди густых кустов, тронул рукой в перчатке слегка поредевшую листву. — Этот зов не имеет ко мне никакого отношения. Я уверен в своих чувствах.

— С чего вдруг?! — поразился Силье, послушно притормаживая рядом. — Ты ведь слышал, что сказала... принцесса. Ей лучше знать. Нам-то особо этот раздел магии не преподавали. И я теперь думаю, что неспроста эту тему обошли стороной.

— Слышал. — Лиу снова улыбнулся как-то будто бы внутрь себя. — И ты слышал. А я еще и сам читал кое-что. Зов серебряной крови не оставляет выбора. Ты не понимаешь, что творишь. Раймон не мог остановиться, пока его Джейнс не оттащил.

— Ой, да ладно! — махнул рукой Силье и скривился. — Раймон — герцог, ему ни одна девица не отказывала. Он просто не хотел останавливаться.

— Поэтому пытался завалить парня рядом с залом для коронации, в коридоре, где их в любой момент могли застукать? Не клеится. К тому же, когда Юль... исчезла, Раймон быстро успокоился.

— Ну-у...

— Все его бредни про «спящую красавицу» не в счет. Таскаться по фрейлинам они ему не помешали. Так вот...

— Так вот! — торжествующе воздел палец Силье. — Как раз тебя словно приворожили. Пять лет никаких девиц, одна учеба и подвиги! И стоны по ночам в подушку.

— Но если бы это был зов, меня бы отпустило, — возразил Лиу. — А потом накрыло бы снова, и я не смог бы противиться. И вообще, мне кажется, что кровь зовет только тело. Душу так позвать невозможно. Законы магии, помнишь?

— Ты консорт. Она приказала тебе отпустить, ты и отпустил.

Силье не то чтобы нарочно выискивал аргументы против доводов брата... а частично и нарочно. Очень уж ему, с одной стороны, хотелось покончить с этой историей безумной влюбленности. А с другой стороны — чувствовал: не все так просто. И покорно слушал, подыгрывал.

— Не-а. — Лиу тихо засмеялся, на мгновение став похожим на того мальчишку, каким перестал быть пять лет назад. Он поднял лицо к небу и прищурился на одинокую звезду в лохматой прорехе облаков. — Я ее отпустил потому, что сам так захотел. Она попросила. И испугалась. Поэтому я ее отпустил, а не по приказу какой-то там магии.

— Да ладно! Я же видел, как тебя той серебряной метелью за руки тянуло! — поразился брат.

— Тянуло, только не в ту сторону. Магия как раз вынуждала меня крепче держать и не отпускать ни за что на свете. Но это не мешало мне поступать по собственной воле. И не мешает впредь. Потому что никакого зова крови у меня нет. Я просто... влюбился еще тогда. По-настоящему. Еще толком ничего не понимая и сходя с ума из-за того, что считал Юля парнем.

— Да откуда ты можешь знать, что это не зов? — Силье лихорадочно соображал, как бы прочистить близнецу мозги. Он всей душой предчувствовал новые неприятности и совсем не радовался им. — Откуда?!

— Да знаю, и все. Мои чувства не зависят от того, рядом она или нет. Я могу остановиться, если она этого хочет. А еще... никакой зов крови не сравнится с тем, как она... целуется.

— О боги, избавь меня от подробностей! — Силье даже отступил на пару шагов. — Все равно неубедительно.

— Скажи мне, брат. А тебя не тянет к ней? — спросил вдруг Лиу.

Силье аж шарахнулся еще дальше в кусты.

— Да небеса сохрани! Только этого не хватало!

— А почему? В тебе ведь столько же крови и силы, сколько во мне. Тогда почему тебя не приворожило?

— Потому что я не консорт? — Силье ошутимо забеспокоился. Провел внутреннюю ревизию и выдохнул с облегчением: никаких нежных чувств к принцессе он в себе не обнаружил.

Скорее, там были другие эмоции: лучше бы уже сгинула с концами, доука эта! Или не лучше? Брат так и страдал бы всю жизнь... Ох, как все сложно!

— Раймон тоже не консорт, а его приложило. В отличие от Джейнса, кстати.

— Да ладно! Даже если у тебя... — Силье скривился, — любовь настоящая, принцесса уверена, что во всем виновата кровь, и замуж за тебя не торопится.

— Она не хочет возвращаться во дворец, — пожал плечами Лиу. — И я ее понимаю. Теперь, зная, кто она, я и сам не стану ее возвращать.

— И что тогда? — не понял близнец. — Будешь дальше страдать? Я тебя вообще не понимаю...

— Брат, — Лиу обернулся и посмотрел Силье прямо в лицо, — все очень просто. Если она не может вернуться, значит, я уйду вместе с ней.

Силье на несколько секунд буквально потерял дар речи. Потом со стоном схватился обеими руками за голову.

— Вот этого я и боялся... Ты идиот!

— Тебе вовсе не обязательно... — начал было Лиу, положив руку близнецу на плечо. Но Силье только зло зашипел, в свою очередь перехватывая его за запястья и встряхивая:

— Ты охренел?! Хочешь бросить меня? Вот так просто уйти?! Не выйдет!

— погоди, послушай, — вот теперь Лиу тоже заволновался, теряя эту свою просветленную отрешенность, от которой у Силье мурашки по спине бегали, — послушай! Мы столького добились. Я понимаю,

ради чего могу все это оставить. Если честно, мне никогда ничего этого не хотелось. Просто так надо было. А ты...

— А мне, можно подумать, больше всех надо! — выверился Силье. — И все равно... дать бы тебе в рожу, чтобы мозги на место встали. Куда ты собрался?! И кто тебе сказал, что она позовет с собой?!

— Я постараюсь убедить ее... и не стану ни к чему принуждать. Просто буду рядом. В конце концов она поймет, что ей и детям... будет безопаснее рядом с мужчиной, тем более если она решит уплыть куда-то в колонии.

— О небеса... а парни?!

— Как захотят. Могут остаться, могут пойти со мной... с нами.

— А... а наши дела?! Мы, между прочим, серьезные проблемы зацепили и...

— И раз взялись за Ракушки — с ними надо закончить, — кивнул Лиу. — Знаешь, теперь в чем-то даже проще будет. Мы осторожничали, понимая, что нам здесь еще долго жить. Зато теперь можем напоследок устроить хорошую чистку. — Тут он несколько кровожадно ухмыльнулся. — Не только среди мелкой сошки в самом квартале, но и среди их покровителей рангом повыше. А то некоторые забыли, чем обернется для них полноценная война с магом серебряной крови.

Глава 48

— Ну что, выходим на большой рынок? — Берта ради такого дела сама пришла в цех, сняла пробу с обоих видов конфет — с тех, в которые мы положили орехи, и с тех, что из чистого шоколада. На большее разнообразие я поначалу решила не замахиваться.

— Погоди. — Я прикусила губу, сосредоточенно перебирая страницы цветастой книжицы. В этом мире не додумались еще до каталогов бумажной продукции, но я подарила идею Берте, а дальше она уже сама расстаралась. И теперь гильдия бумажных дел прислала нам сшитые в одну брошюру образцы будущих фантиков и прочей упаковки. — Не годится... не то... краски яркие, а изнанка слишком рыхлая, смотри. Шоколад жирный, пропитает бумагу, и конфета потеряет всякий вид. Нужно использовать... хм, а вощенная бумага у гильдии есть?

— Думаю, есть, — кивнула Берта. Потом вдруг села напротив меня за стол, положила локти на столешницу и внимательно посмотрела прямо в глаза.

— Что-то сказать хочешь? Который день, вижу, все думаешь и думаешь. Боишься чего? Случилось что-то?

Я отложила брошюру с фантиками и пару секунд таращилась на свои руки, собираясь с мыслями. А заодно пытаюсь сообразить, с какой такой заковыристой брюквы моя жизнь свернула на дорожку любовных сложностей.

Решила ведь — зов серебряной крови. Магия. Наваждение. Ну и все — это как с наркотиками. Чем больше хочется, тем дальше надо бежать.

Вот собираюсь. И к разговору этому готова. Почти.

— Берта, если я скажу, что хочу продать тебе долю в этом предприятии... то есть отказаться от всех будущих процентов за одну большую выплату сейчас, ты как на это посмотришь?

— Скажу, что тут одно из двух: либо ты, подруга, рехнулась, либо собралась бежать. — Берта наклонилась ко мне через стол, и мне

показалось, что глаза ее как-то странно мерцают. — И второе правдоподобнее. Точно решила?

— Да. — В моем голосе не было нужной твердости, ну да и брюква с ней. Я могу сомневаться в себе сколько угодно, могу чувствовать миллион разных эмоций. Но головой понимаю: надо, Юля, надо. Бежать. И как можно дальше.

Я верю в то, что Лиу не будет меня ни к чему принуждать. Даже несмотря на зов крови (и вот тут странно... по идее, противиться ему невозможно, но мы оба справляемся, и что бы это значило? Так, даже думать не буду на эту тему!).

Так вот. Я верю Лиу. Я даже верю Силье, хотя в его глазах явственно читалось желание упаковать меня в подарочный мешок, всучить брату и запереть нас двоих в какой-нибудь башне. Ну или, как вариант, придушить, чтоб не мучились. Оба.

Я даже верю мальчишкам-миньонам, хотя за пять... да уже почти что за все шесть лет они так изменились, что от прежних поварят могло ничего не остаться.

Но в Картахелию приехал Раймон. И после того, как я тут на весь город светила серебряными посланниками небес, я не верю, что он приехал просто так или из-за покушения на одно из солнц.

— Я оставляю тебе всю технологию и еще несколько беспрюирышных рецептов на будущее, — начала я обрисовывать перспективы. — По фасовке кое-что подскажу и вообще поделюсь идеями. За это я хочу сумму, равную моему примерному проценту на три года вперед. Можем вместе подсчитать, но я уже прикинула, что это около трехсот золотых.

— Ого, насчитала! — ожидаемо вскинулась Берта. Ну, я и не ждала, что она сдастся без торга. — Ты думаешь, я тут за три года шоколадную империю построю?

— Зачем империю? — Я даже чуть улыбнулась уголками губ. Ей-брюква, спорить о прибыли и вытрясать из компаньонки лишней десяток-другой монет было интереснее и приятнее, чем думать о своих очень странных эмоциях. — Ты прикинь только, какой объем одна Картахелия даст уже через год! И это я не плюсюю сюда сейчас иностранных купцов, зуб даю, к следующей навигации подтянутся, от заказов будет не протолкнуться. Кстати, вздумаешь расширять производство — те прессы, что первыми пришли, больше не покупай.

Еще толком работать не начали, а у них уже резьба на рычаге стирается, максимум через полгода сорвет. Надо искать другого мастера.

— Да ты видела тот городок?! — не сдавалась Берта. — Того города от причала до окраины три шага! Откуда столько покупателей? Я уже про иностранных купцов молчу, что ж мне им, силой конфеты в рот пихать, чтоб распробовали? Или, скажешь, лично солнца будут каждый корабль шоколадом мазать? Двести, и ни монетой больше.

— Триста пятьдесят. — Я обрадованно потеряла лапки. — Про аристократию мы с тобой отдельно поговорим. Этим конфеты в фантиках не продавай, этим надо подарочные наборы сделать. Я тебе сейчас нарисую... как шоколадки в большой коробке раскладывать, чтобы красиво и экономно. Главное, блеска на крышку побольше и название придумать, желательное иностранное.

— Эка ты торгуешься не в ту сторону. — Берта азартно прикусила губу накладным золотом. — Двести пятьдесят!

— Сейчас я тебе еще про шоколадные фигурки расскажу, и станет четыреста, — пригрозила я. — Так что лучше остановимся.

— Нет, давай про фигурки, я уже согласна на триста. — У Берты разгорелись глаза. Даже не знаю, что больше ее радовало — будущие барыши или сам торг.

Когда мы обе выдохлись, Берта должна была мне астрономическую по здешним меркам сумму в четыреста восемьдесят два золотых. Два — это за Янев дом, очень хорошая цена. Зато у нее в перспективе маячило натуральное шоколадное королевство, а то и правда — империя, если она успеет захватить иностранные рынки до того, как заинтересованные лица все же разгадают рецепт. Или попробуют составить свой, что не так-то легко на самом деле.

— А теперь давай серьезно. — После того как мы подписали договор, Берта резко притушила азарт, с которым торговалась, и от нее повеяло чем-то таким... не опасным, нет. И не просто силой. Чем-то, от чего я сама подобралась, но не для того, чтобы защищаться. Просто сейчас будет серьезный разговор, и я нутром чую: узнаю много нового.

— От чего ты бежишь?

— Скорее, от кого, — вздохнула я. Нет, никакого рассказа не будет, Берте совершенно ни к чему моя настоящая история. Но вот совета у нее спросить можно.

— Понятно... — Моя собеседница вдруг отвернулась, сделала какое-то неуловимое движение рукой возле своего лица и волос, а потом снова посмотрела на меня. — Ну? Только не говори, что ты не разглядела мою маскировку. Это простые люди могут обмануться, а тебе кровь не позволит.

Я только молча покачала головой. Слова все куда-то подевались — и не сказать чтобы от изумления. Наверное, я подспудно ожидала чего-то подобного уже давно, слишком много было в Берте загадок, и загадки эти все время танцевали по краю моего сознания невесомо-узнаваемый узор.

Забавно, конечно. Словно смотрюсь в мутное и слегка искажающее зеркало.

Берта действительно была молода и не похожа ни на старуху — главу семьи торговков, ни на разбитную девицу, в образе которой она приходила ко мне на осьминожкой дегустацию.

Сейчас она была похожа на меня. Но не как отражение, а как дальняя старшая родственница, может быть двоюродная-троюродная сестра или тетка.

— Я правильно понимаю, ваше высочество, что вы, как и я когда-то, очень не хотите замуж?

Глава 49

— Мне повезло больше. — Берта потянулась за бутылкой и налила в хрустальный бокал еще на два пальца янтарной жидкости с запахом солнца. — Я никогда не была принцессой. Всего лишь породистой коровой без приданого, от которой ожидалось обильное и такое же породистое потомство. Серебряная кровь! И чтоб не вякала, когда родичи прикидывают, кому выгоднее продать.

Я только молча кивнула, пригубив обжигающий нёбо напиток. А что тут скажешь?

— Мне еще раз повезло, что стряпуха наша, мировая тетка, поскандалила с папашей, — хмыкнула своим воспоминаниям Берта. — Нет, она меня с собой не звала. Но когда обнаружила, что в телеге, на которой она уезжала из полуразвалившегося замка, одна корзина заполнена не тем, чем положено, гнать не стала. Переодела пацаном и взяла с собой. Хорошая тетка была... Бертой звали. — Она снова усмехнулась. — Почти двадцать лет прошло, как померла, а вспоминаю ее каждый день. Она меня всему научила. И да, ты правильно поняла, первой мамкой была именно она.

Я снова кивнула. Чувствовалось, что, несмотря на легкий хмель и достаточно откровенный разговор, посвящать меня в детали нынешняя Берта не особо рвется. А я не буду настаивать или расспрашивать. Меня вообще немного другое интересует.

— Как ты догадалась, кто я?

— Все та же магия серебра. В последнее время, сестренка, в твоей крови гуляет такой ураган, что не почувствовать его — это надо быть каменной.

— А ты вообще много знаешь про эту магию? — Я вдруг сообразила, что на прабабкином дневнике свет клином не сошелся, и раз уж Берта так хорошо разбирается в вопросе, то грех этим не воспользоваться. — И про зов?

— Не думаю, что знаю больше серебряной принцессы, — пожала плечами собеседница. Потом, после паузы, ее глаза расширились, и она посмотрела на меня потрясенно: — Но как?! Почему?

— Много причин, — ушла от прямого ответа я. И добавила почти правду: — Последствия не совсем правильно прошедшего ритуала, который я использовала для побега.

— Ах вот оно как... — Берта покусала губу и задумалась. — И что ты хочешь знать?

Я прикрыла глаза и минуты две молчала, собираясь с мыслями. А потом выдала весь ворох своих сомнений, дурацких снов и совершенно нелогичного поведения, о котором еще несколько месяцев назад, пребывая в твердом и трезвом уме, думала бы с ужасом как о невиданном идиотизме.

Берта в ответ тоже сначала довольно долго молчала, глядя на меня большими глазами. Потом хихикнула. А потом начала ржать, отмахиваясь от меня обеими руками.

— И что смешного? — вздохнула я в стакан с янтарным напитком. — Ну, то есть я понимаю что. Да вот только мне смеяться вообще не хочется.

— Прости. — Берта вытерла слезы и с трудом удержалась от нового взрыва смеха. — Я просто впервые в жизни слышу, чтобы обычную дурную влюбленность обзывали таким высоким слогом. «Зов серебряной крови», ну надо же! Лия, зов крови — это зов плоти. Вот оказалась ты в постели с нужным мужиком. Или просто рядом с ним. Накрыло тебя — и тебе захотелось тут же его... того. И все! Все, понимаешь? Никаких снов, никакого томления-метания-притяжения, или чего ты там себе напридумывала. И у парней оно работает точно так же — вижу бабу, имею что ей... вставить. Никаких чувств. Магия с чувствами не работает, это же основной постулат всех учений! Никого нельзя насильно заставить любить.

— А как же приворот? — Я попыталась ухватиться за расплывающуюся под пальцами ткань бытия. — В Ракушках вон полно специалисток, да и на сторону продают услуги.

— Шарлатанство и чушь собачья, — фыркнула Берта. — Любовное зелье подлить можно, чтобы стояло и горело, чтоб аж невмоготу. Так там, знаешь ли, четкие инструкции. Потому как если поймает твой опоенный раньше тебя другую бабу, так он ее и... ему под зельем любая корова — золотая лань. Собственно, и в обратную сторону так же работает. Девке подлить — она и на деревянный столб залезет. А вот это твое «чувствую, когда он в опасности, сердце

замирает, и сны неприличные, и мысли все о нем» — это, сестрица, совсем по-другому называется. Другая магия.

— Да откуда?! — В отчаянии я дернула себя за отросшие волосы. — Ну откуда ж, а?! Берта, он шесть лет назад мальчишкой был, и знакомству нашему пара месяцев от силы. А потом... я его ведь, по сути, даже не знаю! Такого, каким он стал. С чего, спрашивается?!

— Ну ты нашла что спросить. Понятия не имею, почему ты так влюбилась. — Берта пожала плечами. — А он вот, если шесть лет помнит, ищет и ждет... вот у него и спроси, с чего вдруг полюбил. Может, когда ответит, тебе и про себя понятнее станет.

Больше всего в этот момент мне хотелось побиться головой о стол. Божечки-брюквочки, я почти сорок лет прожила на Земле без этого сумасшествия, все мои отношения с мужчинами были основаны на взаимной симпатии и не более, головы я ни разу не теряла. Мне всегда работа была интереснее. Это что, карма нагнала или еще какое возмездие хитрое?

— Я тебе вот что скажу, — видимо, мое красноречиво перекошенное лицо впечатлило даже железную мамку с серебряной кровью, — влюбиться и за пару часов можно. Или мгновений. Или за один взгляд. Но это может быть именно влюбленность — кровь кипит, в голове туман, все как у тебя. Если в этот момент себя поймать, не дать воли и заколотить досками тот сундук в душе, где оно хранится... может, и пройдет без следа. Выгорит. А может, и нет, и тогда будет всю жизнь болеть. Не угадаешь тут.

Я все же осуществила свое желание — прижалась пылающим лбом к прохладной столешнице.

— А еще может так быть, что ты его шесть лет назад и полюбила, — безжалостно прикончила мою трепыхающуюся в ужасе холодную логику Берта. — Не зря же первого из всех так сберегла. Просто тогда не поняла этого.

— Ну спасибо. Только этого мне не хватало...

— Не стони. Бывает, что ж тут. Просто не вали ответственность на магию. Решай сама — сил тебе хватает вон и с метаниями своими справиться, и к отъезду готовиться. Ну перегорит, в конце концов. Никакая любовь не живет вечно и через океан не работает. Я же правильно поняла, что ты не ближе колоний намылилась?

— Да, наверное. — Я устало потерла лицо обеими ладонями. В голове бегало и орало тараканов двадцать, остальной миллион глупых мыслей молча расселся в зрительном зале и наблюдал за этими метаниями с мрачным интересом.

— Куда конкретно, уже решила?

Я покачала головой и хотела сказать, что выбор в любом случае невелик, но тут хлопнула входная дверь. Вбежавшая телохранительница резко выдохнула, оценила диспозицию и каркнула сквозь пересохшее горло:

— Ракушки! Горят...

Глава 50

Когда мы выбежали из дома, где располагался наш шоколадный цех, небо на севере уже затянуло дымным облаком, подсвеченным снизу отблесками огня. Поначалу у меня аж волосы на голове зашевелились от ужаса — мне показалось, что там полгорода пылает, раз такие спецэффекты.

И только когда мы по узким улочками, где не протолкнуться было от таких же встревоженных и любопытных жителей, подобрались ближе, оказалось, что все не так страшно и горит всего несколько домов по периметру квартала и еще один где-то там, в глубине. Самое интересное, что огонь даже не думал перекидываться на соседние здания, словно между предназначенными ему в жертву домами и всем остальным миром кто-то поставил прозрачный, но непреодолимый барьер.

— Ого! — Берта прищурилась на огонь, потом посмотрела куда-то в сторону и хмыкнула: — Понятно, девиц вывели. Остались только охранники и владельцы. Этим туда и дорога, прямо как небеса повелели, горят самые отъявленные мрази, не брезговавшие шантажом, похищениями и ворованными детьми. Все знали, а доказать не могли. Вот только...

— Что? — Я сама не понимала, откуда это снова возникшее в груди волнение.

— Тот, кто это устроил, здорово рискует, — пожала плечами опытная «мамка». — Тут такие деньги крутились, такие связи, у-у-у... И люди не последние в Картахелии любили навесить несколько сгоревших домиков, потому как даже за деньги их особо грязные фантазии далеко не везде могли удовлетворить. Особенно так, чтобы опять без имен и доказательств.

Нас прервал дикий рев — крыша одного из домов провалилась внутрь в облаке искр, и кто-то живой, кто еще оставался там, внутри, сотрясал багровое отсветами небо отчаянным криком.

Мне аж дурно стало, и, судя по всколыхнувшейся толпе, не мне одной.

— Согнали всех хозяев, — буквально прокашлял, задыхаясь от дыма и ужаса, кто-то слева. — Всех, кто отказался подписать... Оно, может, и правильно, кровопийцам туда и дорога. Только страшно очень...

— Солнца, они ведь не только греть, но и жечь могут, — подхватил эти слова еще один сдавленный голос. — Крутенюкo взялись. Видать, от герцогов самих добро получили. Давно надо было почистить эту выгребную яму. Да только герцоги далеко, в столице, до них если что и доберется — так грамоты с жалобами. А солнца здесь. Им такого не спустят...

«Господи, да они издеваются все, что ли?!» — успела подумать я, прежде чем внутри все скрутило дурным предчувствием. Никакой магии — мне просто стало физически плохо. А кому не стало бы?! Долбаные... долбаные брюквы!

Мало их дядька тогда на конюшне порол, надо было не лечить исполосованную задницу, а еще добавить!

Что он творит?!

Я прожила в этом городе чуть более полугода, но и то уже успела узнать, что Ракушки так привольно жируют не просто так. Да я и без этого знания наивной не была: проституция и работорговля и на Земле миллиардный бизнес. И покровители у него на самом верху. Трогать их — практически всегда самоубийство.

Мало ему было покушения на пирсе, да? Мало?!

А если я уеду, уплыву в колонии, кто в другой раз, мать его через кухонный стол, будет изображать небесного посланника, спасая придурка от наемных убийц?!

И что мне делать? Вот сейчас что мне делать?

Развернуться и уйти домой, проклиная про себя все на свете и свое непонятное чувство в первую очередь? Или тоже развернуться, но в другую сторону, добраться до резиденции солнц, вытащить из нее одного охреневшего миньона и надрать ему уши?

Уф-ф-ф...

Я с ума сойду.

— И она мне тут рассказывала про зов крови, — насмешливо сказала Берта, взглядевшись в мое лицо. — Тебе зеркало дать, сестрица, чтобы ты своими глазами прочла, что сейчас на твоём лице написано?

— Обойдусь, — сердито буркнула я. — Лучше вот что... лучше пошли посыльного к шоколадному капитану.

— Это зачем еще? — На фоне постепенно затухающих пожаров толпа вокруг нас редела, и разговаривать можно было вполголоса, не напрягая горло, чтобы перекричать шум вокруг.

— Затем, — дернула я плечом и пошла... в сторону дома. — Он же говорил, что следующий рейс у него в колонии. Станный мужик, если честно, но ему твой контракт на десять лет на поставку какао-бобов очень нужен. Поэтому, думаю, гадить или обманывать он не станет, если мы договоримся, хорошо заплатим ему за дорогу и отправимся на его складном веере в колонии сразу после сезона штормов.

— То есть ты все же намерена уехать, — Берта это не спросила, а просто сказала, словно отвечая сама себе.

— Да. — Я посмотрела в пасмурное небо, еще больше потемневшее от дыма. — Здесь мне оставаться все равно нельзя. Думаю, то, что меня найдут, всего лишь вопрос времени. Я засветилась дальше некуда.

— А как же твой... тот самый, к которому тебя тянет вовсе не кровью? — В голосе Берты было легкое ехидство, но не злое, а такое, словно она этими подколками пыталась помочь мне разобраться в самой себе.

— А он... не знаю. — Я сдалась и опустила плечи. — Если я останусь, он, скорее всего, умрет. Если я уеду... он убьется на хрен самостоятельно!

— О как... То есть он — это один из солнц, — логично сделала вывод Берта и на мой злой взгляд ответила пожатием плеч. — Ну знаешь, я не дура и умею сопоставлять факты. Только вот что, сестрица. Ни один из солнц не похож на идиота. Плюс герцог в городе. Так что вовсе не с бухты-барахты они Ракушки чистят, уж наверное, знают, что делают. Я понимаю, что ты самая умная и вообще принцесса, но раз уж любишь — так доверяй хоть немного.

— При чем тут доверие? — Я безнадежно махнула рукой и улыбнулась тучам в небе. Потому что больше улыбаться сейчас было нечему. — Конечно, они знают, что делают. И Раймон... не допустит, чтобы настолько ценные вассалы погибли просто так. Но опасность от этого не уменьшится, и я ничего не могу с этим сделать.

— И поэтому просто сбегашь, — безжалостно припечатала Берта. — Я была о тебе лучшего мнения.

— Если я «сбегу», будет опасно, если останусь, он умрет, — просто сказала я и пошла дальше. — Отправь посыльного к капитану. Увидимся завтра, я приду как обычно.

Может быть, Берта права... может быть, нет. Я не знаю. Наверное, если бы на кону стояла только моя жизнь или только моя свобода, которой я так дорожу, я бы так не сомневалась в своих решениях.

Но в том-то и дело, что жизнь раз за разом сталкивает меня с людьми, за которых я немислимым образом становлюсь ответственна. Это... бесит, наверное. Но в то же время греет — значит, я могу быть нужной, умею позаботиться и спасти. Ну, я на это надеюсь.

Только вот решения принимать сложнее и больнее, когда от них не только ты зависишь.

А еще — прежде чем решать за кого-то, неплохо бы спросить его мнения. И я спрошу.

Глава 51

— Ты что творишь, демонов идиот?! — Раймон ворвался в комнату, где Лиу с братом и парнями наскоро ужинали, параллельно обсуждая дела на завтра и деловито шурша кучей бумаг. — Совсем рехнулся?! Сдохнуть хочешь?! А ну, иди за мной... — Он довольно бесцеремонно сцапал Лиу за рукав камзола и попытался вытащить из комнаты в коридор.

Раньше это ему всегда удавалось. Но на этот раз — одно неуправляемое движение, и в пальцах разъяренного герцога осталась пустота и ощущение тепла — ткань при рывке согрела кожу.

— Что? — Раймон недоверчиво посмотрел сначала на свою руку, потом на первого миньона. — Совсем обнаглел?!

— Нет. — Лиу спокойно указал на один из свободных стульев. — Не совсем. Присядьте, ваша светлость. Все равно я слишком вырос, чтобы позволить вам себя выпороть, как в детстве. Я понимаю ваше... беспокойство. И предлагаю поучаствовать в обсуждении дальнейших планов, коль скоро вы здесь.

— Планов? Планов?! — взвился Раймон, потом все же длинно выдохнул и совсем другим голосом, спокойным и деловым, выдал долгую и крайне нецензурную тираду, включившую в себя не только всех присутствующих, но и их родню до седьмого колена. Еще раз выдохнул и закончил, усаживаясь на предложенный стул. — Докладывай... смертник.

Лиу спокойно сел на свое место, кивнул Кори, тот быстро налил всем легкого вина со специальными травами, не мешающего работать. Старшему солнцу было достаточно одного взгляда или еле заметного шевеления брови, чтобы его помощники по очереди докладывали, как идут дела у каждого из них. Поскольку Лиу сам прекрасно представлял всю систему, он и слово давал в нужной очередности, чтобы каждый следующий доклад дополнял и прояснял предыдущий, разом отвечая на все возможные вопросы.

Раймон слушал и постепенно осознавал, что в котле его эмоций бешеная ярость выкипает и выпадает осадком странного уважения и

даже восхищения пополам с неистовым желанием придушить гаденыша на месте. Умный, мать его! Стратег, с-собака.

Странной пьяной и веселой птицей пролетела мысль о том, что, если бы этот щенок решил взять власть в свои руки, у него вполне могло бы получиться.

Но сейчас не это было главное. Сейчас герцога Браганта сильнее волновала большая и грязная куча гнили, которую расковыряли эти юные любители справедливости.

Нет, кто бы спорил. Дело нужное. Потому что торговцы сладким мясом в последние несколько лет обнаглели до крайней степени. Пользовались, мерзавцы, тем, что консорты хотя и получили власть вполне легально, через передачу родового камня династии, но все же ни один из них так и не стал мужем принцессы и не сделал ей наследника. А значит, оба были вынуждены пустить большую часть своего ресурса на установление своей власти среди тех, кто мог бы ее оспорить.

Короче говоря, пока в верхних покоях шла тихая подковерная грызня, в подвале расплодились крысы. И так охамели, что смели из своего подвала высовываться на чистые этажи.

— Ладно, хорошо, — перебил Раймон очередной доклад. — Понял. Вы не просто так оборзели, а подготовились. Списки мне на стол, кого из аристократов собираетесь прижать сразу, кого позже и на какие нити рассчитываете. Я проконтролирую, чтобы по дурости не дернули за крючок, который слишком высоко зацеплен. Этих мы позже выдержим, когда они решат, что пронесло.

— Слушаюсь, ваша светлость, — со спокойной почтительностью, от которой бешено заныли зубы, поклонился бывший поваренок.

Раймон смотрел на него во все глаза и пытался понять, что изменилось. Виделись весной, и за несколько месяцев, пусть и на юге, внешность Лиу не должна была особенно поменяться. Нет, не в этом дело, понял вдруг герцог Браганта. Не в загаре, даже не в выражении лица.

Глаза. У него изменился взгляд.

Исчезла тоскливая тень в самой глубине зрачков. Она была там всегда, с того момента, как... Раймон не столько видел ее, сколько чувствовал — там она. Как отражение его собственной вины и

неприятного тягостного чувства где-то там, за грудиной, даже не в сердце, а словно в центре его самого.

И теперь этой тени в глазах Лиу не было. Он словно... что? Отпустил? Забыл? Или... нашел?!

«Спокойно, — сказал в голове голос Джейнса. Он всегда там звучал, мысленный собеседник герцога Браганта не менялся с детства. И его здравый смысл тоже всегда говорил голосом друга. — Спокойно, придурок! Дыши».

Всплеск серебряной магии, который они с Джейнсом почувствовали через родовой камень династии, встревожил и заинтриговал, но такого... такого Раймон не ожидал. Плюс еще слухи про «небесного посланника» с серебряными крыльями, защитившего старшее солнце от злобного убийцы. Было о чем подумать.

И в довершение картины умный и осторожный Лиу вдруг начинает громить сеть торговцев сладким мясом с неумолимостью и беспечностью поднятого из спячки медведя, словно совершенно уверившись в собственной бессмертии. Или... или это все потому, что, разнеся всю сеть работорговцев, этот паршивый поваренок вовсе не намерен более оставаться в королевстве. И отрывается напоследок.

Но как?! И что он нашел? И... Так, еще раз, спокойно. На вопросы все равно никто не даст ответов добровольно. Поэтому придется разбираться самому.

В чудесные воскрешения Раймон не верил, как бы ему этого ни хотелось. Но тогда что происходит? Неужели все эти годы... да нет, если бы это был сговор, пацан не ходил бы как в воду опущенный и не страдал бы, вызывая здоровую злость у недовольного таким раскладом близнеца. Значит, что-то произошло не так давно уже здесь, в Картахелии.

Раймон быстренько завершил разговор, оставив команду «миньонов» — вот это странное слово, где они его подцепили и что оно означает? — разрабатывать дальнейшие планы. А сам отправился в свои покои, быстро написал несколько писем, вызвал доверенного слугу и отправил их.

Потом подошел к окну и выглянул в сад. Осень дохнула в лицо сыростью и прелыми листьями, запахом смерти. Вспомнился королевский склеп и пустой мраморный гроб под магическим

куполом. Тело принцессы исчезло... а теперь исчезла и тоска из глаз ее первого вассала.

В комнате, где остались миньоны, после ухода герцога ненадолго стало тихо. Потом, когда все убедились, что Раймон действительно ушел и под дверью не осталось никаких подслушивающих слуг или заклинаний, заговорили снова.

— Кажется, он что-то заподозрил. Лиу, какого демона? Не мог скорчить свою обычную скорбную рожу? Твое сияние даже мне в глаза бросается, а герцог его считал на подлете. Что теперь делать?

— Для начала поговорим, — Лиу закусил губу, покаянно склонив голову, признавал, что действительно выдал себя, — с парнями.

— О чем? — первым насторожился Гусь.

— О Юле. И о том, как мы будем жить дальше.

Глава 52

— Из этого дома все равно надо будет съехать, жить на окраине троим детям без взрослых нельзя.

Был вечер, дождь за окном и перестук капель по новой крыше. Было какао на всех и хорошая свеча на столе. Крон возился с Яневыми снастями — готовил потихоньку сети на следующий год. Хотя он и знал о моих планах, сказал, что лучше быть готовым к любому результату, а хорошая снасть всегда пригодится — или нам, или Яню, или его приятелям из мальчишеской артели.

— Куда съехать? — хмуро и напряженно спросил наш главный рыбак, глядя на меня поверх кружки.

— Я куплю вам дом в приличном квартале, недалеко от Берты, чтобы вы были под присмотром. Место на пирсе останется за вами, там будут работать наемные сестрицы, пока твои собственные не подрастут и не смогут войти в семью. Тебе я оставляю денег на хорошую лодку, но и мелкий промысел на островках за тобой, будешь поставщиком.

— А ты? — Губы мальчишки сначала скривились почти плаксиво, потом он резко вдохнул воздуха и упрямо их сжал: — Куда собралась?

— В колонии, — пояснила я, внимательно глядя и на него, и на притихших девчонок. У всех троих глаза были уже на мокром месте, но все трое сдерживались и не думали реветь.

Мне в очередной раз стало горько и больно за то, как рано в этом мире взрослеют дети.

— Понятно. — Янь отодвинул недопитое какао и попытался встать из-за стола, но я поймала его за локоть:

— Подожди. Это только один вариант. Есть второй.

Пацан напрягся так, словно я не просто придержала его за руку, а воткнула ему нож в плечо. Молча и вопросительно уставился на меня темными глазами с отблеском свечи.

— Когда я тут появилась, у вас был дом и своя жизнь. — Слова лились медленно и размеренно, без малейшей попытки как-то упростить объяснение, как для маленьких детей. Нет, с этими

белокурými «рыбками» из окраинного квартала можно и нужно было разговаривать как со взрослыми. — Вы умные и сильные. Вас нельзя по собственному желанию сунуть в сундук и утащить туда, куда хочется.

— И что? — слегка недоуменно дернул плечом Янь, но сел обратно на табуретку.

— Я даже не знаю еще точно, в какую из колоний отправлюсь. Я представления не имею, что будет в пути и как там на новом месте, — вздохнула я.

— Ага, типа, как устроишься, пришьешь за нами? — Злое неверие в голосе Яня можно было пальцами пощупать.

— Это третий вариант. — Я кивнула. — А второй проще: я заберу вас с собой сразу.

— Заберешь? С собой? Не оставишь? — это спросила вдруг Майю. При том, что старшая из сестер крайне редко подавала голос, предпочитая молча делать дело, понятно было, как ребенок волнуется.

— Если вы захотите, — твердо кивнула я. — У вас должен быть выбор. Остаться в привычном большом городе, где у вас будет верный кусок хлеба и защита от не последней мамки на пирсе, или плыть с нами неведомо куда.

— Это ты, значит, про дом, про пирс и про остальное... чтобы выбор? — охрипшим голосом переспросил Янь.

— Именно.

В следующую секунду меня чуть не снесло с табуретки, потому что кинулись ко мне все трое. И вцепились так, будто меня сию секунду унесет ураганом за облака, если они не повиснут и не будут держаться изо всех сил.

— Ну тихо, тихо. — Обнимать всех троих было неудобно, но я постаралась. Глаза щипало и жгло так, словно в них насыпали песка с нашего любимого маленького пляжика в бухте. Ну что такое, а? Можно подумать...

Никогда я не таяла при виде детей и вообще отношусь к ним... как к людям. Без лишних сантиментов и прочей ерунды. Почему эти трое так ко мне прилипли — загадка.

Нет, я и сама довольна, что они поедут со мной. Даже несмотря на то, что это сулит множество волнений и трудностей. Справимся...

— Значит, решено. — Спустя пять минут вытирания слез и соплей о мою юбку и по две шоколадные конфеты на человека меня, наконец, выпустили из объятий и все более-менее успокоились. — Янь, тебе задание: выбери среди своих ребят старшего и расскажи все тонкости, потом сводишь его к Уме домой. Помнишь, где она живет? Молодец. Пусть парни останутся при верном заработке, а сестры при поставщиках. За рецепты я еще поторгуюсь, но там мелочь. Но деньги никогда не лишние. Девочки, начинаем понемногу собирать вещи. Только самое необходимое и памятное. И не болтать! Это понятно? Ни с кем наш отъезд обсуждать не нужно. Только со своими, с теми, кому что-то оставляем или продаем.

— Сестра... — В комнату вернулся Крон и слегка оторопел, потому что отлипшие от меня лягушата дружной стаей набросились на него и тоже полезли обниматься. Я еще подумала, насколько ж сильно переживает Янь, если вот так расслабился и сам просит ласку? Обычно он старательно строит из себя взрослого сурового мужика и на «козлячьи нежности» фырчит.

— Сестра, — уже не так уверенно повторил Крон, подхватив обеих девчонок на руки и позволив Яню уткнуться себе головой в живот. — Раз такое дело, вместе едем... Королеву, стало быть, тоже надо с собой брать. Кто его знает, колонии эти, как там с козами. А детям нужно молоко.

Я тихо рассмеялась:

— Надеюсь, Короля ты с собой брать не предлагаешь?

— Он козел самостоятельный, не поедет, — совершенно серьезно покачал головой Крон. — Да уж ладно, кого-кого, а козлов оно везде... найти можно. Да и раздвоенная наша уже. Я это... пойду сундук мастерить. В дорогу надо куда-то вещи складывать, а покупать то, что руками сделать можно, это ж транжирство сплошное. Янь, будешь помогать.

Я кивнула и устало прикрыла глаза на пару секунд.

Один серьезный разговор позади. Теперь пережить бы второй. Потому что...

Потому что я, может быть, и дура, растерявшая мозги от внезапного буйства то ли магии, то ли гормонов. Но я дура, которая все же немного умеет думать и анализировать.

Нельзя решать за других. Иногда все равно приходится, да. Вот как в тот раз, когда я просто не могла забрать своих миньонов с собой из замка.

Но теперь другие обстоятельства. Лиу уже не мальчишка и имеет право выбирать сам. А я... а я имею право спросить. Так что последнему разговору перед отъездом быть, и я даже не стану слишком медлить, не буду тянуть до последнего. Потому что если... то ему ведь тоже нужно будет время, чтобы закончить дела, чтобы...

Ох, о чем я думаю? Почему я уверена, что Лиу захочет уйти со мной?

Не знаю. Не знаю. Просто... чувствую?

А-а-а, в брюкву все эти правильные мысли! Кого я обманываю?! Да после того, что эти обормоты устроили в Ракушках, весь город только и болтает об одном: как скоро теньевые воротилы отомстят солнцам. У меня от таких разговоров волосы на голове шевелятся. И не от магии.

Так что если кто-то не захочет уплывать со мной добровольно, то я не исключаю возможности запихать его в сундук и увести силой... Надо сказать Крону, пусть мастерит кораб побольше.

Глава 53

— Видите ли, многоуважаемая госпожа Сойку, — диснеевский капитан подал мне крошечную пиалу с чем-то очень похожим на зеленый чай и улыбнулся, глядя, как играют тени в раскрытых веерах парусов, — этот капитан весьма огорчен вашим отказом составить мое личное счастье, но не смеет настаивать. При этом я готов обговорить с вами весьма умеренную плату за место на моем корабле, если вы выберете не просто колонию на западной земле, а совершенно определенное место.

— И зачем вам нужно, чтобы я отправилась именно туда? — Осенний ветер под защитой кормовой надстройки почти не ощущался, а кроме того, место для чаепития было огорожено парусиновыми ширмами. Среди множества подушек на шелковом ковре стоял низкий столик с затейливо выкованной жаровней в центре, от которой шло ровное тепло.

— Видите ли... я тинец по происхождению и, как всякий истинный сын Поднебесной империи, считаю ее лучшим местом на земле. Но увы, не могу туда вернуться. Я плаваю на тинском корабле, часть моих товаров истинно тинские, но... домом моим навсегда стало другое место. Несколько более дикое, чем благословенная земля семи небес и даже чем ваши варварские города. Но это тоже хорошее место.

— У вас грамотная завлекательная кампания, капитан, — улыбнулась я, отпивая чай из тонкой фарфоровой чашечки. — Но она пока ничего не объясняет.

Мужчина засмеялся. Я подумала — вот удивительно, глазами вижу, какой он красивый, но и только. Внутри ничего не откликается, кроме разве что обычного человеческого чувства прекрасного. Ну и легкой симпатии. Что не отменяет более тяжелой настроженности. Да-да, Берта ему как партнер очень выгодна, ссориться с ней — последнее дело, поэтому тинский «веер» — лучший корабль для переезда на другой материк. Но все равно — дорога дальняя, случиться может всякое.

— Я думаю, не секрет для прекрасной госпожи, что этот капитан видел кое-что из ее способностей и догадался о высоком происхождении моей гостьи?

Я тихо хмыкнула. Ну да, ну да, собственными глазами наблюдал, собственными руками потом из воды вылавливал. Дурак бы не догадался. И дальше что?

— Видите ли, прекрасная госпожа. Новые земли на западе богаты и плодородны. Но полны опасностей. В обжитых землях ваших варварских королевств и тем более в великой Поднебесной империи люди серебряной крови давно подчинили себе магию. Приручили ее, обуздали, как своенравного скакуна. А на новых землях...

— Она осталась дикая? — Догадка напрашивалась сама собой.

— Можно и так сказать, — кивнул капитан. — Для того чтобы освоить новые земли, нужны маги. А они вовсе не рвутся за моря воевать за нищих поселенцев. Ведь пока колония не отстроится, не управится хотя бы с духами на побережье, богатств там не водится. А на родине любой обученный носитель крови может устроиться хорошо и удобно, не слишком утруждая себя тяжелой работой и не подвергая жизнь опасностям.

Я отхлебнула еще глоток чаю, взяла с блюда крохотное песочное пирожное, украшенное засахаренным цветком, и вздохнула. Может, и не стоит раскрывать некоторые карты, но если ты хочешь с кем-то иметь дело в будущем и собираешься жить с этим долго, то лучше не лукавить. Потом хуже обернется.

— Боюсь, капитан, здесь вы просчитались. У меня есть нужная кровь. Но я не обученный маг. И вряд ли сумею в чем-то вам помочь.

Капитан бросил на меня быстрый и ожидаемо острый взгляд. Его благостная маска на секунду треснула, но, что удивительно, ничего особенно неприятного из-под нее не вылезло. Всего лишь чуть более внимательный взгляд, твердый и немного хищный. Да, он все же не настоящий диснеевский принц. Но это и к лучшему, потому что сказочные персонажи хороши на экране, а не в жизни.

— Вот как... Этот капитан признателен прекрасной госпоже Сойку за откровенность. Но этот капитан также видел силу ее крови. И думает, что многому можно научиться по книгам. А книги в западных землях есть. Возможно, каких-то особенных родовых секретов в них не найдется, но общие принципы выучить можно. А еще... госпожа

рано или поздно выйдет замуж. Если этот капитан не смог привлечь внимание госпожи, это сделает кто-то другой. Дети с ее кровью будут считать наши земли родными и тоже сумеют многому научиться.

Еще один кусочек пирожного попытался было встать у меня поперек горла, но я пресекла его диверсию, запив остатками чая. Ну ладно, а чего я ожидала? Те же яйца, только в профиль. Опять всем мое потомство нужно.

Хотя, конечно, не совсем те же. Капитан, по крайней мере, честно выкладывает условия и ни к чему не принуждает. Захочешь замуж — выйдешь. За кого сама выберешь. У него просто даже мысли не возникает, что женщина может иметь другие планы на свою жизнь.

А мне так вообще грех возмущаться, мне все равно прабабушку рожать. Поэтому и замуж рано или поздно приложится. Особенно если претендент согласится уплыть со мной... Кстати. Пора и это обсудить.

— Господин капитан, у меня возник вопрос. Сколько пассажиров сможет взять ваше судно?

— Это помимо козы с козлятами? — усмехнулся наш будущий перевозчик. — Думаю, еще несколько человек вполне поместятся. Этот капитан может уточнить, сколько именно ваших людей желает взойти на борт?

— Я пока не знаю. — Чай в чашечке кончился, а жаль. Впрочем, мне его тут же подлили. — Но если, кроме моей семьи, еще кто-то решит отправиться в колонии... то вы, думаю, будете не против любого количества.

— Вы хотите увезти с собой еще несколько магов серебряной крови? — мгновенно догадался капитан. Он даже чуть подался ко мне, глаза снова сверкнули сталью.

— Хочу. Но не знаю, получится или нет, — призналась я.

— Это обученные маги? — Вот прямо видно, как у капитана гребень на спине дыбом встал от заинтересованности. Фигуральный гребень, конечно. Уж больно он в этот момент стал похож на китайского дракона с древних гравюр.

— Думаю, вполне. — Я кивнула. — Но не могу пока обещать, что они отправятся с нами. Поэтому всего лишь спрашиваю, найдется ли место в случае чего.

— Этот капитан найдет место, даже если придется оставить в порту часть груза. — Раскосые глаза горели так, что мне даже слегка

не по себе стало. Что ж за дикая магия там такая в колониях, что для защиты от нее нужно всех согласных магов в десны целовать от восторга?

— Кхм... хорошо. Тогда, если вы не возражаете, я откланяюсь.

Ага, чай и пирожные уже не лезут. Зато мыслей полон котелок, и все нечищенные.

— Не смею задерживать прекрасную госпожу. — Господин сама галантность проводил меня до трапа и с рук на руки передал телохранительнице Берты — та отправилась со мной на переговоры в качестве весомого аргумента.

Этот самый аргумент не пустил меня сразу домой, сказал, в городе дела есть. И бодро поволок в сторону шоколадного цеха.

— Случилось чего? — Я поправила шляпку и постаралась задавить тревожное чувство в груди.

— Пока нет, — покачала головой моя спутница. — Но скоро может.

Глава 54

— Ты думаешь, они не знают, кого следует опасаться? — Я едва поспевала за Бертиной телохранительницей и пыталась на бегу переварить то, что она рассказывает. И не удариться в панику с разбега.

— Солнца хорошо подготовились, подчистили мразь основательно, да так умно куст подрубили, что даже те бутоны, что на самом верху проросли, сейчас без веток и корней мало что могут, — очень цветисто, но в целом понятно профырчала на бегу женщина. — Это они молодцы, уважаю. Вот только мужики. И упустили из виду, что правят миром Ракушек, конечно, мужики... но за их спинами частенько стоят женщины. И с теми змеями, которые сумели из дешевых подстилок подняться до жены или любовницы с правами, даже я не стану никогда связываться. Ни один головорез до такого распаскудства и жестокости не додумается, как эти с-с-су... самки аспиды.

Я мысленно кивнула. При всем моем феминизме я не питала ни малейших иллюзий. Плохих людей среди мужчин и женщин примерно поровну. И обе категории граждан могут устроить неприятности любому. Но в силу патриархального устройства мира парням обычно легче мудить, не особенно выбирая методы. А вот девушке в разы сложнее прорваться сквозь «неестественный отбор», поэтому наверх выбираются такие отборные мрази, что любому мужику фору дадут. При том, что поговорка «Нет страшнее хозяина, чем бывший раб» верна в этих случаях как никогда, результат получается впечатляющий и страшный.

— Вижу по твоему изменившемуся лицу, что ты осознала, в какую задницу влипли твои солнца, — кивнула на ходу телохранительница. — И предупредить их некому. Потому что свою сеть они строили в расчете на нормальных преступников, а не на подкожных гадин, которых без лампы и днем не разглядишь. А разглядишь, так примешь за безобидного, всеми обиженного ужа.

— Хочешь сказать, что эти леди скрылись среди жертв и теперь не просто собираются ударить, но и подобрались очень близко? — В груди похолодело.

Лиу с братом под покровительством герцогов уже создали что-то вроде дома помощи для девушек, освобожденных в Ракушках. И навещают туда каждый день, помогая наладить работу первого в этом мире «кризисного центра». В него каждый день продолжали приходить девушки и девочки, которым хватало смелости уйти от хозяев — те присмирели после показательных пожаров и так нагло, как раньше, не смели себя вести.

— Именно это, сестричка, — кивнула телохранительница.

— Так какого хрена огородного мы тащимся как черепахи?! — рявкнула я в голос, уже не обращая внимания на оборачивающихся прохожих, и рванула с места так быстро, как только могла, вслух проклиная длинные юбки, в которых бежать было гораздо неудобнее, чем в штанах.

— Сама не торопилась! — Телохранительница держалась вровень со мной, эта невероятная женщина даже не запыхалась. Вот уж кому ни юбки, ни высокие каблуки на ботинках со шнуровкой, ни неровные камни мостовой не мешали. — Ладно, не дергайся. Время еще есть, эти твари еще даже не должны были выйти из Ракушек, успеем.

Дальше мы бежали молча, потому что скакать бешеной ланью и ругаться одновременно я не умею — не та физическая форма, несмотря на серебряную кровь. В голове было пусто, только одна мысль подпрыгивала от тряски и перекатывалась, как конфета в консервной банке: только бы успеть, только бы...

В парадные двери дома помощи мы даже не пытались войти, там стояла стража, и это означало, что кто-то из высокопоставленных господ сейчас внутри. Поэтому телохранительница дернула меня за локоть, и мы пронеслись в соседний проулок, прорвавшись к задним дверям.

Там охраны не было, потому что обычно эта дверь закрыта, причем не только на ключ, еще и внушительный засов изнутри задвинут. Но сейчас Нивия без тени сомнения толкнула деревянную створку, и та отворилась без скрипа — петли недавно хорошо смазали.

Кинув на меня многозначительный взгляд, телохранительница бесшумной тенью скользнула в глубину коридора, и я последовала за

ней.

Мы не ошиблись: оба солнца были здесь — мое персональное, то, которое по совместительству несчастье, и его зловредный близнец. Сидели в общем большом зале за столом и о чем-то беседовали с почтительно стоящими женщинами. Вообще, в зале собралось довольно много народа — беглый взгляд выцепил из толпы всех моих миньонов одного за другим. То есть не всех, Кори и Бори не было, видимо, парни заняты где-то в другом месте.

И самое паршивое, вот паршивее некуда — здесь Раймон. А значит, просто выйти и предупредить я не могу.

— И как в этой толчее понять, где враги? — шепотом спросила я у телохранительницы, не решаясь высовываться из коридора и прячась в тени за углом.

— Это должна быть группа из трех девушек, одна из них рыжая, — шепотом пояснила моя спутница, так же осторожно осматриваясь. — Кажется, мы успели вовремя. Если ты сейчас за спинами этих несчастных подберешься к кому-нибудь из своих парней и сумеешь убедить их в том, что опасность близко, есть шанс, что получится под благовидным предлогом задержать девиц на входе. Близко подпускать их нельзя, они несут что-то убойное, я не сумела выяснить, что именно. Поэтому грубо брать нельзя, во всяком случае не там, где толпится столько народа.

Я заскрежетала зубами в самом прямом смысле этого слова. Вот только террористов в толпе мне сейчас не хватало. Я повар. Повар! А не подразделение спецназа «Антитеррор»! Я понятия не имею, как такие дела делаются.

А куда мне деваться? Вдохнула, выдохнула и пошла. Может, толпа не такое и плохое дело. Скрываясь за спинами других женщин, пряча волосы под шляпкой, я осторожно, но как могла быстро стала пробираться к парню, в котором безошибочно узнавала теперь Гуся.

Раймон, к счастью, в мою сторону вообще не смотрел, он что-то обсуждал с Силье, глядя в документы, которые тот держал в руках, и одновременно отвечая на вопросы двух подобострастно склонившихся перед столом служащих, которые притащили еще какие-то свитки и пачки бумаг. Лиу в это время беседовал с какой-то старушкой в малиновой шали, и, хотя был внимателен, я пару раз заметила, что он

как раз время от времени бросает по сторонам острые и настороженные взгляды.

Может, я зря паникую и лезу? Может, они тут и без меня прекрасно справляются, а я как дура...

То, что я не дура, стало понятно буквально через секунду.

До Гуся я почти добралась и уже протянула руку, чтобы потрогать его за плечо, привлекая внимание, когда увидела, что в зал вошли они. Три молодые женщины весьма потрепанного вида, одна из них рыжая. И эти трое, что-то довольно громко и жалостливо причитая, прямым ходом устремились к столу, возле которого сидели солнца.

Глава 55

Я поняла, что никого не успею предупредить. Что вот прямо сейчас случится что-то страшное, а я могу только стоять, как дура, пришпиленная к полу ужасом, и смотреть.

Эта мысль прошла огненным валом по телу, и жуткое оцепенение исчезло без следа. Голова, слава всем богам, заработала быстро и четко.

Почему я не спецназовец, а? Дура, пошла на повара учиться. Нужно было поступать в какую-нибудь военную академию, плевать, что на Земле с этим было трудно. Зато теперь я знала бы, что делать, и умела эти знания применять.

А так меняхватило только на отпихнуть с дороги Гуся и кинуться трем девицам наперерез, уже не думая о том, кто меня увидит, услышит и узнает. Главное — остановить, главное — не дать им приблизиться к столу. Лучше всего бы, конечно, и остальных людей подальше оттолкнуть, но я, опять же, не спецназовец...

Волосы встали дыбом в самом буквальном смысле слова — еще делая первый шаг, я чувствовала, как падает шляпка и разлетаются в разные стороны шпильки и заколки. Холодные колкие молнии били в виски и в шею. И наверное, это магия сейчас вела меня не просто в сторону подозрительных девиц, а конкретно к одной из них, той самой рыжей цыпочке с огромными карими глазами олененка Бемби.

Я как во сне тонула в этих глазах и читала в них сразу все: и нежную доверчивость, и искреннюю скорбь, и незащитность, против которой не может устоять почти ни один мужчина, если ее, незащитность эту, демонстрирует юная дева с телом нимфы и лицом диснеевской принцессы. Именно этот взгляд позволил ей войти в дом без предварительной записи, именно он оказался пропуском, с помощью которого она собиралась подобраться к врагам вплотную.

Все это я читала, в том числе и плывущий вторым слоем под сладкими грезами холодный крокодилий расчет. Эта девушка точно знала, чего хочет, куда ударит и что из этого получится. И предвкушала

много боли и крови все с тем же голодным нетерпением, что у древней рептилии.

Она шла убивать.

И я на ее пути оказалась досадной непредвиденной помехой, дурацкой случайностью и глупой бабочкой рядом с огнем.

Стайкой птиц в тумане мелькнули объяснения на бегу — Нивия успела рассказать только, что сведения получила случайно и про рыжую гадину знает исключительно потому, что когда-то «повезло» увидеть любовницу одного из самых жестоких и грозных заправил Ракушек.

Девушка попыталась обойти меня, еще не принимая всерьез, решила, наверное, что какая-то дура просто нечаянно выскочила поперек дороги. Но когда я резко и совершенно без шуток схватила ее за руки, в карих глазах полыхнуло пониманием и злобой.

— У нее на поясе! — раздался вдруг где-то за моей спиной крик Нивии. Кажется, за те короткие мгновения, что я зависала в нигде, телохранительница поняла, что предупреждать солнца поздно и надо уже действовать. — Все вон! Быстро!

Я не смотрела по сторонам, но, судя по крикам и женскому визгу, опасность теперь видели все. Да толку? Судя по улыбке рыжей стервы, ее это не особенно напугало.

Время сначала замедлилось, а потом взорвалось. Я не успела понять, что произошло, не увидела, только услышала. Сначала в общую какофонию влился повелительный голос Раймона, а потом что-то закричал Лиу, и крик его, начавшийся далеко-далеко, на грани слышимости, стремительно приближался. А я не могла обернуться, чтобы сказать ему: не смей, не подходи!

Что случилось дальше, я уже не видела и даже не слышала. Рыжая гадина вывернула правую руку из моего захвата, рванула какую-то подвешенную к поясу бутылочку, мне в спину вдруг подуло арктическим ветром, и одновременно показалось, что кто-то там включил пылесос, который тянет из меня то ли воздух, то ли искры из волос, а потом нас всех накрыло темнотой.

Пару минут было просто тихо-тихо и ничего не видно. Потом темнота колыхнулась злым шипением и воплем, я поняла, что все еще держу гадину за левую руку и она от этого не в восторге. Звякнуло стекло, словно упало на камни, мою щеку обожгло — кажется, рыжая

стерва вслепую ударила и прошлась мне по лицу ногтями до крови. Потом она вскрикнула, словно ее ударили, а еще через секунду что-то отчетливо хрустнуло.

— Все, Юль, — сказал в темноте голос Лиу. — Больше она не навредит. Она мертва. Не бойся.

— Я и не успела... испугаться. — Два шага на голос — и я уткнулась лицом в знакомо пахнущую куртку. Как он умудрился? Вряд ли старшее солнце по-прежнему проводит время между кухонным столом и плитой, а запах выпечки и хорошо приготовленного мяса все равно неистребим.

— Это хорошо... но если ты еще раз посмеешь сунуться туда, где опасно, вот так с разбега, заслоняя собой белый свет, я... — у него был странный голос, словно что-то сдавливало горло, а откашливаться не хотел, — я тебя сначала спасу, а потом, клянусь, сам отшлепаю. Ты соображаешь вообще... соображаешь?! Ты чуть не погибла! У нее на поясе была стигийская смерть! — а вот это он уже прокричал в голос, стиснув меня в объятиях так, что ребра затрещали.

— Я даже не знаю, что это за дрянь. — Странно, Лиу на меня орал, а я прижалась щекой к его груди, вдыхала запах и улыбалась как дура. — Где мы? И куда она дела эту свою стигийскую смерть?

— О боги, — почти простонал первый миньон, все еще тиская меня с такой силой, словно я тут вырываюсь как дикий зверь. — О боги... ты даже не знаешь, что такое стигийская смерть, но лезешь под нее... как последняя...

— Вот помолчи. — Я тихо хмыкнула ему в шею. — После того, что вы устроили в Ракушках, самоубийцы брюквовы, не тебе меня учить, понял?

— У нас все было спланировано и учтено. А вот ты полезла...

Я обозлилась, сунула руку ему под куртку и душевно так ущипнула за бок. Так, что он аж дернулся и зашипел.

— И не ойкай мне! Учтено у них... именно поэтому сегодня к вам притащилась эта девка с... с какой-то там смертью за пазухой?! Что-то я не заметила, чтобы вы были готовы!

— Квиты, — выдохнул Лиу куда-то мне в волосы. — Всего не предугадать... Как ты узнала?

— Женские секретки, — мрачно усмехнулась я. — Должно же в этом быть хоть что-то полезное.

— Хотел бы я знать эти... секретки. И кто их тебе поведал. — Лиу погладил меня по спине, руки у него были удивительно горячие, словно нагретые солнцем.

— Выберемся — узнаешь. Если выберемся. Мы вообще где?

Стоять, обнимаясь с миньоном, было так приятно, что я почти даже не волновалась, ожидая ответа на вопрос.

Да хоть где... мне с ним хорошо.

Глава 56

— У нас всех были талисманы короткого срочного телепорта, чтобы мгновенно уйти от опасности. — Лиу сидел у холодной влажной стены на плаще, который он совершенно бесцеремонно и без капли брезгливости содрал с трупа отравительницы. Меня миньон держал на коленях и отвечал на вопросы так, словно их ему задает моя грудь — смотрел туда, прижимался щекой там. Хотя мое скромное теплое осеннее платье вовсе не предполагало открытого декольте, что он там пытался разглядеть — загадка.

— Это какая-то новая разработка? Не слышала о таких.

— Да, новая. Кори у нас голова... Так вот. Ты о талисманах не слышала, а вот к тем, кто прислал эту даму, явно подтекло. — Лиу выразительно скривился, слабый зеленоватый свет от покрывавшего потолок пещеры мха делал его похожим на недовольного зомби из старого ужастика. — Не зря же она принесла именно эту дрянь, чтобы с гарантией убить всех в комнате. А сама заранее приняла противоядие и не собиралась умирать.

— Это значит, что они знают о вас слишком многое, например, то, что вы не пошлете шантажистов далеко за три моря брюкву в задницу пихать, а начнете переговоры и пойдете на уступки. — Я злилась. Вот честно, уже вроде террористка рыжая обезврежена, все хорошо... ну, относительно. Сидим, ждем своих. А меня именно сейчас начало потряхивать.

— Именно поэтому в самый последний момент я изменил течение потоков в талисмানে и не сам ушел, а захватил с собой тебя и ее. И перенесся не на улицу, как было задумано, а в эту пещеру. Здесь особый воздух, он глушит некоторые виды магии. Как раз те, что нужны для активации стигийского зелья. И поэтому мы никуда не идем, здесь такой лабиринт, что заблудимся сразу. Но по моим следам рано или поздно пробьется брат, и нас вытащат.

Я притерлась к Лиу еще плотнее, запустила пальцы одной руки ему в волосы и для начала немного подергала, правда легонько. А

потом уже просто сидела, перебирая светлые пряди, чувствовала, как они шелковисто обнимают ладонь, и успокаивалась.

Лиу тоже замолчал, только руки на моей талии сомкнулись плотнее. Потом он поднял голову, и я близко-близко увидела зеленые глаза с золотистым ободком вокруг зрачка и сухие, немного обветренные губы. На нижней была трещинка, она влажно поблескивала темно-алым, и я вдруг представила этот чуть медный привкус. А потом почувствовала его на языке, когда поцеловала.

Лиу застонал в поцелуй, а я выгнулась, потому что огненная волна прошла меня по позвоночнику от затылка и куда-то чуть ли не в центр земли. Целовать его было так... правильно, так упоительно сладко, что время исчезло.

— Подожди. — Горячий шепот распахнул алую полутьму, в которой билось сердце, как ножом. Я выдохнула и поняла, что сижу на коленях парня верхом, потираясь об него всем телом, как кошка, а руки мои уже всюду гуляют не просто под курткой, но и под рубашкой, лихорадочно впиваясь в гладкую шелковистую кожу, царапая ногтями и словно пытаюсь втянуть его в себя. — Подожди... я... у тебя не должно быть так в первый раз, я должен... должен...

— Заткнись. — Наклонившись вперед, я снова поцеловала его в полуоткрытые губы, скользнув языком по острой кромке зубов, исследуя жаркую сладость, словно завоеывая ее. На мгновение мир опять исчез, растворился в солнечной июльской жаре, нежной, влажной, немного шершавой из-за трещинки на губах.

А дальше все окончательно утонуло в стогах, в путанице рук и одежды, в поцелуях, жгучих, почти как укусы, в сорванном дыхании, в медленных, таких медленных движениях навстречу друг другу. До крика, до радужных кругов перед глазами.

— Если ты еще раз заикнешься про магию, — прошептал Лиу куда-то мне в шею, когда мы уже лежали, кое-как укрытые половинкой плаща, и пытались отдышаться, — я тебя...

— Что? Еще раз полюбишь? — тихо рассмеялась я, губами собирая испарину с его лба.

— И раз... и два... и тысячу раз два... — прошептал он, пряча лицо у меня на плече.

— Какая у тебя занятная арифметика. — Я натянула на нас край плаща повыше и закинула руку за голову. — Давно научился?

— Давно... Шесть лет каждый день отсчитывал, — глухо сказал он, притираясь ко мне еще плотнее, еще ближе, закинул ногу мне на бедра, обхватил обеими руками.

Я притихла, греясь в его руках, вообще-то, в пещере, куда нас закинуло, было сыро и более чем прохладно.

— Расскажи мне... — губы прижались к его виску, впитывая биение тонкой вены под самой кожей, — Расскажи, как ты жил все это время без меня.

— Я... больно... — Лиу чуть повернул голову, и зелень его глаз потемнела. — Но я старался. Я ведь обещал, помнишь? Что присмотрю за мальчишками и сам не пропаду. Жаль, не справился.

— Что значит «не справился»? — Я легонько прикусила его за ухо. — Что за ерунда? Всем бы так «не справляться». Я, знаешь ли, вижу. Каким ты стал. Какими стали парни.

— Не все, — очень тихо сказал Лиу, снова пряча взгляд.

У меня мгновенно пересохло во рту, игривое настроение пропало, как не было его.

— Кто? — спросила одними губами. — Когда?

— Бори... — Он тоже не говорил, не шептал даже, скорее этот звук был похож на шелест пересыпающегося по пустыне песка. — Тогда, на перевале. Они с дядькой Жуем держали тропу, пока мы зажигали солнце. Они... там и остались...

Странно, мы были знакомы всего-то пару месяцев. И с господином главным поваром, и со смешным мальчишкой, рассказавшим когда-то историю про южный город и торговков на пирсе. Всего пара месяцев... Почему же мне так больно? словно с корнем выдирают из груди что-то выросшее там давно и прочно.

Я приподнялась, опершись спиной на холодную мшистую стену, и потянула Лиу к себе, обнимая его голову обеими руками, прижимая его к своей груди.

— Это не твоя вина... — Эха в пещере не было, тот самый мох глушил его надежнее, чем подушки, но сейчас казалось, что мои слова сами собой повторяются в тишине. — Не твоя вина, мой хороший... Если бы не ты, они погибли бы все.

Лиу молча дышал, втискиваясь в меня, словно хотел слиться в одно целое.

А я и не против... сейчас точно не против.

— В какую из колоний ты собралась? — спросил вдруг он через несколько минут тишины.

— М-м-м? — Я удивленно наклонилась, чтобы заглянуть ему в лицо. — Почему ты спрашиваешь?

— Ну, я должен знать, к чему готовиться. — Лиу поерзал, устраиваясь удобнее и поправляя плащ, чтобы получше укрыть меня. — Сведения собрать заранее, все такое.

— Ты? Готовиться? Сведения? — Я улыбнулась, чувствуя на губах несуществующее в вечном полумраке подземелья солнечное тепло. — С чего бы вдруг?

— С того, что всегда мечтал о дальних странах и приключениях, конечно, — фыркнул паршивец. — А ты что подумала?

Он приподнялся и снова поцеловал меня так, что мягкий зеленоватый свет мха затерялся между звездами, вспыхнувшими перед глазами.

Глава 57

— Можно, конечно. — Я положила голову Лиу на плечо и прикрыла глаза. Смотреть в потолок и вообще по сторонам не хотелось, хотя миньон и убрал отсюда труп рыжей стервы — оттащил в самую дальнюю из доступных пещер перед завалом. — В теории все можно. И попробовать договориться с герцогами, и взять власть в свои руки. Но чем придется за это платить? Пусть они принесли клятву, способов обойти ее — тысяча и еще немного больше, иначе все королевские династии известного мира никогда не знали бы ни переворотов, ни покушений. А в их королевствах не случались бы гражданские войны. Я не хочу всего этого ужаса ради того, что мне не нужно. А ты... тебе нужно? — Я чуть повернулась и приподняла ресницы, чтобы увидеть его лицо.

Спасательная экспедиция запаздывала, по моим ощущениям мы сидели в этой антимагической пещере уже около суток. Сами выбраться не могли — единственный проход оказался завален. Хорошо, Лиу нашел воду, а у меня карманы были набиты шоколадными конфетами, я всегда таскала их с собой — привычка, налипшая на меня как-то незаметно, чтобы легче было договориться с мелкими. Поэтому можно было просто расслабиться и ждать.

— А тебе? — настойчиво повторила я вопрос, потому что сразу Лиу не ответил.

— Нет, — выныривая из своей акварельной задумчивости, качнул головой он. — Вот уж чего даром не надо.

— Да? А как же... магия серебряной крови, слава солнц Юнрена? Это ведь тебе не даром досталось. Разве... разве не жалко будет все бросить? Отказаться от власти, титулов, богатства?

— Ты так говоришь, словно я завтра забуду все, чему научился, — фыркнул Лиу, осторожно, кончиками пальцев, поглаживая меня по щеке. — Или потеряю все свои силы. Я тебя уверяю, обученный маг серебряной крови в колониях может добиться даже большего, чем в старых королевствах, где таких, как я, полным-полно среди знати. В этом твой тинский капитан прав. Но я еще сам с ним поговорю,

возможно, нам стоит зафрахтовать собственный корабль, а не полагаться на его милость.

— Пф-ф-ф. — Я поймала губами прядку волос, выбившуюся из косы, и попыталась сдуть ее в сторону без помощи рук — лень было шевелиться. — Кто-то еще замуж не позвал, но уже взялся решать за меня?

— Да, — совершенно спокойно выдал наглец, чуть поворачиваясь и легонько прижимая меня к себе. — Ты уже моя жена. Формальности не имеют значения. И я буду делать все, чтобы тебе было хорошо, удобно и безопасно. Но это не значит, что стану делать что-то против твоей воли.

— Понятно. — Я мысленно нарисовала ему на лбу слово «дурачок» и этим ограничилась. Ну не спорить же сейчас? Да и потом, не очень хочется, на самом-то деле. Понятно же, что никто не будет решать за меня, а желание позаботиться о любимом человеке — это нормально и для мужчин, и для женщин. Если Лиу предложит что-то лучшее, чем каюта на борту диснеевского капитана, почему бы и нет?

— Осталось решить только одну проблему. — На его груди было так удобно лежать, тепло, уютно, что даже мысли не возникало о том, что, если нас вскоре не найдут, мы рискуем тут и остаться навсегда.

— Проблему?

— Проблему по имени Раймон. Сомневаюсь, что он нас отпустит. Особенно после того, как видел меня.

И почувствовала, как Лиу напрягся. Вот буквально — не просто мышцы на груди стали как каменные, даже дыхание поменялось.

Некоторое время он молчал, а потом проговорил:

— Сначала я его ненавидел. Это было... странно и больно, потому что до этого момента я просто не знал, что такое ненависть. Вот это тяжелое, жгучее чувство, от которого трудно дышать. Думаешь, я не хотел ему отомстить? Но ты сказал... сказала, что я должен сберечь парней. Да и кто я был такой — поваренок против герцога? Мстить не мог и учился как зверь. Каждую свободную минуту. А еще стал следить, обращал внимание на всякую мелочь. Выяснил, например, что вражда герцогов — обман.

— Ого! — поразила я. — Вот это номер.

— Да. Я однажды подслушал разговор. А потом стал специально, хотя и осторожно, копать в эту сторону. Они... умные, мерзавцы.

Великолепно все устроили.

Лиу легонько поцеловал меня куда-то в ключицу, глянул снизу вверх с хитрецей и усмехнулся:

— Я бы и сам лучше не придумал. Особенно тогда, когда ты передала власть сразу им двоим. Герцогам надо было удержать страну, и их маленький, еще детский секрет весьма пригодился. Раймон стал предводителем тех, кому старые обычаи и правила важнее собственной бороды. Всех этих седовласых герцогов и графов, которым любое новшество поперек глотки. А Джейнс мгновенно собрал вокруг себя молодежь и тех, кому на месте не сидится, а замшелые стены дышать мешают. На людях два герцога по этому поводу время от времени цапаются, полулегально плетутся интриги, якобы чтобы подсидеть соперника. Дворянство на два лагеря поделилось и увлеченно грызется, чтобы подыграть тому герцогу, который им больше нравится. Жизнь кипит, все заняты, ни у кого руки не доходят сковырнуть обоих. Дальвейга они ушатали почти сразу после того, как ты пропала, я подробностей не помню, но этот претендент на корону погорел очень быстро и громко, потому что подбивал народ сомневаться во власти родового камня. Ну и все, не стало Дальвейга. И теперь два хитрых гада дирижируют своими последователями в четыре руки, сдают друг другу самых буйных, и все время видимость борьбы держит всех в тонусе и равновесии.

— Охренеть, — выдохнула я, представив масштаб игры. М-да, и вот в этот котел с кипящим маслом мне предлагается нырнуть с головой? Спасибо, не хочу.

— Вот-вот. Сейчас у меня в целом достаточно сил, чтобы устроить обоим герцогам крупные неприятности. Но зачем? Я отомщу ему, и что? — Лиу говорил это все совершенно спокойным голосом, даже умиротворенным каким-то. И поэтому я верила сразу всему, чувствовала — не врет. А он все так же спокойно и вдумчиво продолжал: — По кому эта месть ударит первым делом? По невинным. По простым людям, которым, по большому счету, все равно, как зовут герцога на троне, один он там или два их, есть у них принцесса или отправилась к предкам, разделив наследие. Людям надо жить спокойно, работать, растить детей... А не воевать за чужие интересы. К тому же, раз ты жива, месть вообще потеряла смысл.

Я кивнула. Удивительно, насколько наши мысли сходятся.

— Я даже обрадовался, веришь? Тому, что ты решила уехать. Здесь нам спокойно жить не дадут. Если не занять трон. Только вот любая попытка приведет к тому, что отлично выстроенная система сдержек и противовесов рухнет. И наши добрые вассалы пойдут стенка на стенку. Попутно выжгут к демонам половину страны и накликают стервятников из-за границы.

— То есть королевство тебе нужно...

— Как брюкве зонтик, — рассмеялся Лиу, повторив мое старое, еще с кухонных времен, присловье.

Глава 58

— Тут все сошлось одно к одному. — Он потянулся, разминая мышцы и выгибая спину. — Сама по себе серебряная кровь — подарок небес. Но одной ее все же мало, без надлежащего обучения даже сильный маг способен только на стихийные выбросы. Вот как у тебя тогда на пирсе. Это эффектно, но очень опасно и ненадежно. И поэтому те, в ком кровь есть, а вот денег на учебу и возможностей маловато, живут, конечно, неплохо, но на многое не замахиваются. И в колонии не рвутся, потому что там от них сразу потребуют невозможного. А вот те, кто прошел полноценное обучение... что они забыли в диких землях, если им и так все принадлежит? Они обычно как минимум младшие наследники знатных семейств. Все при деле, при власти и при куче семейных обязательств. Но вот мы с Силье и наши парни — исключение из правил. Мы выскочки, никто. Получили магию и знания, но пока — пока! — еще не опутаны такой плотной паутиной связей. И поэтому можем легко уйти... куда угодно. Даже за мечтой.

— Вот только не говори сейчас, что все мальчишки мечтают уплыть за море в дикие земли и совершать там подвиги пополам с открытиями, — фыркнула я. — Это слишком по-детски.

— Но это так, — засмеялся Лиу. — Я думал, как раз ты меня поймешь. Сравнила: бумажная рутина, грязные интриги, постоянный недосып и ожидание яда в чашке — или свобода, опасности, приключения... возможность сделать себя и свой мир самому. Ты бы что выбрала?

— Я бы выбрала трактир на перекрестке и спокойно жарить перепелов к ужину, — проворчала я. — А не шататься по миру с детьми на закорках... но кто меня спрашивает?

— Тебе действительно нравится готовить? — Лиу сел, помогая и мне подняться. И пояснил: — Чувствую где-то поблизости возмущение потоков. Не в пещере еще, но это наверняка нас ищут и скоро найдут. Давай помогу тебе.

Я тихо ойкнула — все же светить прелестями перед миньонами, за исключением одного, мне бы не хотелось. Не тот век на дворе, и вообще. Никто не даст гарантии, что сейчас вместе с Силье сюда не заявится Раймон.

— Герцога Браганта брат найдет чем отвлечь, не беспокойся. — Лиу с некоторых пор чуть ли не мысли мои начал читать, и это слегка... нет, не пугало и не напрягало, скорее обескураживало. И грело изнутри.

— Не думаю, что получится отвлечь его надолго. — Я вспомнила, как там, в доме для страждущих, взгляд герцога Браганта буквально вонзился мне в спину, как раскаленный кинжал. Я тогда задохнулась и на мгновение даже про террористку забыла.

— Надолго и не надо, главное — вытащить тебя отсюда. А дальше я справлюсь, просто поверь мне. — Лиу встал и повернул голову куда-то вправо, словно прислушиваясь. — Вернись туда, где ты все это время пряталась, место надежное. На несколько дней точно хватит. Я тебя месяцами искал, почти точно зная, чего хочу, и не нашел. Раймон, при всем своем уме, быстрее не справится.

Я молча кивнула, чувствуя, как нарастает напряжение внутри. Эти сутки с хвостиком, что мы были здесь, они словно выпали из времени и из жизни, подарив кусочек абсолютной безмятежности, в которой можно было говорить о прошлом и будущем, но не бояться их. И вот они закончились.

— Я с тобой. — Лиу потянул меня к себе, поцеловал в губы, потом в лоб. — Мы справимся.

— Куда мы денемся, — невесело рассмеялась я, встряхнувшись. Так, ЮЮ, отставить кисель! Живо взяла себя в руки и порезала ровными ломтиками!

Когда мягкую полутьму пещеры прорезала узкая щель, буквально ударившая по глазам ярким светом, я уже была готова. Силье шагнул в этот прорез быстро и деловито, одним взглядом охватил картинку, быстро кивнул брату и дернул уголком губ, обозначив приветствие для меня. Хмыкнул, оценив кивок Лиу в сторону заваленной камнями пещерки, где лежало тело нашей несостоявшейся убийцы.

— Стигийскую смерть обезвредил? Отлично. Значит, так. Живо вперед, — скомандовал он, опять глядя на меня. — Сначала ты. Там

тебя ждет эта... демонова кошка. Чтобы в три секунды исчезли обе, потом я вас сам найду. Раймон рвет и мечет.

Я оглянулась на Лиу, улыбнулась ему и послушно шагнула куда велено. Еще успела услышать, как младший близнец торопливо инструктирует старшего:

— Вас разбросало, ты с самого начала тут был один. Демоны, засос спрячь! Застегни рубашку, иначе тебе придется рассказывать, что ты миловался с телом отравительницы. Скажешь еще, что...

Больше я ничего не услышала, потому что меня словно вытолкнуло порывом ветра в спину и я едва не упала, почувствовав под ногами мягкий песок вместо каменного пола пещеры.

— Живо, живо! — Меня тут же подхватили под руку и оттащили на несколько шагов, я проморгалась от яркого солнца, бьющего узкими лезвиями лучей сквозь прорехи облачного одеяла, и разглядела Нивию.

А, вот кто у нас демонова кошка, значит, мелькнуло в мыслях. Кажется, Силье свел близкое знакомство с телохранительницей Берты и весьма впечатлился.

— Быстрее, что ты еле ногами шевелишь?! — возмутилась телохранительница, утаскивая меня все дальше от того места, куда я вышла с помощью портала, открытого Силье. — Ноги отсидела, что ли? Бегом!

Я послушно ускорила, оглядываясь по сторонам. О, это же пляж у трех скал, где я когда-то, словно сто лет назад, назначала встречу первому миньону.

— Сидите с детьми дома, в этой дыре вас точно искать пока не будут, — между тем командовала Нивия. — Через несколько дней тинские корабли уходят в колонии, осталось продержаться совсем немного. Я ни демона не понимаю, что у тебя с этими... и с герцогами, и понимать не хочу. Поэтому делай что велено и уматывай в колонии от греха.

— Угу. — Странно-стеклянное состояние все не покидало меня, бросая легкие отсветы на все вокруг — на вечернее небо в кляксах туч, на берег, на остывшее море, на мою сердитую спутницу. Очень хотелось обернуться, словно там, за спиной, я могла бы увидеть Лиу.

Глупости, конечно, никого на пляже не осталось, поэтому я отбросила лишние мысли и еще ускорила шаг.

Дома меня первым делом ощупали с ног до головы и почти равномерно облили слезами и соплями. У меня было полное впечатление, что я попала в плен к осьминогам и они решили как следует отомстить мне за щупальца на гриле.

Это еще повезло, что Крон в слезах-соплях и щупальцах участия не принимал. Дождался, когда дети успокоились и отлипли, подошел и так меня стиснул, что я мигом оценила осьминожьи объятия как терпимые.

— А к тебе тут дядя приходил, — вдруг выдала Сиона. — Красивый и еще такой... принц. Как в сказке!

Глава 59

— Талисман выгорит через пятнадцать минут, поэтому говори быстро и по делу. — Голос Джейнса заглушал шелест и скрип, но слова разобрать было можно, и с той стороны тоже все в порядке было со способностью уразуметь новости.

— Она не умерла, — произнес Раймон сразу и главное, то, что едва не сбило его с ног там, в доме помощи, то, о чем он догадывался смутно и почти безнадежно. Все вдруг оказалось правдой, и к этому надо было привыкнуть. Только поэтому он промедлил, упустил момент и позволил мальчишкам провернуть аферу у себя под носом.

— Что?! — Джейнс с той стороны переговорного талисмана что-то уронил, и это что-то с металлическим грохотом покатилося по каменному полу. — Ты бредишь? Что ты пил?!

— Перестань. — Раймон поморщился и потер виски. — Я совершенно серьезен. Я ее видел. И не только я. Впрочем, гаденыши даже не отрицают, просто отмалчиваются. Точнее, врут, что не знают, где ее искать.

Джейнс молчал почти минуту, переваривая новости. Потом начал ругаться так, что Раймон с трудом подавил в себе желание взять лист бумаги и перо — некоторые выражения даже для него были в новинку, а учитывая ситуацию, они еще ой как пригодятся.

— Всплески в родовом камне идут один за одним. — Покончив с ругательствами, Джейнс стал собран и серьезен, как всегда. — Все мощнее и мощнее.

— И понятно почему. Но он не отказывается подчиняться, так?

— Все в норме. Я бы даже сказал, что магия слушается охотнее.

Послышался звук наливаемой в бокал жидкости, и Раймон, усмехнувшись, тоже потянулся за бутылкой.

— Рассказывай. По порядку, — велел Джейнс, и у герцога Браганта не возникло ни малейшего желания намекнуть ему, что командный тон не слишком уместен в их отношениях. Сейчас это было неважно.

Краткий пересказ событий в доме помощи не занял много времени, Джейнс слушал внимательно, иногда задавал уточняющие вопросы, а под конец только фыркнул, оценив изящно закрученную авантюру.

— Поганцы мелкие. Мы слишком хорошо их учили. Значит, их разбросало талисманом из-за того, что стигийская смерть вступила в реакцию с магией перемещения? Как складно, я бы даже поверил. В других обстоятельствах.

— Такому их вообще никто не учил, — кисло отозвался Раймон. — Я бы давно взял под стражу и выпотрошил любого гаденыша из компании, кроме сам знаешь кого, но боюсь, это не даст результата и приведет только к тому, что она опять сбежит. Портовый город, начало зимней навигации, сам понимаешь. Даже если я мобилизую всю стражу города и приведу парочку военных гарнизонов, все побережье мне не перекрыть.

— Естественно. — Джейнс по ту сторону талисмана какое-то время думал, потом решил: — Не будем пороть горячку. Слежку за мальчишками организовал?

— Сразу. Но пока без толку. Я не посадил их всех под арест только потому, что относительная свобода все же дает шанс на ошибку: рано или поздно они могут привести меня туда, где она прячется.

— Правильно. Но сосредоточься на мальчишке, потому что все остальные могут сделать отвлекающий маневр и останутся прикрывать его побег. С них станется героически пожертвовать собой ради счастья друга и брата. В этом возрасте романтически-героических бредней в голове больше, чем мозгов.

— Это ты о ком сейчас? — немного ехидно переспросил Раймон. — Об этих юных рептилиях, хладнокровно загнавших в огненную ловушку самых зубастых тварей со здешнего дна?

— М-да. Согласен. Тем более глаз не спускай.

Талисман начал медленно обугливаться по краям, пока они обсуждали, что именно и как стоит предпринять. Но время еще было, и, когда в разговоре повисла пауза, никто из герцогов не торопился ее заполнить, лишь бы что-то сказать.

Первым нарушил молчание Джейнс.

— Что ты будешь делать, если найдешь ее?

— Если? — хмыкнул Раймон, но вышло как-то невесело. — Когда. Когда я ее найду. Уж поверь... один раз эта девчонка смогла меня провести, но второй раз у нее ничего не получится.

— Не будь слишком самоуверен. В прошлый раз она оставила своих миньонов и ушла так, что мы шесть лет не могли понять, на каком она свете, и поверили во все, что нам старательно внушили. Недооценивать эту женщину опасно.

— Я справлюсь, — сжав зубы, заверил Раймон.

Джейнс опять помолчал несколько секунд, а потом очень серьезно спросил:

— А ты уверен, что тебе это нужно? Что нам это нужно? Райн... подумай хорошо. Она все еще наша королева. И если она один раз своей властью связала твою жизнь со своим консортом, что она может сделать теперь, когда ее загонят в угол? Зачем все это? Ты не думал? Шесть лет прошло. Она не та, которую ты себе придумал, мы с тобой это уже обсуждали. Она не хочет возвращаться, ей не нужна власть, она отдала ее нам и не напоминала о себе столько времени. Чего ты хочешь добиться, преследуя Юйриль?

— Не говори глупостей, найти ее надо хотя бы потому, что ее кровь все еще влияет на камень рода. — Раймон чувствовал, как злость сжимает горло жестким ошейником, но старательно держал себя в руках. — Это прежде всего угроза. Мы столько работали, чтобы навести порядок, чтобы выстроить систему новых вассальных клятв, а ей достаточно слова, чтобы все сломать!

— Но она этого слова не говорит и, судя по всему, не собирается.

— Откуда нам знать?! Может, это заговор с целью...

— Да, очень логично, сначала сбежать в неизвестность от власти, чтобы потом возвращать ее через кровь и войну. Раймон... разберись в себе. Четко пойми, чего ты хочешь, иначе, боюсь, мы все найдем не принцессу, а проблемы.

— Хорошо. — Раймон поджал губы и щелкнул пальцами, добавляя последние капли магии в почти обуглившийся талисман. — Я свяжусь с тобой завтра. Наблюдай за камнем рода и сигналь, если будут какие-то резкие изменения. И пришли сюда пару отрядов из замка Браганта. Лишними не будут.

Джейнс что-то буркнул очень недовольным голосом, и на этом связь окончательно прервалась.

Раймон встал с кресла и подошел к окну, невидящими глазами всматриваясь в темноту за мелкими стеклами в частом свинцовом переплете.

Джейнс, как всегда, вслух сказал то, что Раймон не решался признать даже наедине с собой.

Юйриль... От желания найти ее сводило внутренности. Но... почему? Зачем? И что делать, если не получится? А если... получится?

Друг прав: власть уже у них в руках, ее никто не оспаривает, ее отдали им как поспевший плод, просто уронив в протянутые руки. Принцесса этому королевству больше не нужна. Зачем же она так нужна Раймону?

Это не зов крови. Но что тогда?

Глава 60

Ждать и догонять — самые противные занятия в мире. Догонять мне пока не приходилось, а вот ждать... Время словно зависло между зимним небом и скалистым берегом, неподвижно и безжалостно, не обращая внимания на чужие нервы и тревоги.

Вестей от миньонов не было. Я понимала, что это логично, правильно и объяснимо, но внутри все скручивало в тугой узел неуверенности и страха.

Да, им сейчас ни в коем случае нельзя привести ко мне Раймона, да, они молодцы, что держат себя в руках и не поддаются нетерпению. Да только мне-то что делать, чтобы не сойти с ума?

Все приготовления к отъезду тоже пришлось притормозить. Точнее, вещи мы продолжали собирать и паковать, Крон так увлекся, что мастерил уже третий гигантский сундук, Янь отрывался в море — осенние шторма миновали, и на пирсе снова вовсю шла торговля, а пацаньячья флотилия отлавливала морскую живность в ожерелье мелких островков. Наш рыбак явно задался целью как следует обучить своих преемников и пропадал в своей компании все время, когда не спал и не помогал Крону. Девушки помогали мне в доме, учились готовить, прощались с подружками... идиллия.

А у меня все время ледяные стрелы по позвоночнику туда-сюда. Еще и это «принц приходил».

Мы так и не смогли добиться от Сионы, что это за гость такой был и какого демона ему от меня понадобилось. Принц, и все. В первый момент я вообще хотела хватать детей и бежать, потом подумала, что это мог быть Силье или кто-то из миньонов, но тогда непонятно было, почему они потоптались снаружи, поговорили с ребенком и этим ограничились?

И только когда на четвертый день к нам в хибару пожаловал сам господин тинский капитан, до меня дошло, что же это был за принц. Вот дура! Могла бы и догадаться. Уже выдохнула бы...

— Госпожа, я не стал бы вас беспокоить, — после бесконечных церемонных поклонов Тай Вей (и полгода не прошло, как я запомнила

его имя, надо же) перешел к делу, из-за которого решил добраться до нашей окраины, — но через четыре дня мои корабли должны покинуть Картахелию и отправиться в путь, иначе мы потеряем попутный ветер, дующий в это время года. Я не посмел бы вас торопить, но...

— Понятно. — Я вздохнула и поставила перед капитаном чашку с какао, даже не обратив внимания на то, каким интересом загорелись его глаза. Чужим мы уже показывали конфеты и только-только начали внедрять горячий шоколад, а какао с молоком еще никого не баловали. — Значит, через четыре дня. Я могу подумать до завтра или ответ вам нужен уже сегодня?

— О, конечно, конечно, моя прекрасная госпожа, я могу подождать до завтра. Если вы позволите, я навещу вас на закате, чтобы дать вам больше времени на то, чтобы уладить дела и решить, как быть дальше, — тут же заверил капитан.

Я тихо хмыкнула про себя, поймав за хвостик абсурдную мысль: просто в гости хочет или на какао напрашивается?

Капитан посидел еще полчаса, допил свое какао и не менее церемонно распрощался. А я осталась сидеть за столом и ловить разбегающиеся думы. Что мне делать?

Лиу говорил о том, что у него в планах зафрахтовать корабль... как тогда быть с предложением тинца? Вот же не вовремя Раймона принесло! Я теперь даже не могу сообразить, что мне делать, потому что должна же как-то согласовать свои планы с Лиу.

Безвыходная ситуация. Уплыть одна я не могу, а оставаться и рисковать семьей тоже не дело.

Так. Погодите-ка... а это мысль.

Я не могу уплыть без Лиу, но кто сказал, что я не могу отправить с капитаном Крона и детей? Ведь если они будут далеко и в безопасности, это во многом развяжет мне руки, успокоит волнение и позволит действовать более свободно. Все же частью заложников меньше, а то я вовсе не уверена, что Раймон настолько благороден, чтобы не попытаться использовать их, если узнает и поймают.

Так, это надо обдумать.

А потом уговорить Крона забрать детей и отплыть в положенный срок. А, точно же! Ему в крайнем случае можно приказать, и он не ослушается. Некрасиво с моей стороны, и меня потом будет мучить совесть, но как крайняя мера — сгодится.

Дети... этим приказать сложнее, но их можно будет уговорить. Все же они разумные люди и в целом способны понять разумные аргументы. Особенно Янь. Когда проорется и перестанет бегать по потолку от злости.

О том, что миньонов моих во главе со старшим солнцем Раймон мог взять под стражу, посадить в какой-нибудь подвал и просто ждать, пока я сама объявлюсь, я старалась не думать. Тешила себя надеждами на то, что, оценив мой прошлый побег, когда я никого из них и не подумала брать с собой, герцог Браганта и теперь будет думать, что я поступлю точно так же.

Да и не было в городе слухов о том, что два солнца Юнрена впали в немилость у правящих герцогов. Об их героизме и спасении несчастных в доме помощи от злобной ведьмы народ болтал так, что на третий день одна гадюка со стигийской смертью уже превратилась в отряд злобных гарпий-колдуний, пытавшихся убить, ясное дело, герцога и мирных жителей всего города разом. Героев превозносили, и вроде бы готовился даже праздник в их честь.

Короче говоря, в застенки никого не сволокли, и это уже хорошо. Но все равно сердце было не на месте, от желания увидеться, поговорить, хоть взглядами обменяться сводило внутренности.

Утомившись всеми этими переживаниями, я решила отвлечься, еще раз перебрав самые необходимые вещи, что возьму с собой в дорогу. Они были сложены у меня в изножье кровати в большую сумку из «половой тряпки», я их уже несколько раз проверяла, но мне все казалось, что-то забыла.

Я вздохнула и подтащила сумку поближе к себе. Развязала тесемку на горловине и стала аккуратно выкладывать вещи на постель. Рука, в очередной раз нырнувшая внутрь, наткнулась на прабабушкин дневник.

А я и забыла про него. Ну, почти. С тех пор как старая тетрадь превратилась в стеклянный монолит, пользы от нее все равно никакой не было. Я, конечно, все равно собиралась сдержать данное прабабушке слово, хотя бы потому, что в любом случае захотела бы родить ребенка от... от Лиу. Когда-нибудь. А получится у древней королевы переродиться или нет — этого теперь все равно не узнать.

Но сейчас, коснувшись твердой обложки, я вдруг почувствовала, что она поддается. Торопливо вытащив дневник, я осмотрела его со

всех сторон — вроде как был стеклянный, так и остался. Но вот обложка от общей массы то ли смолы, то ли стекла явно отклеилась, и я смогла ее открыть.

Глава 61

Тонкая тисненая кожа под пальцами показалась мне беззащитно ломкой, словно прошло не шесть лет, а шестьсот и у меня в руках какой-то чудом сохранившийся фолиант древности.

— Прабабушка? — осторожно позвала я вполголоса, покосившись на дверь. Мне вовсе не надо было, чтобы кто-то из детей, войдя не вовремя в комнату, решил, что у меня протекла крыша. — Ау? Слышишь меня?

Ответа не было. Я подождала еще немного, машинально глядя подушечками пальцев выпуклые узоры на обложке, потом попыталась перелистнуть страницу.

Как ни странно, это у меня получилось, хотя было впечатление, что воздух вокруг руки сгустился и мягко придерживает, мешает, давит, словно встречный ветер гладит выставленную в окно машины ладонь.

— Ну и что бы это значило? — озадаченно спросила я пустоту, глядя, как заполняется чуть выцветшими строками белый лист. — Вслух больше не можешь разговаривать? Или что?

Ответа не последовало, я пожала плечами и вчиталась в появившийся текст.

Нет, это не было послание прабабушки. В том смысле, что никаких личных обращений, никто не поздоровался и вообще никак не проявил своего присутствия. Текст скорее напоминал страницу из учебника или справочника.

Сначала я не поняла, что это за ритуал, потому что бегло просмотрела первые несколько абзацев, прежде чем наткнулась на интересное словосочетание «отречение потомков». Присвистнула и стала читать сначала, уже внимательнее.

Через пять минут я отложила дневник и сжала пальцами виски. Ну и что это было? В такие совпадения я не верю. Вряд ли нужный ритуал вдруг всплыл на поверхность стеклянного монолита просто так. Ведь больше ни одной страницы перелистнуть мне так и не удалось, они оставались склеенными намертво.

Итак, что мы имеем?

Я собралась покинуть страну. Раймон (про Джейнса ничего не знаю, но подозреваю, что он с другом всегда заодно) собирается мне помешать — это к бабке не ходи. Оставим в стороне его личную заинтересованность в моей персоне, ну не верю я, что после стольких лет он прямо так хочет меня, что кушать не может. Не говоря уже о какой-то там влюбленности. Все же он не Лиу, он уже тогда был взрослым мужиком, не слишком похожим на пылкого влюбленного. Скорее на человека, привыкшего получать то, что хочет. Хотел он меня, но я уверена — только в придачу к власти и сильному потомству с серебряной кровью.

Власть у него уже и так есть, без меня. Насчет потомства... вот тут ничего сказать не могу — по идее, за прошедшие шесть лет никто не мешал герцогам жениться. Уж дворянок с серебряной кровью в королевстве достаточно. Ну да, ну да, она у них не так чиста и сильна, как у Юйриль, то есть у меня. Но раз герцогам уже подчинился камень рода, это не должно стать препятствием, это даже не будет сменой династии, по сути. Постепенно, за несколько поколений, с самыми чистокровными вассалами вполне можно набрать прежний потенциал. А чтобы не было грызни между двумя ветвями власти, Джейнсу и Раймону достаточно устроить брак собственных детей, и линии снова сольются в одну.

Так что в целом во мне нет такой уж надобности. И охота на беглую принцессу может быть организована совсем с другой целью: просто-напросто обезопасить своих детей на будущее. Это мне не нужна власть и не нужно королевство, но разве можно угадать, что будет лет через пятьдесят, например, если кто-то из моих детей или внуков пожелает вернуть себе престол?

Убить меня Раймон и Джейнс не могут, тут опасаться нечего — им не даст вассальная клятва. А вот посадить под замок и таки настрогать с моей помощью потомство... подконтрольное... Даже если не от самих герцогов, а от Лиу, которого запрут где-то рядышком... бр-р-р!

И в свете этой информации всплывший из стекла текст обряда тем более не выглядит совпадением. Если его провести, я, получается, не просто передам власть над родовым камнем и вассальными клятвами

тому, кого выберу, но еще и откажусь от дальнейших притязаний на трон за себя и за всех своих потомков.

Серебряная кровь останется с нами, как и магия, а вот власть над родовым камнем полностью перейдет в руки преемника. А мы будем свободны и... А, вот зачем придумали ритуал. Это свобода для тех, кто не просто оставляет старый трон, но и способен соорудить себе новый. Проще говоря, стать основателем новой династии, отдельной.

Мне династия без надобности, но с другой стороны — почему бы и нет? Новые земли, новые люди, новая кровь. Вряд ли у нас дойдут руки до глупых игр в трон и корону, а вот сохранить магию в потомках не помешает. Это я недоучка, а Лиу, Силье и остальные миньоны очень даже ученые, вполне смогут передать знания дальше. Насколько я помню земную историю Америки, такие династии в Новом Свете устраивались на редкость шоколадно.

А главное, ритуал разом отсекает основную претензию наших правящих герцогов. Королевство останется им вместе с камнем рода, вассалами, обязательствами, прочими плюшками и шишками. Все, как они хотели.

Значит, сомнения прочь, ритуал я проведу, это, судя по описанию, совсем не сложно. Главное — не запутаться в словах и ясно выразить намерения. А вот дальше начинаются сложности, потому что возникший в результате ритуала «свет» надо передать из рук в руки тому, на кого вешаешь геморрой, в смысле трон. То есть нужно встретиться с Раймоном.

Вот это настоящая засада.

Думай, голова, думай, новую кастрюлю куплю. Две кастрюли.

Так, вернемся к тому, с чего начали: я придумала отправить с тинским капитаном детей и Крона, развязав себе руки. А если вместе с ними отправить миньонов и Силье? Лиу не поедет без меня, тут даже думать не о чем, но остальные... они ведь наше слабое место. Моего консорты Раймон убить не может, меня тоже, захватить в плен... Здесь можно подстраховаться: для передачи светоча необязательно подходить вплотную, можно, например, с борта корабля прицельно зашвырнуть в герцога этим самым результатом ритуала. Долетит — он нематериальный и повинуется мысли.

И главное — если я назначу встречу Раймону, пригласив его на переговоры на своих условиях, это будет отличным отвлекающим

маневром для того, чтобы Силье с миньонами и детьми успели отчалить в дальние дали. Лиу до поры до времени тоже будет мелькать перед глазами герцога, я сама пообещаю встречу... не совсем честно, но куда деваться?

Хорошо бы только обсудить это с теми, кому наравне со мной участвовать в аванюре. Но как с ними связаться-то? Чтобы раньше времени не поймал один шустрый герцог.

Глава 62

— Кто-то из тех, с кем у тебя связи, может доставить письмо в резиденцию его светлости? — Я машинально погладила пальцами разложенные по столу фантики будущих конфет и остановила свой выбор на одном из них. — Вот эта бумага лучше всего подойдет. Только рисунок надо изменить, этот слишком аляповатый.

— Хм... — Берта взяла у меня бумажку из рук и отложила в сторону. — Нивию надо спросить, у нее полно мелких подручных в тех же Ракушках. Ты в курсе, кстати, что многие дома там снова принимают клиентов, но теперь уже на несколько других условиях?

Я поморщилась. Разве это хорошая новость? А с другой стороны, чего я ждала? Мир устроен несправедливо, и одним днем его не исправить.

— Да, многим девушкам некуда пойти, — покивала Берта. — А многие и не хотят, потому что ничего другого не знают и не умеют. На то, чтобы устроить их жизнь, обучить ремеслу, залечить душу, даже у солнц денег и людей не хватит. Увы...

— Хоть кому-то помогли, уже хорошо, — вздохнула я. — Ну так что? С письмом поможете?

— Ты уверена, что это хорошая идея?

— Лучше у меня нет. Тинский корабль отплывает через три дня, мои должны уплыть на нем. Не только дети и брат, но и другие... мои. А они теперь под таким плотным наблюдением, что даже шаг в мою сторону сделать не могут. Поэтому нужен хороший отвлекающий маневр.

— Отвлекать собой — это ты здорово придумала. Не уверена, что твое солнце согласится.

— Я бы спросила, да не могу. — Невеселая усмешка скользнула по губам. — Поэтому придется действовать на свой страх и риск. После того как герцог получит мое письмо, я надеюсь, он отвлечется

от парней и у меня появится возможность связаться хоть с кем-то, чтобы передать инструкции.

— А ты уверена, что тебя послушаются?

— Более чем. Для них я все еще принцесса. Они мне клятву давали.

— Ах вот как... что же. Давай свое письмо. Придумаем что-нибудь. Когда тебе надо, чтобы его доставили?

— Чем скорее, тем лучше. Мои уже на корабле у тинца, и он в курсе некоторых планов, так что в дом на окраине я больше не вернусь. Если кто и напал на тот след, он опоздал.

— Вот это правильно. Хотя не представляю, как ты свой мешок с котятками умудрилась загнать на корабль, они у тебя возмутительно шумные и балованные для детей, особенно мальчишка.

— Есть методы. — Вот снова не хочешь, а улыбнешься, хотя на самом деле ничего веселого в ситуации нет. — Ты же догадалась, что брат мне не совсем брат? Да? Ну вот... Он мои приказы тоже не обсуждает. Даже если недоволен ими.

— Понятно... Я подозревала, что ты можешь быть жесткой, но вживую это впечатляет, пожалуй. Хорошо. Сегодня вечером письмо будет в резиденции герцога Браганта. Но ты уверена, что он его прочтет? Ему таких писем, прошений и жалоб несколько сотен в день приносят, может, он их жжет в камине, не читая?

— Раймон? Нет, он ответственный герцог. — Я сегодня как-то слишком много улыбаюсь, почти смеюсь. Как бы потом плакать не пришлось. — Все письма просматривает сам, хотя не все читает. Но имя отправителя обязательно увидит.

— Хм? — Берта взяла у меня из рук сложенное и запечатанное конвертиком послание. Прочла, что на нем было написано, и подняла брови.

«Его светлости герцогу Браганта от того, кто умеет готовить борщ. Вы все еще должны мне восемь золотых, мой господин. Не хотите встретиться и обсудить этот вопрос?»

— Что такое «борщ»? — Женщина недоуменно нахмурилась.

— Да так, одно блюдо, которым я угощала наших правителей когда-то давно. Кроме меня, его так никто и не научился правильно готовить, так что его светлость не перепутает.

Над текстом письма я думала долго, всю ночь. Надо было написать так, чтобы четко дать понять Раймону: либо он соглашается на мои условия и тогда мы встретимся, либо я исчезну, бросив все, и больше обо мне никто никогда не услышит. Тонкий намек на то, что шесть лет я времени даром не теряла, тоже присутствовал. Это уже был совсем наглый блеф, но тут, как говорится, кто не рискует, тот не пьет шампанское.

Я очень рассчитывала на то, что мой прошлый побег произвел нужное впечатление. И что Раймон поверит, что я могу оставить миньонов точно так же, как сделала шесть лет назад. Как совместить эту его веру с моим требованием дать им свободу передвижения — вот над чем пришлось поломать голову.

В результате вышло что вышло. Я могу всех бросить, если на меня давить, но так и быть, все же делаю жест доброй воли — в обмен на своих миньонов согласна на встречу.

В город должны были выйти все парни, кроме Лиу, его герцог волен был оставить при себе, чтобы не сомневаться в моей готовности пойти на переговоры.

Место и время встречи в этом письме тоже были назначены — я не стала рисковать с долгой перепиской, почти наверняка следующее письмо доставить будет сложнее, потому что его будут ждать и попробуют если не поймать «почтальона», то как минимум проследить за ним. Зачем мне такие сложности, я и так напрягаю Берту. Не за спасибо, конечно, выуживаю из своей головы все, что может пригодиться ей в ее будущем шоколадном бизнесе. А поскольку денег за это не беру, она без колебаний готова расплатиться услугами.

Так вот, встреча назначена на ночь отплытия тинского корабля. Да, диснеевский капитан сказал, что суда покинут порт с ночным отливом, это как-то связано с лоцманами, мелями и входом в бухту, я не стала выяснять подробности.

Миньоны должны уйти с этим кораблем. В Картахелии останемся только я и Лиу.

Это все было очень рискованно, но другого способа выдернуть мальчишек из ловушки я придумать не смогла. А кроме того, мне все равно надо было увидеться с Раймоном, чтобы передать ему «светоч крови». И вот для того, чтобы в эту последнюю встречу у меня были пути отхода, мне нужен был Силье.

Вот уж кто собаку съел на организации всяческой конспирации, в этом я успела убедиться. Наверняка он перед тем, как уплыть с тинцем, обеспечит безопасность и возможность рвануть следом своему брату, ну а заодно и мне. Ругаться, правда, будет. И попробует остаться. Но тут — фигушки. Да, лично мне он клятвы не давал, но он присягал серебряной династии вместе со всеми слугами в замке, и, пока я не отдала светоч Раймону, воспротивиться моим приказам младшее солнце не может.

Глава 63

Раймон с досадой посмотрел в чашку новомодного напитка, доставленного ему в резиденцию по большому секрету и чуть ли не в единственном экземпляре. В смысле, вычурный кувшинчик с густо-коричневым содержимым действительно прислали один, зато с инструкцией, как греть, как наливать и как пить. На яды его проверили, так что Раймон рискнул попробовать этот «дар города».

Подозрительная дрянь оказалась такой вкусной, что Раймон впервые в жизни позволил себе настолько расслабиться. Не приказал, как обычно, принести сундучок с письмами, которые пришли за день, а свалил их разбор на секретаря, лениво поручив тому самостоятельно сортировать почту.

Обычно он такого не допускал, прекрасно зная, насколько бывает важно получать сведения из первых рук и как опасно доверять подчиненным самим решать, какие вести должны достигнуть сиятельных ушей, а какие лучше придержать.

Но в последние дни дела государственные волновали его постольку-поскольку, срочных кризисов не намечалось. Донесения от стражи и соглядатаев он получал отдельно. Ко всему прочему, нервное напряжение вылилось в приступы дурного настроения и даже апатии.

Вот как сейчас... горячий... странное название у напитка — «шоколад». Огонь в камине. До сеанса связи с Джейнсом еще больше часа. О Юйриль никаких новостей, и демоновы миньоны сидят в резиденции как пришитые, смотрят честными глазами. Имеет право один герцог немного отдохнуть?

Секретарь за дверью, в приемной, тихонько шуршал письмами, как трудолюбивая мышь. В кабинете было тепло и пахло тем самым шоколадом, рецепт которого надо непременно раздобыть и отвезти Джейнсу. Легкая дрема сползла на плечи бабушкиной шалью, как когда-то в детстве, когда строгая и величественная леди Браганта позволяла себе мелкие и почти незаметные жесты приязни и заботы в отношении внука. Полчаса... полчаса, а потом он снова будет думать о том, где искать одну невозможную девицу.

— Ваша светлость! — Голос секретаря раздался так неожиданно, что Раймон вздрогнул и едва не опрокинул себе на колени почти пустую чашку. — Простите... Я только хотел доложить, что ваше задание выполнено.

— М-м-м? Хорошо, — отмахнулся Раймон, собирая себя из расслабленного облачка обратно в герцога Браганта. — Что-то важное или срочное есть?

— Нет, ваша светлость. Несколько доносов, более двадцати прошений, отчеты из адмиралтейства. Ну и послание какого-то сумасшедшего, сегодня всего одно.

— Понятно, это все может подождать. Точнее, отчеты оставь, остальное в камин. Один день без кляуз и нытья — уже праздник. — Раймон кивнул сам себе, мимоходом даже удивившись, что все так прилично и даже «послание от сумасшедшего» всего одно. Обычно душевнобольные, из тех, у кого хватило ума освоить грамоту и кто имел добрых родственников, оставивших безобидному дураку перо и чернила, писали до десятка писем в день на высочайшее имя.

— Будет исполнено, ваша светлость, — послушно склонился в поклоне секретарь. И скрылся за дверью.

Раймон снова откинулся на спинку кресла и прикрыл глаза. Вызов Джейнса он услышит, остальное можно игнорировать.

Вот только задремать не получилось. Какая-то мысль скреблась на краю сознания, точно как секретарь в соседней комнате. Что-то такое... что-то он только что видел или слышал... вот с секретарем и связанное.

Своим предчувствиям и неясным мотивам за столько лет у власти Раймон привык доверять. Поэтому встал и вышел в приемную, где его секретарь уже закидывал в растопленный камин последние из писем. Поднос с почтой опустел, и молоденький дворянин уже хотел было встать, но спохватился, поморщился и достал из-за обшлага камзола еще одно послание. Какое-то непривычное, на довольно дешевой бумаге и свернутое забавным способом.

Юноша уже почти бросил письмо в огонь, когда Раймон резко скомандовал:

— Стоять! Дай сюда.

Именно краешек этого послания, торчащего из-за обшлага секретаря, он заметил еще там, в кабинете. И отчего-то зацепился за

него мыслью.

— В-ваша светлость... — Мальчишка-секретарь в испуге застыл, не донеся письмо до огня на считанные пальцы. — Это не стоит вашего внимания... глупая шутка, наглая и безнравственная, вам не стоит... это то самое, от какого-то душевнобольного.

— Ты будешь решать, что мне стоит видеть, а что нет? — Расслабленное состояние сгнуло без следа, голосом герцога Браганта можно было выморозить всю приемную вместе с горящим камином. — Быстро. Дай сюда.

Когда Раймон начинал разговаривать таким тоном, у его слуг и вассалов буквально крылья вырастали за спиной, с такой скоростью они начинали метаться, выполняя приказы. Вот и сейчас не успело минут время одного вздоха, а в руках его светлости оказался лист бумаги, свернутый и запечатанный восковой печатью без всякого рисунка.

И правда было похоже на послание какого-то сумасшедшего. Вот только текст на обороте... Сердце сделало кульбит и больно ударилось о ребра, дыхание перехватило.

Нет, почерк знакомым не был. А вот слова...

«Его светлости герцогу Браганта от того, кто умеет готовить борщ. Вы все еще должны мне восемь золотых, мой господин. Не хотите встретиться и обсудить этот вопрос?»

Дверь в кабинет захлопнулась с оглушительным грохотом, отрезав Раймона от всего остального мира. Руки тряслись, когда он вскрыл послание. Пришлось несколько секунд даже подышать, успокаиваясь, иначе строчки прыгали и расплывались перед глазами.

Через пятнадцать минут, ровно в тот момент, когда вспыхнул талисман связи, Раймон метался по комнате, как зверь в клетке, обеими руками вцепившись в письмо и неразборчиво ругаясь.

— Я вижу, друг мой, ты в настроении, — послушав его несколько секунд, отметил Джейнс, глядя на это безобразие сквозь открывшееся прямо в воздухе «окно».

— Джей! Ты-то мне и нужен! У тебя холодная голова! — Раймон быстро сел в свое кресло и аккуратно разгладил слегка помятое письмо у себя на коленях. — У меня есть новости.

— Я вижу. — Герцог Ривердан невозмутимо кивнул. — Судя по всему, первый приступ буйства я уже пропустил, так что ты способен

разговаривать по-человечески. От кого письмо? От Юйриль?

— Как ты догадался?

— А это было трудно? Райн, выдохни и скажи нормально, что происходит.

— Читай! — Вместо того чтобы пускаться в долгие объяснения, его светлость герцог Браганта поднял и развернул лист бумаги так, чтобы его было хорошо видно в окне связи.

Пару минут было тихо, Джейнс послушно читал. Потом отодвинулся от талисмана.

— Понятно... Я так понимаю, больше всего тебя не устраивает, что она специально предупредила: не надо посылать людей к месту встречи заранее, чтобы все там изучить и подготовить засаду, иначе никакой встречи не будет?

Глава 64

— Что произошло? — Силье буквально шипел мне в лицо, как большая и очень злая змея. — Какого демона нас выкинули из резиденции едва ли не пинком и почему мой брат остался там?!

— Потому что ему единственному ничего не угрожает. — Стылый зимний ветер попытался сорвать слова с губ и унести куда-то в узкие портовые улочки. Я ответила сразу на второй вопрос, на самый важный.

— С чего вдруг?!

— Его жизнь и здоровье вирой привязаны к жизни и здоровью его светлости герцога Браганта. — Не знаю, рассказал ли Лиу брату эту подробность, или им не до того было. Ну, теперь все в курсе.

— Охренеть, приятная новость! — Змеиное шипение постепенно переходило в бешеный драконий рык. — Это значит, что он никуда брата не отпустит! Посадит под замок и будет стеречь пуще сокровищницы! Я рад! Очень рад!

— Это как в прошедшие шесть лет? — Я даже позволила себе легкую усмешку, глядя на злющего брата моего солнца. — Особенно стерег, видимо, когда вы там свое солнце в Юнрене зажигали.

— Б...ь! — не выдержал и выругался Силье. А потом добавил саркастически: — Простите, ваше высочество.

— Да ничего, мне и похуже слова известны, — заверила я. — Ты выпустил пар? С тобой уже можно нормально разговаривать? Мне нужна твоя помощь.

— О, превосходно... именно поэтому ты одним приказом связала пацанов и чуть ли не под конвоем отправила их на корабль? Даже не поздоровалась толком. Уф... да. Да, я уже могу нормально разговаривать.

— Отлично. — Я проигнорировала его эмоции. — Потому что одна я не справлюсь, тут опыт нужен. У тебя его явно больше, как и способностей. Наметки кое-какие у меня есть, но этого мало, я очень боюсь ошибиться.

— И что тебе надо? — Силье плотнее запахнулся в плащ и покосился в сторону темного и мокрого от волн пирса, по которому тинские матросы утаскивали в сторону трапа последний сундук с вещами.

Да, Берта по собственной инициативе загрузила трюм каким-то невообразимым количеством коробок, сундуков, свертков и рулонов, сурово шикнув на меня: в колониях ничего нет! А что есть — то стоит втридорога. Не смей тут играть в благородную сироту! Тем более если на меня меркантильно рассчитывают в будущем как на хорошего друга и делового партнера. Раз мы плывем туда, где растут какао-бобы, сами боги велели мне присмотреть за качеством отправляемой для Бертино бизнеса продукции, а заодно шугнуть от ресурса конкурентов, если те появятся. А за это мне вернут мои двадцать процентов от прибыли и денег обратно не возьмут. Разве что идеями, когда они в моей гениальной до идиотизма голове опять народятся. Их можно в письмах изложить.

— Мне надо отдать Раймону светоч крови, забрать у него мое солнце и убраться отсюда вслед за вами так, чтобы никто не успел помешать.

— Отлично, — после паузы выдохнул Силье. — Мне нравится почти все. Смущает только, как именно ты собираешься все это осуществить.

— Вот для этого ты мне и нужен, — подтвердила я его самые нехорошие подозрения.

— Ты издеваешься? Вот тут, на берегу, за два часа до отплытия я должен придумать за тебя план операции, в которой мой брат рискует своей... свободой?

— Ну примерно так. — Я даже не стала делать вид, что раскаиваюсь. У меня, можно подумать, был выбор.

— Может, я еще и должен за оставшуюся ночь устроить здесь волшебную страну, где желания принцесс исполняются сами собой?

Если бы не форс-мажор и общий брюквец, этот злоехидный паршивец мне бы даже начал нравиться. Не так, как его брат, и вообще не как мужчина. Но как личность, с которой можно от души поругаться и потроллить друг друга для сброса пара.

— Нет. — Мой голос тоже был полон невеселого сарказма. — До утра тебе никто времени не даст. Ты уплывешь на этом же корабле.

— Что?! Ты точно издеваешься?! И не подумаю! Я не оставлю брата!

— Куда ты денешься... от собственной принцессы и вассальной клятвы? — вздохнула я. Вот ни разу не хотелось давить, но повторюсь: а какой выбор?

— Я тебе не присягал, я... не вхожу в число твоих миньонов! Забыла?

— Нет. Ты не мой личный вассал, верно. Но ты королевский вассал и присягал мне вместе со слугами в общем зале. Забыл? — продублировала я его интонацию. Дурная идея — препираться в такой момент, но Силье надо было встряхнуть.

— Ты даже не представляешь... — сдавленно проговорил Силье, дергая за завязки на плаще и пытаясь оттянуть их подальше от шеи, — как я хочу тебя придушить.

— Но не можешь, да? — от души посочувствовала я.

— Не могу... пока! Плевать мне на твое высочество, но мой идиот-братец без тебя загнется. Рассказывай, что от меня требуется!

Я передернула плечами — очередной порыв ветра с моря хлестнул по спине холодной ладонью.

— Я нашла место, где мы встретимся, я в целом придумала, как именно мне одновременно подойти к Раймону достаточно близко для разговора и для того, чтобы забрать Лиу, но в то же время не дать себя схватить. Мне помогли, у моей... компаньонки достаточно связей и средств. Но у нее недостаточно магических сил, а у меня все плохо со знаниями в этой области.

— В смысле? — дернулся Силье. — Ты принцесса! Тебя учили, так почему... ты и раньше не пользовалась магией, да?

— Да. — Я посмотрела на него в упор. — Я потом объясню, почему так вышло, когда будет время. Сейчас некогда и неважно. Нужно, чтобы ты посмотрел место встречи, выслушал план и подумал, где есть слабые места. Возможно, предложил что-то свое. А еще мне нужен талисман перемещения, завязанный не только на определенное время, не на какое-то определенное место, а на определенного человека. На тебя. И на твою кровь.

— Почему именно на мою? — напряженным голосом переспросил Силье. Умный... сволочь. Сразу главное выцепил.

— Потому что тогда Лиу гарантированно притянет куда надо в то заранее выбранное время, когда талисман активизируется. Даже если я не смогу освободиться... его ты заберешь.

— Ты дура? Зачем тогда весь этот балаган с самого начала затеян? Разве ты не хотела свободы? А теперь что?

— Я и сейчас хочу... — Мой вздох улетел в ночное море вместе с ветром. — Все зависит только от того, чем или кем за эту свободу придется заплатить. Шесть лет назад я могла уйти одна. Теперь не могу.

— Да хрена лысого мой брат тебя оставит, — с мрачной убежденностью прищурился Силье.

— Ну, я и не собираюсь сдаваться. Это просто на самый-пресамый крайний случай. Вообще-то, мне ты тоже должен зарядить талисман. И по плану активизирую я их одновременно.

Глава 65

Стылый ветер рвал ткань плаща, словно задался целью унести лоскут в ночное море и там полоскать его в злой невидимой пене на макушках волн. Я поежилась и села на камень. Скалы у кромки прибоя — место, где я вроде совсем недавно, и так давно, назначала встречу со своим солнцем.

Силье, ругаясь на чем свет стоит, облазил тут все, показал мне, как именно в прошлый раз подкрался незамеченным, отдал тот самый плащ, с помощью которого маскировался под камушек, зачаровал не только талисманы переноса, но и еще пару интересных штучек...

А потом ушел на корабль, злой и бледный от невозможности нарушить приказ. Если честно, я сама не была уверена, что у меня получится его продать. Потому что... ну мало ли вассалов у королевы, никто не выполняет приказов дословно, иначе это не королевство было бы, а театр марионеток. Но как оказалось, приказать кому-то конкретному в короткий промежуток времени, находясь рядом с ним, вполне можно.

Да я бы не стала приказывать, ну все ведь понятно, и вроде мы с Силье договорились. А нет — в последний момент этот ишак уперся: не уйду без брата, и все тут. Сами вы не справитесь, все поломаете и не сумеете, и вообще...

Пришлось действовать жестко. Чувствую, когда окончится наша авантюра, мне еще припомнят это насилие над личностью. Да и пусть. Главное, чтобы было кому припоминать.

Ему слишком опасно было тут оставаться. Как бы ни повернулось, убивать меня или Лиу Раймон не станет, а значит, даже при плохом сценарии останется надежда. Потому что непоправима только смерть, а все остальное можно пережить.

Луна уже переползла середину неба и теперь грузно и медленно скатывалась к горизонту, меняя серебристый оттенок на оранжево-красный.

Уже вот-вот.

«Идиотка, чему я могу тебя научить за полчаса? Дурной силы немерено, а мозгов с наперсток! Сюда смотри!»

Голос Силье прозвучал в голове так ясно и четко, словно само второе солнце неведомым образом вернулось с уплывшего в ночь корабля и стояло рядом, зло и рвано объясняя мне, как пользоваться простейшим заклинанием. В других обстоятельствах, наверное, ничего бы не получилось. Какая там кровь у меня в венах — вопрос десятый, а магии надо учиться нормально. Не на скорую руку на верхушке продуваемой ветром скалы. Но теперь у меня просто не было иного выхода: надо — значит, надо. И у меня получилось.

«Криво, косо и через задницу, но пойдет».

Тонкие нити крови, раскинутые вокруг скалы словно кривоватая паутина, дрогнули. Раймон пришел на встречу, его охрана осталась там, вдалеке, на границе сети, как я и потребовала в письме. К самой скале приближались только двое.

Я сосредоточилась. Бумажный самолетик, который я сложила из листка бумаги под взглядом Силье, сначала недоверчивым и скептическим, а потом слегка ошарашенным простотой решения, грелся в ладони, как живая птичка, даже слегка подрагивали треугольные крылья. Легкий толчок — и ветер послушно подхватил почти невесомого посланника, унося его в темноту.

Мы голову себе сломали, думая, как передать Лиу талисман переноса. Он ведь будет рядом с Раймоном, а тот не настолько дурак, чтобы просто стоять и смотреть, как его лишают последнего козыря.

А теперь бумажный самолетик почти неощутимо клюнул адресата в плечо, и в следующую секунду я выдохнула, поймав его в свои объятия. То заклинание, что могло миновать охранный контур магии Раймона, было совсем слабеньким. Собственно, оно потому таким и было: все, что на гран сильнее, отбросило бы щитами как угрозу.

Но нам и не нужно было сильное, ведь перенести Лиу надо было всего на несколько десятков метров, на верхушку скалы, где я сначала прилепнула к его груди настоящий талисман переноса, моментально прилипший к куртке намертво, и только потом коротко обняла, ткнувшись губами куда достала — в шею.

И тут же оттолкнула, не давая сжать себя в объятиях, не давая целовать.

— Ты снова обманула меня, не так ли? — В голосе Раймона не было даже злости, он стоял там, где его застало исчезновение моего солнца, и не пытался что-то делать. На первый взгляд.

— Нет. — Я обеими руками удержала Лиу на месте, а сама шагнула вперед, к краю скалы, чтобы герцог Браганта меня увидел. Несколько слабеньких магических светильников, зажегшихся на вершине и у подножия, позволили нам лучше разглядеть друг друга. — Не больше, чем ты меня. Ты ведь прицепил на него следящее заклинание. Прости, но теперь оно сгорело. Лиу тебе не нужен. А я готова поговорить.

Раймон молчал несколько длинных мгновений, глядя на меня снизу вверх. Потом спросил:

— Не спустишься?

— Нет. — Я качнула головой и улыбнулась. — Мне и отсюда все прекрасно слышно. Я обещала тебе разговор, но не объятия.

Кривая усмешка скользнула по красивым губам, а ветер вдруг донес до меня слабый призрак полынного запаха. Как... приятно оказалось. Неожиданно приятно — просто потому, что у нас были общие воспоминания, по которым даже можно было скучать. Совсем немного.

— Ты ведь устроила эту встречу, только чтобы забрать его? — вроде бы спокойно спросил Раймон после паузы.

Лиу за моей спиной коротко вздохнул, но промолчал.

— Нет. — Я покачала головой. — Не только. Не только забрать, но и отдать.

— Отдать что? — не понял Раймон.

— То, что мне не принадлежит, — пояснила я и вынула левую руку из-под плаща. Зажженный совсем простым ритуалом огонь светоча окутывал пальцы мягким серебристым сиянием.

Я даже с высоты в добрый десяток метров увидела, как потрясенно расширились глаза Раймона. Да и Лиу за моей спиной подавился вдохом. Но не сделал и движения, за что я ему была благодарна почти до слез. Его доверие ко мне — абсолютное и нерассуждающее — одновременно и пугало, и обжигало счастьем.

— Это то, что я думаю? — Хриплый шепот принесло ветром, не иначе, сама я с такого расстояния его бы не расслышала.

— Да, это светоч серебряной крови. Я отдаю его вам с Джейнсом, как когда-то отдала это королевство и эту власть.

— Почему?! — Кажется, этот вопрос вырвался сам, мимо воли хозяина.

Я глубоко вдохнула, оглянулась на Лиу, подарив ему мимолетную улыбку... Доверие должно быть обоюдным. А еще — уходить надо правильно, чтобы не осталось вопросов без ответов.

— Потому что я не принцесса. Юйриль умерла в тот день, когда вы закрыли замок щитом, — произнесла я, глядя герцогу прямо в глаза. — Она хотела вести свою игру, понадеялась на старый ритуал и свою кровь, призвала меня из другого мира, чтобы я сделала за нее всю грязную работу. Но она ошиблась, неправильно оценила свои силы и напортила в ритуале. Так я оказалась в ее теле, и дальше пришлось выплывать своими силами. Поэтому, Раймон... это не мое место, не мое королевство и не мое наследие. Я не собираюсь становиться самозванкой и не хочу взваливать на плечи груз чужой ответственности.

Глава 66

Пару секунд было так тихо, словно ветер и море тоже замерли от изумления. Потом мне на плечо опустилась теплая рука моего первого миньона. Он наклонился и очень нежно коснулся губами моей щеки, мягкая кисточка его дыхания скользнула по коже. Скользнула и растаяла в зимнем холоде, когда Лиу снова отступил в полумрак за моей спиной.

Да, нам не надо было слов. И так все понятно.

— Вот, значит, как, — медленно проговорил Раймон. — Я почти догадался... почти правильно догадался. Ты была слишком непохожа на любую другую женщину. Да и мужчину, если на то пошло. Ни на кого не похожа.

— Ну, ты умный, так что неудивительно, — хмыкнула я. — Кстати, Джейнс выйдет из укрытия или мне делить светоч на две части и швырять им в две разные цели?

— Как ты догадалась? — Герцог Ривердан возник словно призрак из пустоты, вот просто раз — и встал у левого плеча Раймона.

— Логика — наше все, — улыбнулась я ему. — Здравствуйте, ваша светлость. Я рада вас видеть, несмотря на то что эта встреча для нас последняя.

— Ну почему же последняя? — Джейнс смотрел на меня без всякой враждебности или же, наоборот, вожделения. Просто с интересом. — Возможно, мы с моим... братом когда-нибудь решим посетить колонии. Вы ведь туда направляетесь?

— Да, раз вы догадались, то и скрывать больше нет смысла. — Я поймала бьющуюся на ветру прядку и заправила ее за ухо. — Но вряд ли... мы там пересечемся. Ни мне, ни вам это не нужно.

— Не решай за меня, — тут же вмешался Раймон. — Хватит прошлого раза, я...

— Подожди. — Одного движения Джейнса, который положил другу ладонь между лопаток, оказалось достаточно, чтобы герцог Браганта замолчал. Хотя и выглядел при этом крайне недовольным. — Есть вопросы поважнее. Поскольку я не знаю твоего настоящего

имени, буду называть тебя Юйриль, ты не против? Хорошо. Так вот: я не собираюсь мешать вам с твоим... миньоном уйти. Но меня волнует жизнь моего друга, вирой привязанная к жизни этого мальчишки. Не хочу, знаешь ли, как-нибудь неожиданно обнаружить магически высушенный труп Раймона в его собственной спальне.

— Понимаю. — Я не глядя протянула руку назад и тут же ощутила прикосновение ладони Лиу, он переплел наши пальцы. — Как только мы покинем королевство, я сниму виру с герцога Браганта. Последняя связь между нами исчезнет. Несколько дней стоит быть осторожными, потому что связывающие их нити еще не достаточно истончатся, но потом все будет хорошо.

Вообще, про то, что виру можно снять, и про «остаточные нити» мне Силье подсказал, но сейчас я умничала с самым уверенным видом: блеф никто не отменял.

— Спасибо, — очень серьезно сказал Джейнс, и даже с такого расстояния я смогла заметить мелькнувшую в его глазах тень огромного облегчения. Да, вот уж кому моя придумка с вирой подложила свинью, так это герцогу Ривердану. Бояться за себя не так страшно, а вот за самого близкого человека, за того, кому в случае чего еще и ничем не сможешь помочь...

— Вы готовы? — Я пошевелила пальцами поднятой левой руки, перебирая струящийся между ними серебряный свет. — К чему тянуть? Нам пора.

— Подожди! — Молчавший все это время Раймон скинул руку Джейнса и шагнул вперед с таким видом, словно собрался взлететь ко мне на скалу. Я напряглась. Но напрасно. Герцог Браганта всего лишь впился мне в лицо каким-то болезненно-горьким взглядом и спросил:

— Почему он? Почему не я?!

М-да. Вздох унесся вместе с ветром в темноту.

— Ты сам-то можешь объяснить, почему я? Зачем тебе нужна именно я? Ты же меня не знаешь, Раймон, нашему знакомству несколько месяцев и шесть лет разлуки. Я не знаю, кого ты себе придумал, полынный герцог, но она — не я.

— Не считай меня совсем уж глупым мальчишкой, — зло прикусил губу Раймон, не сводя с меня горячечно-возбужденного взгляда. — Я взрослый мужчина и могу понять, когда меня к кому-то так сильно тянет. И нет, тянет не на красивую внешность и не на кровь.

И не на собственные фантазии, во всяком случае не настолько. Все дело в тебе. В тебе самой. Да, я многого не знаю, но того, что вижу, достаточно, чтобы...

— Влюбиться? Полюбить? Раймон, скажи, — я наклонила голову к плечу, — если вот сейчас, до передачи светоча, Лиу женится на мне и подтвердит свой статус консорта, он сможет отобрать у вас с Джейнсом власть?

Раймон на секунду замер, зло прищурился и медленно кивнул.

— Сможет, если очень постарается. Это не значит, что мы не будем сражаться и не победим, но шансы у него есть, и немалые. Зачем ты спрашиваешь? — Он весь подобрался, и я снова почувствовала запах горящего полынного поля.

— Это ответ на твой вопрос. Он может забрать у вас власть, если захочет. Но он уходит со мной, отказавшись от нее.

Пару секунд герцог Браганта молчал, глядя на меня исподлобья. И я видела, как в его глазах отражается осознание.

Кивнула.

— Да. Он уйдет со мной, потому что ему нужна только я. А ты... несмотря на свой интерес и даже, возможно, влюбленность, всегда будешь выбирать власть.

Он почти неслышно выдохнул.

— Это не плохо. — Серебряный светоч в руке колыхнулся, лаская пальцы, словно у меня на ладони сидел теплый пушистый зверек. — Честно! Я могу уйти со спокойной душой, зная, что оставляю наследство Юйриль в надежных руках. Но я ухожу, а ты не сможешь уйти со мной никогда. И это правильно. Кто-то же должен остаться. Пусть королевство получит тот, кому этого хочется.

— Вы очень умны и на редкость великодушны, — длинную паузу нарушил Джейнс, вдруг снова перейдя на «вы». — Я склонен считать вас настоящей принцессой серебряной династии, достойной того, чтобы самой выбирать свою судьбу. Я клянусь, что не стану мешать вам покинуть королевство, и желаю удачи там, куда вы отправляетесь.

Я мимолетно ему улыбнулась, все еще не сводя взгляда с Раймона. Да, Джейнс, пообещавший не мешать уйти, дорогого стоит. Я вижу собственными глазами, насколько он серьезный противник. Но сейчас важнее, что скажет Раймон.

А Раймон молчал. Смотрел на меня и молчал. Молчал.

Где-то в самой глубине души маленькая частичка меня грустно отвернулась, сожалея о чем-то, что, наверное, могло бы быть, если бы мы встретились при других обстоятельствах. В другом мире, в другой роли. Может быть, у нас бы получилось что-то хорошее. А может, нет. И та самая частичка грустила, наверное, не о несбывшейся любви, а о том, что теперь мы никогда не узнаем, была ли она возможна.

Пауза затягивалась, ветер с моря усиливался, и светоч в моей руке вился кольцами серебряного тумана, дрожа так, словно ему тоже не терпелось хоть что-то сделать.

А потом Раймон отвел глаза, и я почувствовала, как воздух вокруг задрожал от полынной магии.

Глава 67

Никто ничего не успел сделать, хотя мы все вроде бы были готовы к сюрпризам. Даже Джейнс, который стоял к своему другу, практически брату, вплотную и знал его лучше всех, не смог предугадать того, что произошло.

Я почувствовала, как запах полыни окутывает меня с головы до ног, и слышала, как в сухой степной траве трещат кузнечики, алый свет заката мягко коснулся лица, словно приласкал теплой ладонью. Полынный ветер легонько дернул за край плаща, лаптясь, как большая кошка. Потом сорвался в пустоту, закружил, вздымая маленький пыльный смерч, и лег мне на ладонь резным узором горькой травы, серебристо-серой от солнца, но с глубокой темной прозеленью где-то там внутри.

— Будь счастлива. Пожалуйста. И береги себя.

Все исчезло, словно не было, и запах моря снова закружил ночь вокруг нас, вокруг мокрой скалы и инстинктивно прижавшегося ко мне со спины Лиу.

— Береги ее. Иначе я приду и убью тебя сам, — сказал Раймон, обращаясь явно к моему первому миньону. А потом... опустил глаза.

— Твою мать, Райн, — после паузы как-то устало произнес Джейнс. — Твою мать... Я должен был догадаться, что ты это сделаешь. Благословение Браганта. М-да... что же. Поздравляю вас, ваше высочество. Куда бы вы теперь ни отправились, удача будет на вашей стороне, и все у вас получится. Благословение Браганта старший член этого рода может отдать всего один раз в жизни, и теперь оно ваше.

У меня перехватило дыхание. Потребовалось несколько секунд на то, чтобы втянуть хоть сколько-то воздуха в грудь. Ужасно хотелось заплакать, но... но было нельзя. А еще то ровное тепло, что прижималось к моей спине и обнимало самыми надежными в мире руками, очень помогло.

— Спасибо, Раймон. У меня нет такой силы благословения, как у рода Браганта, но, знаешь... я желаю тебе встретить ту, что будет тебя

достойна, полюбить ее и добиться взаимности. Я желаю тебе этого. И отдаю свое желание вместе с властью и кровью. — Легким толчком я отправила в сторону двух герцогов серебристый шар светоча.

Вот теперь, кажется, задохнулись все, кроме меня. Мне просто некогда было — я держала светоч, но не рукой, а душой. Вела его, как по ниточке, к тем, кому он предназначался. И смотрела, следила, как серебряный туман окутывает две стоящие рядом фигуры, как впитывается в них, как зажигает острые белые искры в глазах и волосах, как гаснет, покорный воле новых хозяев.

— Вот и все. — Облегченная улыбка сама коснулась губ. — Удачи вам, ваши светлости. Удачи и счастья. Прощайте.

Шаг назад и легкое касание талисмана — того, что я приклеила на куртку Лиу. Силье не знал, что я немного сжульничала, когда взяла у него два талисмана — для себя и для своего консорта. Я их склеила и оба отдала Лиу, потому что в таком случае их объединенной силы хватило бы на то, чтобы вынести его даже из-под непробиваемого купола, каким, в теории, могло бы нас накрыть, если бы кто-то из герцогов решил играть нечестно. А теперь, чтобы уйти на корабль, мне надо было всего лишь прижаться к своему любимому миньону и положить ладонь на киноварную вязь рисунка.

Ветер, снова ветер налетел на нас плотной стеной, подхватил и унес в темноту. Я так крепко вцепилась в Лиу, что чувствовала, как под пальцами трещит ткань его плаща. А потом нас выбросило над морем, и мы упали... правда, с очень небольшой высоты и прямо на мокрые доски. Мой миньон успел сгруппироваться, поэтому, когда мы покатались от борта к мачте, я даже не ушиблась и толком не успела ничего сообразить: небольшое головокружение, короткий вскрик — и все.

— Ты как? — Теплые губы скользнули по щеке, коснулись уха. — Все хорошо?

— Все отлично, — восстановив дыхание, заверила я. — А будет еще лучше. Если ты с меня встанешь. Тяжелый... Хотя нет, можешь не вставать. Мне нравится.

Лиу тихо рассмеялся куда-то мне в шею, а потом все же встал, подхватывая меня на руки.

— Лежать на мокрой палубе в такую погоду — плохая идея, — сказал он. — Моя принцесса простудится. А я впредь намерен

выполнять все обязанности консорта, то есть беречь свою госпожу от всех опасностей этого мира.

— И от простуды? — Мой короткий смешок утонул в его волосах, когда я уткнулась лбом в его плечо.

— В первую очередь, — заверил Лиу очень серьезным голосом. И чуть прикусил кожу на шее. Я почувствовала, что сердце сейчас или остановится, или проломит грудную клетку. Что ж такое с этим... мужчиной? Почему меня так ведет?

— Вообще-то... я больше не принцесса серебряной династии, — чтобы хоть что-то сказать, прерывисто выдохнула я.

— Ты моя принцесса. И династия у тебя будет такая, какую ты захочешь. — И ни капли же сомнения в голосе, говорит так уверенно, словно весь мир у него уже в кармане, осталось вытащить небрежным жестом и бросить к моим ногам.

— Это все, конечно, прекрасно, — сказали вдруг у нас за спиной голосом очень злого бармаля. — Но лучше пока отпусти свою принцессу и дай мне ее немного придушить. Что ты сделала с талисманами, идиотка? Почему вас крутило по векторам так, словно из пушки шибануло? Пытались задержать? Напали? Что? Вы целы? Да отпусти ты ее, дай посмотрю...

И меня попытались выдернуть из теплых объятий. Ага, выдернул один такой. Морду бить своему близнецу Лиу не стал, но рыкнул очень убедительно, а еще отступил на полшага таким текуче-грациозным движением, что Силье пронесло мимо, как на саночках с горки, и слегка размазало по мачте.

Пока он шепотом матерился, меня все же поставили на палубу, но обнимать не перестали. Только развернули лицом в сторону публики. Ага... вот почему близнец ругается шепотом, а не вслух.

— Мама! — Вот теперь не меня на руках носили, а наоборот — на мне повисло целых три обезьянки, и под их весом я чуть не села на мокрые доски, спасло только, что меня все еще обнимал за талию большой и теплый мужчина.

До меня даже не сразу дошла эта «мама». А когда дошла, я чуть не разроняла детей. Потому что ладно Сиона, она совсем маленькая, ладно Майю... но вредный независимый и подчеркнуто взрослый Янь, который всю дорогу показывал мне, что нечего тут воображать, он

мужчина в семье. Его «мама» была самой громкой. И вцепился он в меня крепче сестер в разы.

— Я думал... — он спрятал лицо у меня в складках плаща и мокро всхлипнул, — думал, ты больше не придешь...

— Я же обещала. — Вот как бы самой не зареветь, а? Что мне с ними делать теперь? «Мама»... Не готова я к такому высокому званию, я вообще...

— Все, я здесь, больше плакать не надо. Давайте лучше с папой знакомиться. — Ничего умнее, чем перевести стрелки на вовремя подвернувшееся «первое солнце Юнрена», я не придумала. — Или с дядей вон! Сейчас отлипнет от мачты — и можно его тоже пообнимать.

Глава 68

Обниматься к Лиу, а потом и к Силье охотно пошли только девчонки. Причем последнего никто не спрашивал, ответит ли он взаимностью, старшее солнце просто вручило ему и Сиону, и Майю, и младшая сразу вцепилась в нового «дядю» обеими руками так, что Силье аж зашипел тихонько — под маленькие пальчики попали отросшие ниже плеч волосы. Майю вела себя приличнее, но тоже не прочь была потискаться.

В темноте лицо Силье было не особенно разглядеть, но выражение шокированного злого волка, к которому заяц пришел с обнимашками и поцелуями, оценили все.

— Чего это он папа? — Янь никаких поползновений к новым родственникам не делал и вообще не собирался меня отпускать, смотрел на парней исподлобья и не очень приветливо. — Вы поженились, что ли? Когда? Почему не...

Не договорил, усовестился, но все поняли, что мальчишка имел в виду: почему у меня разрешения не спросила?!

— Я теперь спрашиваю. — Удивительно, как Лиу сумел с первого раза взять нужный тон, совершенно серьезный и при этом доброжелательный. — Можно мне жениться на твоей... маме? Хотя раньше ты называл ее сестрой, насколько мне помнится.

— Как хочу, так и называю, — тут же набычился Янь. Потом вздохнул и посмотрел на меня взглядом сердитого кукушонка, которому в гнездо нежданно-негаданно подложили еще одного соплеменника-конкурента. — Это кто такой? Ты его давно знаешь? Ты вообще сама замуж за него хочешь или лучше спихнуть его в воду, пока далеко от берега не отплыли еще?

— Эй, малец, будешь наглеть, я тебя самого под мышки петлей и окуну с борта, чтобы охолонулся. — Силье наконец немного опомнился от девчачье-обнимашной атаки и подал голос, точно выдержав все нужные интонации уличного хулигана.

— Ты там стой и не рыпайся, уронишь — прибью! — хмыкнул в его сторону Янь, правильно оценив застывшую позу и судорожно

сжатые пальцы Силье. Тот действительно боялся уронить девчонок, хотя изо всех сил не показывал своей слабости. Но теперь просто взвыл:

— Да заберите их кто-нибудь!

— Сказано — стой и держи, — фыркнул опять Янь. — Значит, стой и держи. Доски мокрые, поскользнутся еще, упадут и ушибутся, они у меня маленькие и хрупкие. — Поганец точно бил в цель, потому что Силье как раз на это и реагировал, видимо, таких «маленьких и хрупких» девочек в руках никогда не держал и теперь не знал, как сделать это правильно, чтобы они не поломались или, что еще хуже, не разревелись. — Не тебя замуж берут... в смысле в мужья.

И снова испытующе уставился сначала на Лиу, потом на меня.

— Я его выбрала давно и правильно, — заверила я мальчишку и рассмеялась, откинувшись спиной на Лиу. — Потому что он самый лучший во всех мирах. — Теплые руки на моей талии сжались сильнее. — Самый надежный, самый сильный и умный. Самый красивый. Самый любимый. Самый...

— Ой, все! — скривился Янь. — Сопли — это вы потом наедине. Ты! — Он бесцеремонно ткнул пальцем в Лиу. — Попробуешь ее обидеть — мы с братом Кроном тебе башку оторвем и скажем, что так и было. И вообще, пока не женился — руки прочь. Нечего лапать честную девушку, тут тебе не Ракушки. Давай-давай, отлипни! И пока до храма какого не доплывем, не лезь близко.

— Янь. — Я засмеялась, когда Лиу, чуть поколебавшись, все же попытался меня отпустить. Но его руки оказались перехвачены моими и устроены там, где положено: на прежнем месте, на моей талии. — Боюсь, честным парнем ему столько не продержаться, я раньше не вытерплю, обещаю его. Поэтому давай не будем ждать храма. Достаточно будет капитана.

— О, я благодарен госпоже за доверие и за то, что обо мне вспомнили, — раздался голос из темноты, и наш диснеевский принц нарисовался в лунном свете как какое-то китайское божество в развевающихся шелках. В голосе его была доля иронии, но добродушной такой, без капли недовольства. — Признаться, госпожа поразила этого капитана в самое сердце. Я даже представить себе не мог, что вы принесете подобную удачу: наши земли примут не только вас и вашу магию, но и целый отряд молодых обученных мастеров.

Такого еще не было в новых землях, и, не буду скрывать, это сразу поставит нас на другую ступень в отношениях со странами и соседними колониями. Как вы понимаете, этот капитан будет счастлив исполнить любое желание госпожи.

— Желания у нас, помимо оплаченного проезда, пока скромные, — засмеялась я. — Как капитан, в море вы имеете право провести обряд бракосочетания, не так ли?

— Все верно, госпожа, этот капитан знает, что нужно делать, — кивнул Тай Вей. — Такой брак, по слухам, самый крепкий и удачный. И ритуал, придуманный для него, подходит людям любого королевства и любой веры, поскольку о нем, если верить легенде, когда-то договорились сами боги.

— Вот и отлично. — Я сжала ладонь Лиу и переплела наши пальцы. Вообще, немного смешно и странно было выступать с инициативой, но я чувствовала молчаливую и приправленную легким юмором поддержку со стороны своего первого консорта. Что-то вроде: «Если тебе так хочется, я сделаю что угодно, в том числе и постою смиренно, пока ты командуешь». — Тогда и тянуть нечего.

— Вы не хотите подождать даже до утра? — улыбнулся капитан и, получив наше дружное ответное мотание головой, несколько раз щелкнул пальцами, призывая слуг. Они у него, похоже, были выдрессированы понимать хозяина без слов, потому что я опомниться не успела, как на палубе у центральной мачты организовали что-то вроде цветочного алтаря (где они в море взяли орхидеи?!), а также позвали из кают всех пассажиров, кому было интересно поприисутствовать.

Я впервые получила возможность потискать своих мальчишек... и убедиться, как они, паршивцы, выросли все. А еще, заглянув парням в глаза, я прогнала последний страх: мне все казалось, что я таки срываю их с теплого места, лишая положения в обществе и перспектив, тащу неведомо куда... Это Лиу согласен со мной на край света. Ну и Силье с ним за компанию. А парни?

Как оказалось, парни тоже всем довольны. Поскольку в их возрасте новые земли, приключения и перспектива стать кем-то очень крутым частенько важнее теплой постели и кланяющихся горожан.

Я выдохнула. И с чистой совестью погрузилась в то, что было сейчас интереснее и важнее всего: в своего первого миньона, в его

взгляд, в его тепло, руки, плечи, волосы... слова перед маленьким цветочным холмиком.

Ночное море дышало нам в спину прохладой и водорослями, слова падали в темноту как серебряные капли, сплавляясь во что-то такое, красивое и общее. Оно светилось, все ярче и ярче, в глазах Лиу, заслонило собой ночь, корабль, людей вокруг, весь мир.

Последнее, что я услышала, был немножко капризный голос Сионы:

— И я хочу замуж! Нет, я хочу сейчас... Он подойдет, он добрый и красивый и похож на нового папу. Ну и что, что тебе он тоже нравится, давай пополам? Как мамину куклу!

Глава 69

Тепло-тепло-тепло, несмотря на холодные брызги и сквозняки, гуляющие между палубных надстроек. Я бы хотела сейчас уделить внимание каждому, подержать за руки, еще раз заглянуть в глаза.

Крон, большой братец-медведь, он ведь и правда стал братом, близким, родным, без которого я уже не представляю, как жить, хотя и помню, что, когда придет время и он встретит свою судьбу, придется отпустить.

Мальчишки — ну с ума же сойти, как так можно? Почему? Пара месяцев на кухне, вечера под сказку, поучить их, как нож держать и местную картошку чистить, — почему меня не предупредили, что от этого всего прирастаешь сердцем намертво? И шесть лет разлуки ничего не изменят, и каждого хочется держать в ладонях, как птенца. Согревать, беречь.

Хотя эти птички уже вполне оперились и сами кого хочешь подержат за все места.

Гусь вон подмигивает многозначительно из-за Цантиного плеча, хвост оборву гаденышу! Засранцы! Люблю, не могу.

Вредный, противный братец, даже его люблю, ну что ты скажешь? Пусть ворчит, пусть ругается, это у него так уютно выходит — сразу понятно, что ты дома и в безопасности.

Мелкие мои — тут даже разговаривать не о чем, свалились на мою голову.

Всех люблю. Хотя, наверное, это Лиу виноват. А еще адреналин с эндорфинами, серотонинами и прочим дофамином. Меня сейчас так штырит счастьем, что я люблю даже корабельную мачту. А что, имею право!

Даже капризы мелкой не бесят. Впрочем, она не меня терзает, может поэтому.

Видимо, события последних дней совсем расшатали детскую психику, поскольку Сиона раскапризничалась как никогда. Категорически отказалась отпускать Силье, впилась в него как клещ и на любую попытку переговоров реагировала артиллерийскими

залпами пронзительных воплей и слез. Мы с Лиу уже поженились, потом успели нацеловаться, нас все поздравили, все еще недовольный Янь отобрал у новоиспеченного дяди Майю со словами «получше найдем», уже Крон, явившийся на мой зов из трюма как раз к свадьбе, застенчиво облапил меня обеими руками, позддравил и одарил миньонов строгим взглядом...

А малявка все душила совершенно несчастного, растерявшего сарказм и ядовитую хладнокровность Силье. Второе солнце выглядело откровенно замученным, и непонятно было, что его больше пугает: впиявившаяся в него довольная как удав Сиона или она же, орущая пожарной сиреной при любой его попытке откосить и передать «сокровище» в чужие руки.

— Это ты ее научила! — нашел он наконец крайнюю. — Сделай что-нибудь!

— И не подумаю, — хмыкнула я. — Привыкай, в большой семье клювом не щелкают. В смысле, не успел увернуться — терпи.

У него стало такое лицо, что во мне проснулись остатки совести. Оценив состояние ребенка, я вздохнула и посоветовала:

— Подожди еще немного совсем, сейчас она уснет, и я ее заберу. перевозбудилась деточка, устала. Вон глаза уже закрываются.

Силье покосился на свою ношу и тихонько выдохнул — малявка действительно моргала очень сонно, а буквально через пять минут уткнулась ему носом в шею и засопела. И уже не брыкалась, когда ее забрал Крон и унес в каюту.

— Я тебе это припомню, — пропыхтел Силье, впрочем без особой злобы. — Всё, расходимся, праздник окончен! — И смылся так быстро, что я даже не успела заметить, куда именно.

Не знаю, может, у него и кончился. А у меня он только начался. Когда все разбрелись по каютам, когда усталость спутала лодыжки мягкими веревками, когда волосы, весь напряженный день забранные в тугий пучок, распустились от движения ласковых проворных пальцев, когда в каюте с низким потолком в перекрестьи резных деревянных балок запахло горячей водой и шалфеем, когда меня на руках отнесли в большую бочку и позволили в ней почти раствориться, когда шершавые, мозолистые от работы с мечом ладони скользили по телу, смывая мыльную пену, когда шелковые простыни коснулись

обнаженной кожи так нежно, будто меня положили на облако... когда один поцелуй превратился в тысячу, а одно желание стало на двоих...

А утром я обнаружила, что прабабушкин дневник рассыпался в стеклянную пыль, которую унесло сквозняком в открытый иллюминатор. И мысленно попросила высшие силы: давайте подождем с токсикозом до берега?!

Глава 70

— Не понимаю твоих мотивов. — Тень в кресле вздохнула и поставила пустой бокал на низкий столик.

Все было как прежде, все привычно: огонь в камине, потушенные свечи, ночь за окном, двое в комнате.

Разговор.

— Чего ты не понимаешь? — Герцог Браганта устало потер виски и пошевелил угли узорно выкованной кочергой.

— Она ушла, Райн. И не вернется. Чего ты ждешь, объясни мне? Я понимаю, что долгая жизнь и молодость для таких сильных магов, как мы с тобой, не проблема. Да, наша власть сейчас крепка как никогда. Но рано или поздно все равно придется решать вопрос: нам нужны наследники.

— Я помню. — Раймон продолжал вяло перемешивать багряно тлеющие руины на месте бывшего жаркого огня.

— Оставь камин в покое. — Джейнс потянулся и отобрал у друга кочергу. — Что ты там помнишь, скажи на милость? Какого цвета у нее глаза? Мне что, по голове тебя двинуть как следует или сжигающего память зелья подлить в бокал? Очнись уже! Сколько можно?

— Женись и заведи наследников, хоть десяток, — равнодушно предложил Раймон. — Кто тебе мешает?

— Ты мешаешь, — фыркнул Джейнс. — Друг мой, тебе благословением память отшибло? Мы с тобой теперь окончательно две части одной династии, нам ее еще сливать в одну. Я не могу жениться, пока ты не найдешь себе невесту. Наши дети должны быть ровесниками, и еще не факт, что сразу получится родить девочку и мальчика, так что королевы нам с тобой нужны прежде всего здоровые и плодовые, чтобы рожали таких же здоровых и сильных детей.

— Ты мне еще лекцию о долге перед династией прочти, — фыркнул Раймон, потягиваясь и разминая шею. — Это я все без тебя наизусть знаю.

— А толку? — Джейнс с трудом сдержал порыв как следует огреть друга, слегка сошедшего с ума на почве неразделенной любви,

кочергой по тупой башке. — Толку от твоего знания, если ты ходишь целыми днями с кислой миной и на тщательно отобранных со всего королевства претенденток даже не смотришь?!

— А, так это претендентки? — равнодушно осведомился Раймон и поморщился. — Я все понять не мог, откуда столько девиц в замке и почему по коридору пройти спокойно нельзя, обязательно наткнешься на целый выводок хихикающих и стреляющих глазами кур.

— Да, это претендентки, — голосом терпеливой нянюшки, разговаривающей с капризным трехлеткой, ответил Джейнс. — Лучшие девушки со всего королевства, с родословной, репутацией и, что важно, самой чистой кровью. Их выбирали с помощью того артефакта, что мы с тобой вместе зачаровали, ты забыл?

— А, ну да, — рассеянно отозвался Раймон, уже успевший опять задуматься о чем-то своем.

— Боги и демоны, дайте мне сил! — Джейнс налил себе еще вина и откинулся на спинку кресла. — Так вот. Артефакт, как ты помнишь, определяет, сколько серебра в крови у каждой претендентки, и отсеивает всех, в ком ее меньше половины. Оставшиеся девушки вполне подойдут, чтобы дать хорошее потомство, пригодное для дальнейшего слияния династии. Поэтому я бы хотел, чтобы ты проявил хоть чуточку внимания и уважения к ним, и...

— Ты говоришь об этих девицах и наших гипотетических детях как о свиноматках или кроликах с фермы, — засмеялся Раймон. — А от меня хочешь уважения к ним?

— Хотя бы не пугай, — вздохнул временно смирившийся Джейнс. — Ну что за привычка смотреть на девушек взглядом некормленного василиска? Что такого ужасного они сделали, зачем прожигать их глазами на месте?

— Ты хоть раз прислушивался, о чем они щебечут? — поинтересовался Раймон, тоже потянувшись за вином.

— Время от времени я с ними даже беседую, — усмехнулся Джейнс.

— Нет, друг. Надо не беседовать, а слушать, причем так, чтобы тебя не видели. Узнаешь о себе, о мире и о девушках много нового.

— Боги, Раймон, ну естественно, эти девицы не святые, к тому же они соперницы и получили от родителей недвусмысленные инструкции, — закатил глаза Джейнс. — Но послушать стоит, верно,

чтобы не выбрать совсем ядовитую змею. Ладно... пока можешь пугать, все равно еще не все съехались и официальные смотрины начнутся не раньше чем через месяц.

— Это еще не все?! — искренне ужаснулся Раймон и аж привстал, посмотрев на друга с укоризной.

— Северянки еще не приехали, те, что из самых дальних баронств. И твои подданные из Браганта опаздывают. Но не пугайся, это всего пять-шесть девиц, в общей куче и не заметишь.

— Хм, а мои почему запаздывают? — озадачился герцог Браганта. — Надо связаться с управляющим и мэрами, в чем дело?

— Какой-то скандал с девицей, которая так же категорически не хочет за нас замуж, как ты не хочешь жениться, — ехидно ухмыльнулся Джейнс. — Вроде бы она там по дороге чуть не сбежала, переодевшись в странную одежду, еле поймали, так фантазерка, прежде чем сдать, попыталась притвориться сумасшедшей и потерявшей память.

— И зачем вы ее сюда тащите? — не понял Раймон. — Не хочет — и не надо. Только чокнутой артистки погорелого балагана мне не хватало для полного счастья.

— Для количества пусть будет, тем более что родители у нее хоть и нищие, зато самые родовитые в твоём герцогстве, — пожал плечами Джейнс. — Не пригласить ее было нельзя. И серебра в ее крови почти три четверти. Да какая разница, пусть присутствует, тебе нужны волнения среди родовитых дворян в твоих землях?

— Да мне все равно, — отмахнулся Раймон и встал. — Пойду спать. А ты... если так приспичило, ну выбери нам парочку на свой вкус. Я тебе доверяю.

— Идиот влюбленный, — тихо сказал Джейнс в закрытую дверь.

Два месяца спустя Раймон шел по коридору в свои новые покои и ругался сквозь зубы. Джейнс настоял на своем, и фарс под названием «смотрины» накрыл королевство скатившимся с гор селевым потоком. Все сошли с ума, все вокруг превратилось в дом умалишенных. И королевский замок в первую очередь.

Раймон почти добрался до убежища, осталось только свернуть за угол и нырнуть в потайной ход. Собственные прежние покои нынче стали небезопасны: там его в любой момент могли достать нравоучениями, вопросами и просьбами, поэтому герцог Браганта

обосновался в одной из старых башен, куда можно было попасть только через замаскированную гобеленом дверцу в конце коридора.

Он почти дошел. И расслабился. Как выяснилось, рано.

Потому что влетевшая в него на всех парах девица явно выскочила из нужной двери, красноречиво показывая, что убежище рассекречено. Мало того, ненормальная так боднула головой в солнечное сплетение, что у Раймона на секунду перехватило дыхание.

Этого оказалось достаточно, чтобы бешеная девка, пискнув: «Простите, ваша светлость», с прежней скоростью унеслась вдаль.

А Раймон остался стоять посреди коридора словно громом пораженный. Лица бодучей нарушительницы спокойствия он рассмотреть не успел, заметил только белобрысую макушку и цвета собственного герцогства. Но главное было не это.

Главное...

Врезавшаяся в него девчонка, прежде чем извиниться, очень явственно рявкнула болезненно знакомое, хотя и совершенно непонятное: «Yadrena kocheryzhka!»

Именно так шепотом ругался... ругалась Юль в тот день, когда Раймон впервые потребовал надеть на нее платье, готовясь к спектаклю с поддельной принцессой.

Глава 71

— Посидишь с нами? Капитан сказал, что мы будем в порту уже завтра! — Кори запрокинул голову и улыбнулся мне, приглашающе похлопав по теплому дереву палубы. Они с Наталем сидели на корме, свесив ноги с борта между резными перекладинами «перил» (как-то правильно они по-морскому называются, но я никогда не старалась запомнить). — А то один солнечный близнец тут без зазрения совести узурпировал нашего сюзерена и не отпускает тебя все плавание дальше чем на два шага! Куда он сейчас, кстати, делся? Сидит в засаде за бухтой каната?

Я засмеялась.

— Нет, его поймал Силье и утащил в каюту капитана решать какие-то вопросы будущего сотрудничества. А я сбежала.

— Правильно сделала, — радостно кивнул Наталь и улыбнулся. Ох, вот где выросла девичья погибель! Не зря Майю утром, когда огляделась, променяла хмурого и вечно всем недовольного Силье на это тихое солнышко. А вот Сиона осталась верна первому впечатлению и ходила за вторым солнцем хвостиком все плавание, вообще никак не реагируя ни на зверские рожи, ни на бурчание. Сказано замуж — значит, замуж. Она и так с большим скрипом согласилась, что свадьба не завтра и даже не через неделю, а «когда подрастешь».

Силье ворчал, бухтел, страдал и утешался только моими обещаниями, что, когда путешествие закончится и у мелкой появится возможность вдоволь гулять, получать новые впечатления и общаться с ровесниками, она про него забудет.

Янь целыми днями пропадал в матросском кубрике или карабкался по корабельным снастям, как мартышка. Я сначала беспокоилась, но потом пригляделась — нет, пацан не баловался. За ним все время приглядывал кто-то из команды, и не совсем чтобы по доброте душевной — будущий капитан дальнего плавания (кто бы сомневался, мечты же на лице написаны) добросовестно исполнял

обязанности юнги и учился всему, чему его учили, с таким рвением, что его даже боцман почти не ругал.

Крон, как обычно, был занят делами хозяйственными — он быстро нашел общий язык с тем из команды, кого в моем мире называли бы суперкарго, и они целыми днями пропадали в трюме. Отвлекался брат только на детей, ну и следил, чтобы мы с Лиу не только любили друг друга, но еще и питались нормально, вовремя и без халтуры.

Короче говоря, плавание прошло под знаком «как же мне хорошо».

И сейчас я сидела, свесив ноги с борта, смотрела, как пенится вода за кормой, и просто впитывала радость. А когда достаточно впитала (хотя радости не может быть достаточно, а тем более много), решила начать тот разговор, что видела все время в глазах мальчишек, чувствовала его. Я его и сама хотела, но все никак не могла решиться. А парни... им и выговориться нужно было, и в то же время они все медлили, тянули, оберегая наше всеобщее счастье.

— Ему бы понравилось плавание, — сказал вдруг Кори, словно услышал мои мысли.

— Да, — кивнул сидевший с другой стороны от меня Наталь и опустил голову, разглядывая веселую пену, скакавшую по гребешкам волн.

Я медленно сглотнула ком, вставший в горле. Прикрыла глаза и стала вспоминать, нарочно восстанавливая в голове все подробности, картинки, звуки, запахи и чувства.

Кори, Бори и Наталь — их имена тогда вообще не звучали по отдельности, а только вот так, тройной скороговоркой. Потому что отлепить друг от друга этих поросят никто уже и не пытался, им даже на кухне давали задания и подзатыльники так, чтобы вместе в одном углу.

А теперь их осталось двое. И это до сих пор ощущается болезненно неправильным.

— Расскажите мне... — я обняла обоих парней за плечи, привлекая к себе, — расскажите про него. Мне тоже его не хватает, я все время ищу глазами и...

Следующий час прошел как одна минута. Я и смеялась, когда мальчишки рассказывали про свои приключения и проказы в северной крепости, и, не скрываясь, плакала вместе с ними, когда слушала про

зажженное в небе солнце спасения. А еще не сразу заметила, как к нам сначала подсел Пух, потом пришел Гусь, привел Цанти, а потом и оба солнца подтянулись. И у всех нашлось что рассказать. Не только о Бори, но и о старом замковом поваре, оставшемся в памяти людей самым грозным воином севера.

— Он из нас всех был самый мощный щитовик, — почти шепотом рассказывал Наталь о своем друге, пристроив голову у меня на плече. — С атакующими заклинаниями не клеилось, но щит его даже учитель пробить не мог, даже мы все, когда объединялись и шаршили, он все равно держал. И тогда, с дядькой Жуем... они остались вдвоем, держать тропу. Бори со щитом и дядька с топором. Здоровенный такой топор у него был, он им...

— Когда мы спустились с Солнечного пика, там, на том месте... был обрыв и каменный завал... и очень много крови вокруг. — Кори подтянул колени к груди и уткнулся в них лицом.

Я даже не вытирала слез. Мне правда надо было это все услышать, а им необходимо, больно и остро надо было рассказать. Чтобы отпустить...

Потом мы молчали. Просто сидели рядом, как замерзшие птицы на одной жердочке, и жались друг к другу, как от настоящего холода, хотя на самом деле солнце палило вовсю и влажный ветер был теплым.

А потом на яркое, почти тропическое, светило в зените набежала кружевная туча, и я вытерла слезы.

— Смерти нет. Я точно знаю, я умирала уже дважды. — Легкий поцелуй в висок, одного, второго. Потом и к остальным потянулась, а свое первое солнце так и вовсе в губы поцеловала.

Я не знаю как, почему, когда, но все эти мальчишки и правда стали мне родными, как братья наверное. Даже Лиу не ревновал.

И слова сказались легко, уверенно, как сами собой:

— Мы будем скучать, потому что нам их очень не хватает. А они... пошли дальше. И мы их догоним рано или поздно. Потому что иначе просто не может быть. А пока будем помнить. И ждать.

Кружевная туча выпустила солнце из-под резного подола, и оно снова засияло изумрудными бликами на кончиках волн. Мы сидели всей старой кухонной компанией на корме и смотрели, как пенные барашки убегают за горизонт. И боль убегала вместе с ними, оставляя вместо себя печаль и надежду.

— Вижу землю! — раздался вдруг откуда-то из поднебесья звонкий мальчишеский голос. — Вижу берег!

— Ну вот и приплыли. — Мы вскочили и бросились на нос корабля, куда уже стекался весь свободный народ. Меня на бегу поймали в теплые объятия и украдкой снова поцеловали, я только пискнула по-девчоночьи. Но даже не пыталась протестовать, когда встречать новую землю меня понесли на руках.

Эпилог

Я вдумчиво почесала переносицу и сделала пометку в тетради. Синеглазки надо попробовать добавить на три грамма больше... а то привкус слишком слабый, теряется на фоне шоколада. И тогда это обещает быть бомбой, как в тот раз, когда я разработала рецепт конфет из горького шоколада с ромом и перцем. Аж пришлось дополнительное производство в порту организовывать, полгода ждали, пока Берта закажет и перешлет оборудование. Так за это время оптовики меня чуть не съели.

Наивная я ромашка, думала, организую трактир и буду стоять целыми днями у плиты в свое удовольствие... Ага. Как же! Нет, таверну в порту я открыла, но стоять у плиты мне там некогда. Надо управляться с остальным хозяйством — дом, поместье, собственные какао-плантации, дела с Бертой. Семья...

Янь только месяц назад уплыл вторым помощником в Тинскую империю, первый такой серьезный рейс, пока провожали — переволновались все. Майю того и гляди заневестится. Правда, у них с Наталем, кажется, все тихо-мирно ладится, без бурных страстей. Но пока девочка учится — никаких замужей.

Сиона — та уперто ждет Силье. А поскольку растет она девицей на диво серьезной, тот даже перестал протестовать вслух. Только старается ей задачек по магической арифметике подсунуть побольше и посложнее, чтобы занята была. Способностей у обеих сестричек — кот наплакал, серебряной крови там крупницы, как у многих северян, но даже их можно в перспективе развить.

А мне приходится тоже задачки решать, потому что между хозяйственными делами мою собственную учебу никто не отменял. Магия — это не шутки. Силой надо уметь владеть.

Так что жаловаться грех. И хотя времени в сутках катастрофически не хватало, жизнь была такая интересная, что тратить

ее на сон было попросту жалко.

Я утешала себя тем, что отоспалась во время беременности. Никакого токсикоза у меня не приключилось, слава здоровью и серебряной крови, но вот сонливость одолела просто феноменальная. У меня сложилось полное впечатление, что я как сошла тогда с корабля, так и уснула. Проснулась, когда время рожать наступило. А покупка дома и поместья, исследование близлежащих джунглей на предмет опасностей и съедобностей, обустройство всего и вся, разборки с местными властями, покупки, продажи, радости и горести молодых переселенцев — это мне все приснилось.

Хороший был сон, кто бы спорил. Но все же наяву мне больше нравится. В том числе и потому, что времени на сон не хватает.

— Мам! — Сыночка ракетой влетел в комнату, только двустворчатые двери разлетелись в разные стороны. — Мама!

— И незачем так орать, — голосом белого кролика ответила я, торопливо прижимая локтем листочки с рецептами, чтобы не разлетелись по всей комнате. Ибо дите у меня с ветром в... да во всех местах.

Я до сих пор не знаю, что там с душой королевской прабабушки. Да и знать не хочу, если честно. Потому что дневник рассыпался, а родила я... мальчика. Вот этого вот, с зелеными глазами Лиу, сварливым характером Силье (дядюшка мог бы и чего другого племяннику в наследство передать, но тут уж что родилось, то и выросло. Зато общий язык нашли чуть ли не с пеленок) и серебряной кровью будущего мага-исследователя.

— Мам! — блажило дитяtko, продолжая носиться по моему кабинету, словно дикая петарда. — Мам! Мам!

— Саш, тебе уже почти семь лет, — притворно сдвинув брови, заметила я. — А я не глухая. Что случилось?

— Дядя Крон! Там!

— Что дядя Крон? — вот теперь я встревожилась по-настоящему.

— Идет!

— И что?

— Так он не один идет! Он с женой и детьми!

Я к этому моменту привстала уже с кресла, но от таких новостей плюхнулась обратно.

— В смысле? Когда он успел?! Вчера еще холостой был! А теперь уже сразу с детьми?!

— Да, — радостно закивал Сашка. — С двумя!

— Это эпидемия какая-то, — пробормотала я себе под нос. Потому что только вчера любовалась округлившимся животиком Гусевой жены и шпыняла Цанти за то, что его аборигенский гарем слишком разросся. Уже третья красотка поселилась в их флигеле под девизом «она из моего племени, муж мой, будет помогать нам по хозяйству и любить тебя». У местных жителей весьма своеобразная брачная стратегия, а рыжие волосы нашего балагура производят на местных дам почти гипнотическое воздействие. Если вся эта компания начнет активно размножаться, нам придется строить еще один дом.

Слава шоколадным пряникам, Кори, Наталь и Пух, он же Лоран, пока жениться не спешат. До недавнего времени в их компании пребывал и Крон, радуя меня своим здравомыслием. И на тебе...

— Сестра! — Громкий голос Крона ворвался в кабинет раньше самого брата. Я только-только поймала сыночку за хвост и заткнула ему рот яблоком, но тишина долго не продержалась.

— Да заходите уже все. — Я вздохнула и окончательно смирилась с тем, что мои любимые рецепты придется отложить. Надолго.

— Сестра! — На лице бывшего бородача сейчас было написано такое решительно-упертое выражение, словно он не ко мне поговорить пришел, а на войну с вредителями полей собрался. — Вот. — Он втащил в кабинет за руку сразу цепочку щупленьких и мелких — раз, два, три... о, и щенок на веревочке в довесок.

— Вижу, — покладисто согласилась я, — что вот. А кто это?

— Женюсь, — все так же решительно объявил брат. — Прямо с детьми и женюсь. Мои будут... а то куда годится, так девчонку обижать?!

Я вздохнула и присмотрелась. Во главе цепочки, даже не пытаюсь вырвать руку, стояла... нет, не девочка, женщина. Просто тинка — маленькая, худенькая и такая испуганная, что мне ее сразу жалко стало.

— Дурная это затея, дочерей в бордель продавать, — ругался между тем Крон. — Изверги, а не родня! Такую кроху каким-то матросам, да даже не на берегу, на корабль! Месяц назад в порт пришли, я ее и заметил. Как ни гляну — замученная, глаза в землю,

тут синяк, там синяк... а потом увидел, что она еще и с детьми, да сама не ест, мелким кусок сует... решил — делать что-то надо. Капитан этот, паршивец, нипочем по-хорошему продавать не хотел. Еще и ножиком своим тинским в меня тыкать начал. Пришлось его немного... сломать. Головой о мачту, значит. А новый который, с тем мы договорились, что честь по чести, не просто так игрушку у них забираю, а по любви большой, сразу замуж. Так вроде можно по ихним законам, когда для любви... не стыдно им мне ее уступить. Извергам.

— Она хоть по-человечески-то разговаривает или только на тинском? — смиренно спросила я, принимая свершившийся факт.

— Она все понимает, — заверил Крон. — А дальше, стало быть, разберемся. Научится. Я ж вона арифметике и грамоте научился? Думал, голову сломаю, ан нет. И она научится.

— Ну ты хоть для порядка спросил бы, хочет ли девушка за тебя выйти, — покачала я головой, приветливо улыбаясь испуганному семейству воробушков. Вот честно, на этих мелких птичек эта троица со щенком была похожа больше всего. Мама-воробьишка и два совсем мелких пацаненка-воробушка. — Вдруг она и не поняла толком, куда ты ее притащил?

— Моя понял, господина, — пискнула вдруг тинка. — Мин Лин понял, Мин Лин будет хорошая жена для господин!

— Да ты не бойся, кроха. — На то, с какой нежностью Крон погладил ее по голове своей большой мозолистой лапой, смотреть было просто умирительно. И на то, как робко, но солнечно улыбнулась Мин Лин в ответ. — Обвыкнешься сначала, отъешься, деток откормим... а там и видно будет.

— Саш, — я ссадила с коленей всю дорогу клеившего уши сына, — отведи тетю Мин Лин и ее детей на кухню, скажи там, чтобы супа налили куриного. Я сейчас приду. Крон, задержись на секунду.

Когда сын увел наших новых членов семьи, я строго посмотрела на брата:

— Ты понимаешь, что она с перепугу на что угодно согласится? Ее там на корабле, небось, и так затра... замучили. — Я вспомнила, что принцессам, даже бывшим, все же следует выражаться вежливо. — И женитьба твоя...

— Да что ж я, колода деревянная, что ли? — укоризненно посмотрел на меня Крон. — Поженимся мы, чтоб я ее на законных

основаниях защитить мог и сплетен никаких не пошло. А до остального... пусть кроха обживется. Перестанет плакать. А там уж как сама захочет. Ежели сладится у нас — так и хорошо, по нраву она мне. А ежели опротивели ей все мужики на свете — так и я не помру, стало быть, без этого дела. Детишки уже есть, чего еще надобно?

Я только молча подошла и обняла.

— Вот уж не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — уткнулась лбом ему в грудь. — Кто бы мог предсказать, что все начнется с драки и столба, а закончится тем, что у меня самый лучший брат на свете?

— Ну ты это... — Меня обняли крепко-крепко и смущенно засопели в макушку. — Тебе спасибо. Не было бы несчастья... так бы мне никто мозги и не вправил. А теперь вот что... ты это... присмотри за ней по-женски, хорошо?

— Да куда ж я от вас денусь. Пошли посмотрим, как они суп едят. Что-то тяжелое после долгого недоедания им вредно.

И мы пошли.

Короче говоря, к своим рецептам я вернулась уже затемно. И подумала: чего тянуть, надо сразу и опробовать, все равно за день так наволновалась и набегалась, что сразу не усну. Лучше уж в лаборатории-кухне окопаюсь. Тем более что мужа нет, они с Силье вторую неделю как уехали налаживать контакты с жителями Оранжевой реки. И я волнуюсь... хотя таким сильным магам в здешних землях мало что может угрожать. Исследователи-покорители дальних земель, блин. У нас дома такое, а они вернутся... не раньше послезавтра.

Я соскучилась страшно. И все же не зря мы тогда уплыли в новые земли — здесь каждый из парней нашел занятие по душе. Ну, в смысле, они все дружно по уши в магической школе, охране границ, разборках с мелкой местной нежитью, дипломатических переговорах с шаманами... а в перспективе вообще собираются организовать что-то вроде магической службы нового государства.

Собрав со стола листочки с расчетами дозировок и своими записками, я решительно взяла лампу и отправилась в свое царство. Там у меня хорошо, и волноваться некогда — займусь вытяжкой из синеглазок, а еще проверю, созрел ли квас.

В правом флигеле, где я устроила себе «гнездо» с плитой, кастрюлями и прочей кухонной техникой, было темно, тихо и пахло

шоколадом. Уже предвкушая интересное занятие, я переступила порог и...

— Попалась, — сказали мне шепотом, подхватывая на руки и кружа, несмотря на мой писк и попытки отбрыкаться. — Попалась, жена. Так и знал, что первым делом тебя надо здесь искать.

— Лиу! — Я разроняла свои рецепты и даже не обратила на это внимания. — Когда вы вернулись?

— Буквально только что. Еще не мылся с дороги. И знаешь, жена... я так устал, так устал... буквально с ног валюсь. Меня необходимо купать и караулить, чтобы случайно не утонул в тазу. Займешься?

— Куда ж я денусь, — после поцелуя ответила я. — Заодно новости расскажу... по дороге.

— Ну, если только по дороге, — усмехнулся Лиу. — Во время купания на разговоры отвлекаться запрещено. Только на поцелуи. Кстати, одну новость я тоже принес из порта. Письмо от Берты пришло. Герцоги устроили отбор невест, и там тако-ое началось... даже любопытно, что именно, буду ждать теперь подробностей в следующем письме. Но главное — двойная свадьба состоялась. Только Раймону опять пришлось побегать. На этот раз догнал, представляешь?

Конец